

ЯНА ПЕРЕПЕЧИНА

ХРАНИТЕЛЬ
ЗАКАТА

Шесть месяцев ожидания приговора стали для Анны непростым испытанием. Чтобы прийти в себя, она уезжает на маленький остров, надеясь хорошенько отдохнуть и забыть того, кто едва не сломал ей жизнь. Остров дик и прекрасен. И под стать ему человек, которого Анна про себя называет Хранителем. Кто он и как оказался на острове? Что или кто держит его в глуши? И как не совершить ошибку, доверившись не тому?

Хранитель Заката

Перепечина Яна

Глава 1. Конец и начало

Лист с результатом лежал перед Анной. А она верила, и одновременно не могла поверить в то, что всё. Что приговор отменён и можно жить дальше.

— Спасибо за чудо! — с чувством сказала Анна в пустоту, стараясь не расплакаться от нахлынувшего облегчения, и набрала номер сестры. Та ещё утром строго-настрого наказала позвонить, как только всё станет известно.

— Как только, так сразу! Договорились?

— Договорились.

Сестра была старше на три года и всегда опекала Анну. Впрочем, без назойливости и навязчивости. В меру. Именно настолько, чтобы это было приятно и при этом не напрягало. И благодаря этому Аннины проблемы никогда не были только Аннинными. И потому казались не такими уж и страшными. В общем, Анна была рада тому, что у неё имелась сестра. Вот и сегодня позвонила ей не только из-за обещания, но и по собственному желанию.

Ответила Нелли сразу же. И у Анны сжалось сердце: сестра всегда была немногословно демонстративно оптимистична, никогда не унывала и не любила нытиков, но этот быстрый ответ лучше слов показал, как она волновалась.

— Нел, всё в порядке, — без приветствия успокоила Анна. — Это невероятно. Но факт.

— Слава Богу! — выдохнула сестра и поинтересовалась: — Отпуск теперь отменишь?

Анна, готовясь к любому результату, на всякий случай заранее взяла отпуск. Она не была уверена, что, в случае положительного результата анализов, найдёт в себе силы сразу же выйти на работу. Наверняка ей понадобится время, чтобы прийти в себя и научиться жить в новой реальности. А на отрицательный результат не слишком надеялась даже Нелли. Она была жизнелюбивой, но не наивной.

Задумавшись на пару секунд, Анна ответила:

— Нет. Не отменю. Мне надо хорошенько подумать и разобраться в себе.

— Понимаю, — с сочувствием ответила сестра. — Я так и предполагала. И у меня есть предложение как раз на этот вариант развития событий. Помнишь, мы в детстве мечтали побывать на маяке?

Анна помнила. В юные годы они с сестрой увлекались приключенческой литературой и, несмотря на внешность двух благовоспитанных барышень (за чем мама всегда очень строго следила), мечтали не о жизни принцесс, а о лихих похождениях корсаров. Поэтому учились драться на деревянных мечях, плавать как рыбы, за неимением мачт и канатов лазать по деревьям и не бояться боли.

В маяки первой влюбилась Анна, но Нелли, поразмыслив, поделила её увлечение. Однако осуществить мечту побывать на настоящем маяке, не полюбопытствовать издали, а подняться на самый верх и окинуть хозяйским взглядом морскую даль пока не удавалось. И теперь Анна даже не сразу поняла:

— Помню, конечно. Ты это к чему?

— А к тому, что я нашла маяк, на который можно съездить, и договорилась, что тебя там примут.

— Нел, — второй раз за несколько минут веря и не веря в собственное счастье ахнула Анна. — Ты... Ты...

— Да, я в курсе, что я лучшая сестра на свете, — пробурчала Нелли, но Анна, конечно, уловила растроганные нотки. — Я просто хотела тебя порадовать. В любом случае. Чем бы всё ни закончилось. А теперь повод самый что ни на есть лучший.

— Спасибо, Нел, — прошептала Анна. — И когда мне ехать? Что, прямо завтра?

— К сожалению, завтра не получится: маяк в ведении военных, необходимо дожидаться разрешения на посещение Заката. А уж потом ехать. Но мне сказали, что это не займёт много времени.

— На посещение чего? — удивилась Анна. — Это маяк, что ли, так называется?

— Закат — это остров, на котором он находится, — объяснила Нелли. — В Балтийском море (*).

— И сколько я там смогу пробыть?

— К сожалению, всего день или два. Только сотрудникам маяка, их семьям можно дольше и ещё учёным, которые туда приезжают с исследовательскими целями... Так на сколько договариваться?

— На два дня, — попросила Анна, чувствуя, как из глубины души поднимается детское ожидание чуда. — А от меня что нужно?

— Да ничего особенного. Твои паспортные данные у меня есть. Ты только паспорт не забудь с собой взять. Режимный объект, как-никак.

— Не забуду. Туда же на поезде ехать?

— Ну да, сначала на поезде, потом на такси, — начала перечислять Нелли и победно закончила: — А в конце вообще на катере!

— С ума сойти! — восхитилась Анна, понимая, что сестра ждёт от неё этого. Нелли обожала устраивать сюрпризы и делать подарки. И всегда ждала от ошарашенного бурной реакции, радости и восторгов. Но сейчас Анне даже заставлять себя не нужно было. Она и правда была счастлива.

— Спасибо тебе, Нел! Огромное спасибо! Лучшего отпуска и быть не может. Мне бы никогда и в голову не пришло устроить что-нибудь подобное. Как ты только придумала?!

— Ну, на то я и твоя старшая сестра, — менторским голосом напомнила Нелли и не выдержала, рассмеялась: — Я же тебя, дурынду, люблю!

— Никакая я не дурында! — в шутку возмутилась Анна. — Я вообще-то кандидат наук!.. — тут она осеклась и вспомнила: — Слушай, ты же сказала, что на острове дольше двух дней можно находиться учёным. Так я же он и есть! Учёный, в смысле!

— М-да, судя по последним репликам, мой учёный владеет устной речью на уровне пэтэушника! — неодобрительно заметила сестра.

— Это я от волнения, — не обиделась Анна. — Ну, так как? Учёный я или нет?

— Учёный, учёный, — согласилась Нелли. — Но сильно сомневаюсь, что на Закате нужны фольклористы.

— Так я как раз и буду там фольклор собирать!

— Какой?! Остров почти необитаемый. Там всего человек десять-пятнадцать живут. Какой фольклор там можно собирать?

— Хорошо, не фольклор! — легко согласилась Анна. — Пусть будет профессиональный жаргон маячников. Или как они там называются?

— Маячники, маячники. — Нелли хмыкнула и пообещала: — Ладно, я узнаю, можно ли

тебе пожить там подольше. Начинай собираться, а я всё решу и перезвоню тебе.

— Целую, Нел.

— И это, — уже почти отключившись, вспомнила Нелли. — Я впервые за полгода буду спать спокойно.

— Я тоже. — Голос Анны против воли дрогнул.

Сестра тут же скомандовала:

— Всё. Вспомнили в последний раз и теперь уж точно навсегда забыли. И чтобы больше никогда, ни слова, ни полслова. Точка. Конец.

— И начало! — добавила Анна.

— Именно так, — одобрила сестра и отключилась теперь уже окончательно.

(*) В водах Балтийского моря нет острова Закат. Он придуман автором и вобрал в себя черты нескольких реально существующих островов.

Глава 2. Начало конца

Всё началось за девять месяцев до того дня, когда Анна собралась отправиться на маяк. С Богданом они познакомились вполне банально, в фитнес-клубе. Сначала знакомство ничего такого не предвещало. Анна привыкла к тому, что нравится мужчинам, но при этом никто из встречавшихся ей до того дня не жаждал жениться, а сама Анна не стремилась к лёгким необременительным отношениям и несовременно хотела замуж и детей. И поскорее.

Нет, никому на шею на первом же свидании она не кидалась. Как, впрочем, ни на втором и последующих. Но свою позицию с некоторых пор обозначала сразу. Начала она это делать после того, как одну из её подруг после трёх лет совместной, но не оформленной официально жизни бросил мужчина, которого та считала мужем. Бросил, чтобы через пару месяцев жениться на другой. С ней, кстати, он познакомился незадолго до этого знаменательного события, но тянуть не стал. И все разговоры о ненужности штампа, глупых и устаревших условностях и новом, более совершенном виде отношений сразу же позабыл. Да ещё и был счастлив, как путник, обнаруживший в пустыне оазис, когда его избранница согласилась.

Тогда Анна окончательно сформулировала для себя мысль, которая до этого только роилась на краешке сознания, а теперь оформилась в постулат: мужчины всегда женятся на тех, кого и правда любят. Всё остальное — слова.

Не все подруги согласились с Анной. Но сама она раз и навсегда решила сразу обозначать свою позицию. Конечно, это не происходило в первые минуты общения. Но когда начинались неизбежные при знакомстве прощупывания взглядов на жизнь друг друга, она тут же расставляла все точки над и. И была убеждена, что всё делает правильно. Потому что, конечно, желающих продолжить общение стало гораздо меньше. Нет, даже гора-а-а-аздо меньше. Зато не было опасности в облаке поклонников не заметить того самого.

Теперь этого облако просто растаяло. Впрочем, и тот самый тоже пока не появлялся. Но Анна, подбадриваемая сестрой, которая полностью разделяла её позицию и была уже несколько лет счастлива в браке, не очень-то и огорчалась и надеялась встретить свою любовь в самое ближайшее время.

И девять месяцев назад ей показалось, что это случилось.

Разговор их произошёл на втором свидании. Анна открыла карты и приготовилась наблюдать паническое бегство. Но ничего такого не произошло. Вместо sacramентальных «было славно, надо когда-нибудь повторить», в конце вечера Богдан спросил:

— Ты свободна завтра?

Чем поразил Анну в самое сердце. Она согласилась встретиться и на всякий случай ещё неоднократно в самых разных вариантах озвучила свою позицию. Но это несколько не смутило Богдана. Наоборот, он веско сказал:

— Я тоже считаю, что имеют смысл только официальные отношения.

Анна была покорена. Богдан нравился ей. Высокий, атлетически сложенный, явно следящий за собой, он был к тому же начитан и образован, лёгок в общении и ироничен. И то, что он не боялся серьёзных отношений, добавило ему ещё больше привлекательности в её глазах.

Они часто встречались. И скоро Богдан заговорил о свадьбе и детях. Анна буквально летала, тем более, что её избранник нравился и сестре, и родителям, и подругам. А уж как он говорил! Большинство девушек мечтают о том, чтобы их любимые говорили именно это и именно так. Наверное, есть такие, кто не мечтает, но Анне они не встречались. Потому что все её знакомые, кому она иногда по многочисленным просьбам пересказывала слова Богдана, охали, ахали и восторгались.

— Жду не дождусь нашей свадьбы, — говорил он. — Предлагаю не затягивать с детьми...

Услышав об этом, Нелли посоветовала:

— Тогда вам стоит уже сейчас пройти медицинское обследование.

— Зачем?

— Затем, что к родительству нужно относиться ответственно с самого начала. Вы оба уже достаточно взрослые для того, чтобы, с одной стороны, и правда не затягивать с детьми, а с другой — иметь проблемы со здоровьем...

Анна деланно возмущённо нахмурилась:

— То есть ты нас сейчас в старики записала?

— Ну, не в старики, конечно, в сторону кладбища ползти ещё рано, — задумчиво протянула сестра, нимало не смутившись. — Но и не так чтобы очень юны...

Тут она отпрыгнула в сторону, потому что Анна схватила со стола стакан с водой и сделала шаг в её сторону.

— Но-но! Только попробуй облить! Тоже мне, Жириновский! Никакого уважения к старшим! Я же не обиды ради, а пользы для. Мечтаю о племянниках и хочу, чтобы они были здоровыми. Мы с Мишкой, кстати, тоже до свадьбы проверились.

— Я не знала, — удивилась Анна и отпила воды из стакана.

— Ты тогда институт заканчивала. Тебе не до этого было. Но да, мы так решили. И, я считаю, правильно сделали. Жениться нужно с открытым забралом, всё зная друг о друге. Вдруг у него какие-нибудь заболевания, которые для тебя неприемлемы?

— Или у меня.

— Или у тебя, — согласилась Нелли. — Это честно по отношению друг к другу.

— Ну, не знаю. Как-то это...

— Как?

— Ну, бездушно, что ли.

— Ничего не бездушно. Прагматично — да. Но лучше быть прагматиком, чем потом

растить больных детей в одиночку.

— И что? Ты бы нашего Мишу бросила, если бы узнала что-то такое?

— Если бы узнала о тех болезнях, в которых он не виноват, никогда бы не бросила. А если бы о тех, причиной которым он сам, то наверняка. Больно было бы, конечно. Но я за хирургические методы.

— И в каких болезнях может быть виноват сам человек?

— В наркомании, например.

— А, ты об этом. Нет, Богдан не такой.

— Вот и отлично. Но провериться всё равно стоит. Чтобы о детях думать, зная, что обезопасили их заранее, что нет никаких инфекций, которые могут помешать им нормально развиваться. Сейчас многое лечится, но лучше делать это не вовремя беременности, а до.

— С этим, пожалуй, не буду спорить, — согласилась Анна.

— Вот и умница. Хочешь, дам телефон центра, в котором мы с Мишкой обследовались?

— Давай. А как Миша на это отреагировал? Ну, на предложение обследоваться до свадьбы?

— Исключительно положительно. И благодаря этому в моих глазах вознёсся ещё выше. Я люблю ответственных мужчин.

— Я тоже.

— Тогда флаг тебе в руки. Иди, говори с Богданом.

Богдан предложению Анны удивился, но, разобравшись что к чему, поддержал:

— Правильная мысль. Ты у меня умница. Я завтра же сдам нужные анализы.

— Может, вместе поедем? Мне Нелка дала телефон центра, где они с мужем проверялись.

— Анют, мне завтра некогда. Он где, этот центр?

— На Юго-Западе.

— Ну вот, а я работаю на «Щёлковской». Другой конец Москвы. Давай ты туда съезди. А я зайду в первую же лабораторию и сдам анализы. Если что-то по ним будет не так, тогда уже обратимся к врачам.

— Хорошо, — легко согласилась Анна, не видя в этом большой проблемы. Конечно, она хотела бы отправиться на обследование вместе. Ждать друг друга у кабинетов, перешёптываться, глядя на будущих мам, которых в специализированном центре наверняка много, и мечтать о детях. Но, в конце концов, это не принципиально. И она написала по образцу, данному сестрой, список необходимых анализов и дала его Богдану. Тот с самым серьёзным видом вложил его в портмоне и клятвенно пообещал Анне сдать все завтра же.

— Вот видишь, а ты волновалась, — пожурила её Нелли, когда Анна позвонила ей с отчётом. — Мужчины с серьёзными намерениями не пасуют перед какими-то анализами.

— Твои слова нужно в виде плакатов вывешивать над ЗАГСами, женскими консультациями и центрами репродукции, — рассмеялась Анна.

— И напрасно ты смеёшься. Многим бы не помешало об этом задуматься. Или ты не согласна? — в голосе Нелли прозвучала сталь.

— Согласна- согласна! — фыркнув, успокоила Анна. — Ты у меня умница.

— А то! — не стала спорить Нелли и напомнила: — Завтра не ешьте ничего с утра. Кровь нужно сдавать натощак.

Глава 3. Результат

Через десять дней они получили уже все результаты анализов. Всё было прекрасно. Ничего подозрительного у них с Богданом не нашли. Складывая немалое количество листков в папку, которую было решено завести для медицинских документов, Анна радовалась и строила планы:

— Всё. Смело можем думать о детях.

— Отлично. Заявление в ЗАГС уже подали, так что тянуть смысла нет, — согласился Богдан. — Раз мы оба этого хотим.

— Хотим — не то слово, — подошла к нему Анна и обняла.

Богдан притянул её к себе и прошептал:

— Предлагаю приступить к воплощению в жизнь наших планов прямо сейчас.

— Что? Отправимся в ЗАГС ночью и потребуем срочно расписать нас? — негромко рассмеялась Анна, всё, конечно, уже поняв.

— Это будет следующим этапом, — пообещал Богдан и скомандовал:

— Алиса, включи романтическую музыку!

Приехавшая на следующий день Нелли с удовлетворением выслушала отчёт сестры и одобрительным взглядом окинула папку:

— Ого, какой системный подход. Учитель превзошёл ученика.

— Я подумала, вдруг понадобится для женской консультации.

— Молодец. Хвалю. Ты их ещё разложи по видам анализов. Твой результат на гепатит и Богдана, в другой файл твой на реакцию Вассермана и его, ну, и так далее. Чтобы рыться потом.

— Точно, так и сделаю.

— Давай помогу, — предложила Нелли, — а ты пока ставь чайник. Я торт привезла.

Когда Анна через несколько минут вернулась в комнату, Нелли с озадаченным видом вертела в руках один листок.

— Ты чего?

— Да вот, почти всё разложила, но что-то не могу найти результаты Богдана на ВИЧ. Твой есть, а его — нет.

— Может, он вместе с гепатитом и реакцией Вассермана? На одном бланке?

— Да нет, я проверила. Они на разных. Вы все результаты распечатали? Или, может, ограничились эсэмэсками из лабораторий?

— Я вообще лично съездила за результатами. Богдан тоже заходил и взял, он делал рядом с работой. Может, сунул куда?

— Наверняка. Пошли чай пить. Я голодная аки волк.

— Пошли, — согласилась Анна. — У меня ужин уже готов и суп вчерашний остался, сначала поешь нормально, а потом уже к тортю перейдём.

Пришедший вечером Богдан на вопрос Анны ответил, что анализ совершенно точно сдавал, а бланк с результатом, наверное, забыл на работе.

— Ты, главное, найди, — попросила Анна. — Пусть будет. Вдруг пригодится, когда я буду на учёт вставать.

— Конечно, — пообещал Богдан.

Но ни назавтра, ни через день так и не принёс результаты.

— Потерял? — без раздражения поинтересовалась Анна. Она вообще отличалась миролюбием и снисходительностью к слабостям близких людей.

— Наверное. Ума не приложу где.

— Тогда сходи в лабораторию и попроси повторно выдать. Можно, конечно, самим распечатать, но вдруг в женской консультации нужен будет оригинал?

— Да, схожу, — пообещал Богдан.

— Спасибо, милый. Ты прости, что я с этими анализами тебя замучила. Но это ведь ради детей.

— Да, конечно, — отозвался Богдан, но выглядел при этом грустным.

Не улучшилось его настроение и на следующее утро. И Анна решила сделать ему сюрприз: приехала встречать к офису, чтобы вместе сходить за результатом анализа, а потом в ресторан. Увидев её, Богдан, как показалось Анне, напрягся, но быстро отошёл и стал, как обычно, весел.

Ещё днём Анна позвонила сестре и рассказала о странном настроении жениха. Та посмеялась:

— Ой, Аня, может, он боится анализы сдавать и для него поход в лабораторию — стресс?

— За результатами?

— В принципе стресс. Не важно за чем он туда идёт. Вот и настраивается заранее. Отсюда и лёгкая грусть.

— Да ну, бред какой-то.

— И ничего не бред. Чего только не бывает. Муж одной моей знакомой как-то раз отказался вместе с ней ехать в медицинский центр, где они лечились от бесплодия. Она уж чего только не надумала себе. А оказалось, он, когда там кровь сдавал, упал в обморок, и потом боялся, что кто-нибудь при жене об этом упомянет. Стеснялся он. Признался, только когда жена форменный допрос с пристрастием учинила... Во-о-от... Тебе смешно, а у человека травма. Не хотел в глазах жены хлюпиком выглядеть. Может, и у Богдана что-нибудь подобное. Какая-нибудь детская травма.

— Ты думаешь?

— Да наверняка. Хватить себя накручивать. И спроси, зайти ли тебе с ним за результатами, раз уж ты хочешь сегодня Богдана встретить с работы, или на улице подождать. Мужчины очень трепетные создания. В чём-то гораздо трепетнее нас, женщин.

— Ладно, поверю опыту старшего товарища.

— Вот и правильно.

Памятуя об этом разговоре, всю дорогу до лаборатории Анна щебетала на отвлечённые темы, держа Богдана под руку и ласково заглядывая в глаза, а на пороге спросила:

— Мне зайти с тобой или тут подождать?

— Да зачем тебе идти, толкаться там? Посиди здесь, подыши свежим воздухом, — словно бы обрадовался Богдан.

Анна кивнула, села на скамейку и приготовилась ждать. Маленькая слабость её большого и сильного жениха умилила и растрогала её. Она проводила его сочувственной улыбкой и откинулась на спинку скамьи.

За большими стеклянными дверями был виден пустой холл. Толкаться было не с кем, да

и свежесть воздуха вызывала сомнения, поскольку совсем рядом было шумное Щёлковское шоссе. Но Анна решила, что сестра права, Богдан отчего-то волнуется и лучше не усугублять его состояние ненужными спорами.

В двери было видно, как аккуратная девушка за стойкой что-то говорила Богдану с серьёзным видом, Богдан слушал и кивал. Потом он взял листок, протянутый девушкой, и направился к выходу. Лицо его ничего не выражало.

Поднявшейся навстречу ему Анне он сказал:

— Представляешь, оказывается я не получал результаты этого анализа. Они были ещё не готовы. А я не понял и решил, что все взял.

— Ну вот, а ты переживал, искал! — обрадовалась Анна. — А не стоило. Давай я к себе в сумочку положу, — она протянула руку за листком, но Богдан не дал ей его и помрачнел.

— Что случилось?

— В общем, у меня плохие новости, Анюта.

Анна уже всё поняла, но зачем-то спросила онемевшими губами:

— Что?

— Результат положительный, — сказал Богдан и отвернулся.

Глава 4. Решение

Конечно, и раньше Анне случалось пугаться чего-то резко и неожиданно. Но так никогда. Если бы она была режиссёром, то решила бы эту сцену таким образом, чтобы яркая цветная картинка в один миг покрылась сеткой, как от сильного удара по стеклу, и бесшумно осыпалась к их с Богданом ногам мелким крошевом, открыв сплошную душную черноту. Именно так она и видела, чувствовала и ощущала в тот миг.

Помолчав несколько секунд, Анна сделала над собой усилие, шагнула к Богдану и обняла его, жалея и не зная, как выказать эту жалость. За себя она в этот мигновение не боялась.

Как они добрались до дома, Анна помнила плохо. Ночью, когда Богдан уснул, она выбралась из постели и на цыпочках вышла в другую комнату, плотно притворив за собой дверь. Ей было просто необходимо поговорить с сестрой. К счастью, та ещё не спала. Войдя в одну из соцсетей, Анна увидела, что Нелли делает репосты понравившихся заметок, и написала: «Нел, я могу позвонить тебе?»

Спустя пару секунд вместо ответа завибрировал телефон.

— Что случилось, Анют? — встревоженным шёпотом спросила сестра. Выслушав путанный рассказ, значительно разбавленный горькими всхлипами и частым, — чтобы не разреветься окончательно — дыханием, она недолго подумала и поинтересовалась:

— Могу я узнать, что ты планируешь делать дальше? В смысле, расставаться с Богданом или всё же строить совместную жизнь?

— Конечно, быть вместе!

Нелли помолчала и вздохнула:

— Я не сомневалась. То, что ты у меня настоящий человек, хоть и с чужинкой, я знала всегда. Поэтому не буду причитать и отговаривать...

— Спасибо, — благодарно вставила Анна.

— Не буду называть душой и ещё как похлеще... — словно не заметила её слов сестра. — Вместо этого давай думать, что и как сейчас нужно сделать. Значит, так. У меня есть знакомый профессор, который как раз занимается проблемами ВИЧ и СПИДа. Утром ;

связжусь с ним, проконсультируюсь. Теперь скажи мне, теоретически ты могла заразиться? Ты же знаешь пути заражения?

— Знаю, конечно, — всхлипнула Анна. — И да, могла.

— Та-а-ак... — Нелли длинно выдохнула. — Приплыли. Когда ж вы успели-то?!

— Да когда результаты анализов получили и решили, что не будем тянуть с детьми.

— Вот так и хочется тебе треснуть! — в сердцах сказала сестра и замолчала надолго.

Анна представила, как Нелли сейчас сидит на своей кухне, закрыв дверь, чтобы не разбудить мужа и дочку, и раскачивается взад-вперёд, чтобы немного успокоиться. Была у неё такая привычка. Анне стало невыносимо жалко сестру, родителей и всех, кто её любит.

— Маме с папой не говори пока, — попросила она.

— Не буду, — пообещала Нелли и, уже взяв себя в руки, привычно начала командовать.

Анна и сама была решительной, но старшей сестре всегда доверяла и часто полагалась на неё, хотя, если Нелли не было рядом, прекрасно справлялась со своими и чужими проблемами без помощи. Однако иногда рассчитывать на поддержку было так приятно, так успокаивающе. Поэтому она не возмущалась, а просто слушала, что говорит Нелли.

— Значит, так... — распорядилась та. — Завтра же идёшь сдавать анализы. Ясный перец, сейчас он ничего не покажет. Нужно будет повторять. Точно не помню, с какой периодичностью. По-моему, ещё через месяц, через три и последний через полгода. Утром уточню у своего профессора. До консультации с ним больше никаких незащищённых контактов. И не нервничай. Говорят, бывали случаи, когда даже жёны или мужья носителей ВИЧ не заражались.

— Ты веришь в это? — с горькой усмешкой спросила Анна.

— Верю, — отрезала Нелли. — Но не обольщаюсь. К счастью, сейчас с ВИЧ многие живут долго, а некоторые даже и счастливо. И я в лепёшку расшибусь, но помогу тебе попасть в эту категорию.

— Спасибо, Нел... — прошептала Анна и всхлипнула: — Мы так хотели детей... И вот, у нас их не будет...

— Мой профессор рассказывал, что теперь и это не проблема, — ворчливо, скрывая за резким тоном, нежность и жалость, рявкнула Нелли, но тут же снова перешла на шёпот:

— Короче, Анют. Ситуация, конечно, очень неприятная, но, к счастью, это не конец света. Мы живём не в восьмидесятых, когда ещё не знали, как с этим бороться. Завтра же я поговорю с профессором и позвоню тебе. А теперь иди спать. Жизнь ты себе, конечно, подпортила, и основательно. Но шансы есть. Немаленькие шансы.

— Прости меня, Нел, — не выдержала и заплакала Анна. — Что я натворила! Мне так жалко Богдана, и тебя, и родителей...

— Ещё никто не умер! — снова рявкнула Нелли. — И не умрёт. Ближайшие лет — дцать точно. Выпей чего-нибудь успокоительного и в койку. И только попробуй не спать до утра! Андестенд?

— Поняла, — уже спокойнее ответила Анна. — Спасибо, Нел. Ты лучшая сестра.

— Ты тоже ничего такая, — буркнула Нелли и нажала отбой.

Анна положила телефон на стол, прижалась затылком к холодной стене и закрыла глаза. После разговора с сестрой ей, как обычно, стало легче. Всё то, что ей только что сказала Нелли, она, разумеется, знала и сама. Но услышать это ещё и от человека, которого уважаешь, было важно. Ну, что ж. Правильно сказала Нелли, жизнь она себе, конечно, подпортила. Но это не конец. Если нужно бороться, она будет бороться. За Богдана, за себя,

за их будущих детей.

Она встала, прошла в ванную, умылась холодной водой, насухо вытерла лицо и отправилась спать. Ничего. Они с Богданом вместе всё непременно переживут и со всем справятся.

Глава 5. Привыкание

Знакомый профессор очень помог. Уже через день Анна с Богданом сидели в кабинете врача Центра по профилактике и борьбе со СПИД на Соколиной Горе. Немолодая женщина сначала подробно расспросила их о всех деталях, потом выписала какие-то направления и отправила Богдана сдавать анализы. Когда он вышел, она ласково посмотрела на Анну и спросила:

— Детка, ты точно решила выйти за него замуж? У тебя ещё всё впереди, есть вероятность, что ты не заразишься и сможешь быть счастлива со здоровым человеком.

— Я его люблю, — твёрдо ответила Анна. — И хочу быть только с ним.

— Ты знаешь, где и от кого он заразился?

— Богдан сказал, что его бывшая девушка была наркоманкой.

— Была?

— Она умерла от передозировки. Он не знал, что она принимает наркотики. Узнал, когда уже на тяжёлые перешла...

— Не знал? — лицо врача выражало скепсис. — Ну-ну...

Анне стало неприятно, и она упрямо ответила:

— Не знал.

— В общем так, Анечка. Я с тобой так говорю, потому что профессор Трофимов очень просил меня помочь тебе. Ты можешь не соглашаться, обижаться, сердиться. Но я скажу. Я буду помогать вам всем, чем смогу. Сейчас с ВИЧ живут десятилетиями. И твой Богдан будет жить. Вы даже сможете родить детей. Но я тебя очень прошу, присмотришься к нему. Не торопись, будь разумна и осторожна. У меня дочь тебе ровесница. И я сейчас тебе говорю то, что сказала бы своей дочери, окажись она в такой ситуации. Ты уверена, что Богдан не знал о своём положительном статусе раньше?

Анну словно внезапно окатили водой. Она вспыхнула и выдавила из себя:

— Что... что вы имеете в виду?! Что он знал и скрывал? И не предохранялся, зная о том, что у него ВИЧ?!

— Да. Именно это я и хотела сказать.

— Нет... Не может быть!

— Всё может быть, детка. Мы сталкиваемся с таким. И нередко. Есть ведь ВИЧ-диссиденты. Это люди, которые отрицают ВИЧ и СПИД и считают, что всё это мировой заговор фармацевтических компаний и врачей...

— Я знаю, читала... Но Богдан согласился прийти со мной сюда...

— Ты его долго уговаривала?

— Нет. Он сразу согласился.

— Ну, тогда будем надеяться, что я не права. Но всё равно будь осторожно. Внимательно смотри и слушай, не расслабляйся, береги себя. Твой ВИЧ-статус ещё не определён, поэтому строго следи за тем, чтобы не заразиться, если заражение ещё не произошло. Никакого уподобления, мыслей о том, что уже заразишься и теперь нет смысла

оберегаться. Без консультации со мной никакой самостоятельности. Договорились?

— Договорились, — кивнула Анна, которой врач всё же понравилась, хотя та и говорила неприятные и даже обидные вещи. В конце концов, у той могла быть профессиональная деформация. Вот и мерещатся на каждом шагу нечестность и подлость. Но она, кажется, искренне сочувствует и хочет помочь. А Нелкин профессор сказал, что это лучший специалист в городе, а, может, и в стране. Поэтому Анна решила не сердиться, а прислушаться к советам и следовать им.

Вскоре Богдан уже начал получать лекарственную терапию. Чувствовал он себя хорошо, ел и спал сладко, выглядел прекрасно. И Анна, с тревогой приглядывавшаяся к нему, понемногу начала успокаиваться. Свадьбу Богдан предложил пока отменить. И Анна не стала спорить, понимая, что ему необходимо свыкнуться с мыслью о болезни. Какая уж в такой ситуации свадьба? Но жили они теперь вместе, в квартире Анны. Она не хотела оставлять Богдана одного: опасалась, что он впадёт в хандру и будет забывать о приёме лекарств. Богдан на предложение о переезде согласился легко и даже с радостью. Это обнадежило Анну. И она с утроенной энергией принялась устраивать их совместный быт и заботиться о любимом.

Её первый анализ оказался отрицательным, но она не обольщалась. Богдан тоже не обрадовался, а сказал:

— Ты же понимаешь, что это ни о чём не говорит?

— Конечно, — кивнула Анна спокойно, хотя сердце царапнула обида. Ей хотелось бы, чтобы Богдан хотя бы немного обнадежил и поддержал её, как поддерживала его она. Но Анна подавила раздражение, приказав себе понять и простить. Богдан переживал нелёгкий период привыкания к новой реальности и имел право на плохое настроение.

Чтобы помочь ему адаптироваться и понять, что жизнь не закончена, Анна то и дело придумывала какие-то развлечения, постоянно возила его в интересные места, устраивала вылазки на природу. Богдан не отказывался, но сам инициативы не проявлял.

Через месяц Анна снова сдала кровь. Результат опять был отрицательным. Нелли, выслушав отчёт, сказала:

— Один месяц — полёт нормальный. Это наша первая маленькая победа. Осталось продержаться ещё пять раз по столько же. Ты молодец, Анют. Ты просто умница. Борись. Не сдавайся. Богдан бережёт тебя? Вы достаточно осторожны?

— Да, — успокоила её Анна. — Мы очень осторожны.

— Я надеюсь. Будь предельно внимательна. Расслабляться нельзя.

— Нел, я всё понимаю. Не маленькая... — слегка раздражилась Анна.

— Не сердись. Просто я люблю тебя и волнуюсь, — мягко напомнила сестра.

— Я знаю. Но мне кажется, что ты не любишь Богдана.

Нелли молчала.

— Нел! — с нажимом позвала Анна. — Я права?

— Скажем так, я ему не вполне доверяю.

— Но почему?!

— Мне не даёт покоя история с результатами его анализов. Что-то он темнил. Боюсь, он знал о своём статусе раньше. Знал, и не уберёг тебя, пренебрёг твоей безопасностью

— Ты говоришь, как та врач...

— Вот видишь. Значит, я не параноик.

— Нет! — рассердилась Анна. — Я верю ему.

— Твоё право. А я пока побуду в стане скептиков. Если пойму, что ошибалась, повинюсь и извинюсь.

— Нел, неужели и ты?! — Анне было до слёз обидно.

— Прости, я не хочу тебя обижать. Но не могу через себя переступить. Что-то меня напрягает... Прости...

— Ладно, не будем ссориться, — смягчилась Анна. — В конце концов, ты имеешь право на своё мнение, а я — на своё.

— Вот именно, — согласилась Нелли. — Просто помни, что я тебя люблю и в лепёшку разобьюсь, лишь бы ты была счастлива.

— Тогда будь добрее к Богдану.

— Ну, готова пообещать не плевать ему в кофе и не добавлять в еду слабительное. Сойдёт?

— Вполне, — фыркнула Анна. — Я знала, что могу на тебя положиться.

Попрощались они вполне мирно. Но Анне всё же было грустно от того, что впервые за взрослую жизнь они с сестрой разошлись во мнениях. Да ещё и по такому серьёзному поводу.

Глава 6. Откровение

Через три месяца анализ снова был отрицательным. В душе Анны затеплилась надежда. Желая поднять настроение и Богдану, она позвонила ему на работу. Услышав новость, он без особой радости сказал:

— Поздравляю.

— Видишь, милый, может быть, всё обойдётся. И тебе не придётся переживать, что заразил меня.

— Да, не придётся, — согласился Богдан и добавил: — Мне сейчас некогда. Не могу больше говорить.

— Конечно! Прости! До вечера!

Анна тут же набрала сестре. Та отреагировала на новость гораздо эмоциональнее:

— Анютка, умница моя! Вот видишь! Ты борешься. Молодец! Так держать! Очень большая вероятность, что ты не заразилась. Осталось три месяца и всё будет позади.

— Ты веришь в это?

— Я непрестанно желаю этого и верю, что Господь меня услышит.

— Спасибо, Нел! Без тебя мне было бы гораздо сложнее держаться и не раскисать.

— Да ладно, не преувеличивай мою значимость, а то я возгоржусь. Я ведь не единственный твой друг. Есть, кому тебя поддержать, и кроме меня.

На это Анна ничего не ответила, а увела разговор в сторону. Они с сестрой ещё немного поболтали о дочке Нелли и простились. Положив трубку, Анна впервые за последние месяцы задумалась над тем, что же на самом деле испытывает Богдан. Всё это время он исправно принимал лекарства, занимался собой и своим здоровьем, следил за питанием и соблюдал режим. В общем, делал всё то, что рекомендовали врачи. Кроме того, он охотно принимал и заботу Анны. Но сам ни разу не спросил, что чувствует она, не страшно ли ей. И ни разу не показал, что сожалеет о том, что всё так случилось. Да и сожалел ли он?

Вон как радовалась Нелли, услышав об отрицательном результате. И как вёл себя Богдан... Может, конечно, он был не один. Но даже слово «поздравляю» можно произнести

по-разному. В том числе и таким образом, что в нём прозвучат искренняя радость и вера в человека. А Богдан сказал как-то так... Анна сердито мотнула головой и призналась себе, что произнёс он его даже не просто равнодушно, а со скрываемым раздражением. Неужели не рад? Но почему? Захотелось обсудить это сестрой. Но Анна отогнала эту мысль. Не хватало ещё, чтобы Нелли сильнее прежнего невлюбила Богдана. Может, всё ещё показалось. Решив, что не будет горячиться, Анна принялась готовить ужин.

Вечером Богдан быстро поел, чмокнул Анну в щёку и уткнулся в ноутбук. В последнее время он всё чаще проводил вечера, блуждая по Сети.

— А у тебя лекарства ещё не заканчиваются? — поинтересовалась Анна.

— Нет, ещё много. Хватит на пару недель.

— Да? Что-то я потерялась во времени. Мне казалось, что уже пора новые получать.

— Нет, — отозвался Богдан и замолчал, а потом и вовсе поднялся и вместе с ноутбуком перебрался в комнату.

Анна убрала со стола и достала коробку с лекарствами, чтобы убедиться, что Богдан не ошибается и таблеток ещё достаточно. Она уже давно не следила за тем, чтобы Богдан принимал их. Поначалу, пока тот не привык, постоянно напоминала, контролировала, боялась, что он забудет и это повредит его здоровью. Но потом Богдан втянулся и стал сам строго придерживаться рекомендаций врачей, и Анна с облегчением и радостью самоустранилась. Она любила заботиться о Богдане, но старалась не докучать гиперопекой.

Лекарства лежали неаккуратно, вперемешку с коробочками и инструкциями по применению. Анна вздохнула и принялась разбирать их, но через несколько секунд задумчиво отложила очередную облатку и подошла к магнитному календарю, прикрепленному к холодильнику. На нём она отмечала дни получения лекарств. По её подсчётам таблеток должно было остаться гораздо меньше.

Нехорошее чувство всколыхнулось в душе. Анна заставила себя не паниковать, вернулась к столу, на котором лежали коробочки, и внимательно пересчитала таблетки в облатках. Так и есть. Их значительно больше, чем должно быть. Анна медленно, прерывисто выдохнула, сложила все лекарства обратно в коробку и, держа её обеими руками перед собой, пошла в комнату.

Богдан сидел, уткнувшись в экран. Она подавила желание посмотреть, что же он там увидел, и, тщательно контролируя голос, спросила:

— Почему ты не принимаешь лекарства?

Анна была готова к вспышке гнева или истерике и старательно подбирала аргументы, чтобы успокоить, поддержать, убедить. В конце концов, у всех могут быть срывы, апатия и даже депрессия. Анна неоднократно читала об этом на форумах ВИЧ-положительных, завсегдаем которых стала с того злосчастного дня. Конечно, Богдану нелегко. Но вместе они справятся.

Однако Богдан совершенно спокойно ответил:

— Я больше не буду их пить.

Анна растерялась:

— Почему? Тебе подобрали хорошую, эффективную терапию...

— Потому что никакого СПИДа нет.

Анна вспомнила слова доктора во ВИЧ-диссидентах. О, нет. Только не это.

— Подожди, Богдан. Не горячись...

— Я не горячусь. У меня было время со всем разобраться. И я понял, что нас дурят. На нас зарабатывают, — Богдан начал заводиться.

— Как зарабатывают? Тебе же бесплатно выдают лекарства!

— Это не важно. Ты думаешь, это забота? Ничего подобного! Я для врачей подопытный кролик. Они меня изучают.

— Что они изучают, если ты говоришь, что СПИДа не существует?! — не выдержала Анна.

Богдан отвернулся от неё и замолчал. Анна заставила себя сдержаться, села рядом и мягко спросила:

— Откуда ты это взял?

— Познакомился с умными людьми. Они мне открыли глаза.

— А они тебе не сообщили о статистике смертности среди ВИЧ-диссидентов и тех, кто принимает лекарства? И о том, сколько после положительного результата живут те и другие?

— Это всё рассказы. — Богдан снова говорил почти спокойно. В его голосе звучало ослиное упрямство человека, не желающего слышать никакие аргументы.

— Давай завтра съездим в Центр, — предприняла последнюю попытку Анна. — Поговорим, попросим совета...

— Ты правда веришь в то, что они скажут правду?! — саркастически усмехнулся Богдан. Вид у него при этом был такой, словно он представитель высшей цивилизации, беседующий с существом, отстающим от него в развитии на миллионы лет.

Анна с изумлением и болью смотрела на него.

— А как же я? А как же наши дети? Ты же хочешь детей...

— А что дети? Родим, сколько захочешь.

— Без лечения они заболеют. Ладно я. Но о них-то подумай. Прошу.

— Не заболеют. Вот увидишь.

— Богдан, что ты говоришь?! Ты обвиняешь врачей в том, что они ставят над тобой опыты, а сам собираешься экспериментировать со здоровьем и будущим ни в чём не повинных детей! Как хочешь, но я на это не пойду!

— Не ходи, — пожал плечами Богдан.

— Ты что?.. Ты хочешь сказать?.. Ты предлагаешь расстаться?

— Я не хочу этого. Но что я могу поделать, если ты не разделяешь моих взглядов? О какой совместной жизни может идти речь?

— Богдан, одумайся. Не ради меня. Ради себя. Ты погубишь себя. Я читала, что недавно умерла очередная ВИЧ-диссидентка... Ей было всего тридцать два...

— Ты опять веришь всякой чуши! Всё. Тема закрыта. Это моя жизнь. И я волен распоряжаться ей. Собери мои вещи!

— Да. Ты прав, — кивнула Анна. Внутри клокотали боль и злость. Злость на тех, кто так обработал Богдана. Но она взяла себя в руки, встала и вышла. Через час она оделась, выставила сумки в коридор и сообщила:

— Твои вещи я собрала. Можешь уйти сегодня или завтра утром. Ключи брось в почтовый ящик. Если что забудешь, я потом верну.

— Вот ты какая! — ядовито процедил изумлённый Богдан, видимо, не ожидавший, что она выполнит его требование. — При первом же испытании прячешь голову в песок и самоустраняешься!

— При первом испытании? — холодно ответила Анна. — Моё первое испытание длится уже четыре месяца. И длилось бы гораздо-гораздо дольше, если бы ты не стал адептом какой-то феерической ереси.

— А! То есть я ещё и виноват в том, что болен?!

— Ты виноват в том, что не борешься, а предпочитаешь жить с закрытыми глазами, по сути занимаешься отсроченным во времени самоубийством. Как хочешь, но я не хочу и не могу в этом участвовать.

— Так вот ты какая! — повторил Богдан.

— Да, я такая. Решись лечиться — возвращайся. Я ни словом не упрекну и буду тебе помогать. Но отказаться от борьбы я не готова. За помощью в самоубийстве не ко мне. Это противоречит моим принципам. Всего доброго, Богдан.

Анна направилась к дверям. Но Богдан вдруг вскочил, выбежал в прихожую, вынул из кармана куртки портмоне и достал какую-то бумажку.

— На! Смотри! — Он сунул её в руки Анне и прислонился к стене с видом победителя.

Анна развернула небольшой лист и с удивлением увидела, что это результаты анализа на ВИЧ. Положительные результаты. Она непонимающе посмотрела на Богдана.

— На дату посмотри, — сквозь зубы сказал он.

Анна взглянула и окаменела. Анализ был полугодовой давности. Тогда они только начали встречаться с Богданом и ещё не проходили обследования.

— Как это понимать?

— Как?! Да так! Решил провериться ради интереса. И получил вот такое.

— То есть ты знал, что болен, когда мы стали жить вместе?! — Анна не верила своим ушам. — Знал и не сказал мне?! Неужели Нелка и доктор правы? Ты что, уже тогда был ВИЧ-диссидентом? И считал, что ВИЧ — выдумка?!

Анна не ждала ответа. Но Богдан почему-то решил объяснить:

— Нет, я банально не поверил в это...

— Но результаты сохранил.

— Да просто сунул в портмоне и забыл.

— А потом, когда мы надумали обследоваться, оказалось, что никакой ошибки не было... — Анна стояла, прижавшись спиной к двери, и, как казалось ей, только поэтому не падала. Ноги ослабли, а руки неприятно тряслись. Узнавать такое о человеке, за которого она ещё совсем недавно собиралась замуж, было невыносимо. — И ты даже ничего не сказал мне... И просто сделал вид, что результаты ещё не готовы... Сколько бы ещё ты скрывал, если бы я тогда не пошла с тобой в лабораторию? — Анна с болью посмотрела в глаза Богдану. Он моргнул, приоткрыл рот, собираясь что-то сказать, но не стал, отвёл взгляд.

Анна ещё с минуту подождала, сама не зная чего, возможно, слов извинения, но так и не дождалась. Богдан молчал, глядя куда-то вбок. Тогда она кивнула, шагнула за порог, тихо прикрыла за собой дверь и поехала к Нелли. Поверить в то, что всё закончилось вот так, она не могла. Как не могла понять, зачем Богдан рассказал ей о том, первом результате.

Глава 7. Диалог

Когда Анна на следующий день вернулась домой, Богдана уже не было. Вместе с ним исчезли не только его, но и некоторые её вещи, в том числе один из двух ноутбуков, в первые же дни совместной жизни облюбованный Богданом. Увидев это, Анна рассмеялась и едва не

сорвалась в истерику, но удержалась, решительно переоделась в домашнюю одежду, включила на полную громкость любимую подборку рока и принялась за уборку. Ей хотелось убрать из своей жизни всё, что напоминало ей о Богдане. В его возвращение она не верила.

Одиночество, от которого Анна отвыкла за месяцы жизни с Богданом, давалось ей нелегко. После расставания с ним на неё почему-то накатило страх. Даже в первые дни, сразу после известия о положительном результате, она не боялась возможного заражения настолько сильно. Теперь же надежда на чудо почти исчезла. И три месяца до следующего анализа казались невыносимо долгими.

Нелли, чутко уловившая произошедшие изменения, то и дело приезжала или зазывала Анну к себе, теребила, ругалась, сердилась и этим удерживала младшую сестру на плаву. Шли недели. Дата последнего анализа приближалась, в душе вели постоянную борьбу робкая надежда и липкий ужас. И если бы Анна не поддерживала первую почти постоянным напряжением всех сил, второй наверняка победил бы и загнал в депрессию.

А потом Анна увидела Богдана с какой-то девушкой. Был уже февраль, ощущался поворот на весну, люди на улицах как-то повеселели, ожили. Анна после работы решила пройтись по центру. Она неторопливо шла вниз по Тверской от памятника Пушкину к Кремлю. И у книжного магазина «Москва» услышала вдруг знакомый голос.

Богдан выглядел неплохо. Правда, Анне показалось, что он немного похудел и побледнел, но она допускала, что это только игра её воображения. Девушка, которая шла с ним, была совсем молоденькой. Обеими руками она держалась за ладонь Богдана, преданно смотрела на него снизу вверх и то и дело подставляла губы для поцелуев.

Анна замерла на миг, но тут же взяла себя в руки и медленно пошла дальше. Ей нужно было хорошенько подумать. К вечеру она была готова к разговору и набрала номер, который ещё помнила. Богдан, казалось, даже не удивился.

— Ты что? Соскучилась? — самодовольно спросил он. — Так поезд ушёл. Я не одинок.

Анна невероятным усилием подавила вспышку ослепляющей ярости и мягко поинтересовалась:

— Богдан, ты лечишься?

— От чего? — насмешливо спросил он. — Я не болен.

— А твоя девушка знает о твоей болезни? Ты сказал ей? — проигнорировала его слова Анна.

— Я не болен! — вдруг заорал Богдан так громко, что Анна вздрогнула и отнесла телефон от уха. — Я! Не! Болен!

— Если ты не расскажешь ей, я буду вынуждена сделать это сама, — предупредила Анна. — То, что ты делаешь теперь, уже не только самоубийство, но ещё и покушение на убийство человека. Одно дело, если эта девочка разделяет твои взгляды. И совсем другое, если она ни о чём не знает.

— Она разделяет...

— Сомневаюсь. — Анна говорила твёрдо и сдержанно и сама удивлялась тому, что оказывается, может так. — Я не поленилась и заглянула на твои страницы в соцсетях. Найти Элину было проще простого. И знаешь, что я увидела у неё?

Почему-то Богдан покорно отозвался:

— Что?

— Репост записи о Дне борьбы со СПИДом. И её фотография с красной ленточкой на куртке...

Красная ленточка, сложенная в виде петли была символом борьбы с синдромом иммунодефицита, и Анна знала об этом. Поэтому, если до того, как она увидела эту фотографию на странице Элины, у неё ещё были сомнения в том, стоит ли звонить Богдану, то потом они рассеялись. Красная ленточка без слов говорила, каких взглядов придерживается девушка. И поступить по отношению к ней так подло Анна не могла. Сказав Богдану всё, она замолчала. Он тоже ничего не говорил долго, наверное, с минуту, потом хрипло спросил:

— Что тебе от меня надо? Это что, месть?

— Нет, конечно... — Анне было горько и за него, и за себя, и за неведомую, но, похоже, славную Элину. — Просто я хотела сказать тебе, что нельзя так с людьми, Богдан. Расскажи ей всё. Она должна знать. Тебе же самому станет легче. Если Элина любит тебя, то всё поймёт, и вы будете жить, как живут многие плюсы и минусы (*) (специфической терминологии Анна набралась на форумах и знала, что Богдан понимает, что она имеет в виду). Но это будет её выбор. А если не любит, то нужны ли такие отношения тебе?

— Никакого СПИДа нет! — перебил её Богдан. Но в его голосе звучала не убеждённость, а мольба о поддержке, словно он хотел, чтобы Анна подтвердила его мнение, помогла укрепить пошатнувшуюся уверенность.

Анна вздохнула и сочувственно, почти ласково попросила:

— Скажи ей, Богдан.

Он снова замолчал, тяжело, прерывисто дыша в трубку. Потом тихо ответил:

— Хорошо.

— Обещаешь?

— А ты что, согласишься моему слову?

Анна на секунду задумалась и сказала:

— Да, поверю.

— После всего, что было?

— Мне кажется, ты изменился.

И снова пауза. Затем долгий горький вздох и гудки. Богдан ничего не сказал, но Анне хотелось верить, что она не ошиблась.

На следующий день Элина на своей странице в графе «Семейное положение» заменила «обручена» на «всё сложно». Анне было грустно от того, что она, похоже, стала причиной расставания двух людей. Но в сделанном она не раскаивалась ни секунды. Только очень сожалела, что нельзя было как-то помочь этим двоим, Богдану и Элине.

(*) Плюс — ВИЧ-положительный человек. Минус — ВИЧ-отрицательный.

Глава 8. Котлин

В путь Анна собиралась недолго и, как только сестра позвонила и сообщила о полученном разрешении, купила билет на «Сапсан» и отправилась на Закат.

Питер встретил её хорошей погодой, солнцем и теплом. Анна сошла с поезда и вдруг почувствовала себя такой молодой, такой беззаботной, как когда-то в студенческой юности. Неужели и правда всё позади? И можно надеяться на лучшее? И ждать... Чего? Или кого? Нет, никаких отношений с мужчинами ей пока совсем не хотелось, а хотелось удержать это подзабытое ощущение лёгкости и безмятежности. Какое счастье, что всё позади! И как, оказывается, здорово жить... А она и не задумывалась об этом раньше. Просто жила и даже почти не смотрела по сторонам. Но теперь совершенно точно всё пойдёт по-другому.

Пообещав себе это, Анна огляделась и пошла к выходу из вокзала. Когда она была уже почти на улице, позвонила Нелли.

— Анют, ты как? Добралась?

— Добралась, — с улыбкой отрапортовала Анна. Нелли, конечно, сразу же уловила её настроение и одобрила:

— Вот такой ты мне очень нравишься. Молодец! Так держать! Тогда следующий сеанс связи вечером, часиков в восемь-девять. Если верить моему источнику информации, телефон на острове ловит нормально.

— Давай так, я постараюсь позвонить. Но если вдруг не получится, обещай не паниковать и не вызывать МЧС, пожарных и ФСБ с полицией.

— Ладно, не буду, — фыркнула Нелли. — А ты пообещай отдохнуть там так, чтобы потом год в отпуск не хотелось.

— Для этого двух дней мало, — вздохнула Анна.

— Ну ничего, ничего. Там всё-таки малоллюдно и пустынно. Думаю, и два дня окажут на тебя самое целительное воздействие.

Анна вспомнила своё обещание быть счастливой и радоваться каждому мгновению и согласилась:

— Да, тоже так думаю. Ещё раз спасибо, Нел!

— Ты уже вызвала такси?

— Да, ещё из поезда.

— Ну, давай тогда. Целую! И мои тебе большущий привет передают. Особенно, твоя племянница.

— Ей тоже привет и поцелуй!

— Непременно! — И Нелли, как всегда без предупреждения и долгих прощаний, отключилась.

Катер на Закат отправлялся из Кронштадта. Анна ещё никогда не была в этом городе и поэтому с удовольствием слушала разговорчивого таксиста.

— Остров называется Котлин. Красивый остров, большой. Как с дамбы съезжаешь, так налево сам город, а направо заказник природный, «Западный Котлин» называется. Очень рекомендую. Красота там необыкновенная. Не хуже Мальдивов каких.

— Да что вы? — вежливо поддержала разговор Анна.

— Честное благородное! Песочек, пляж большой. Народу почти никого, особенно в будни. Райское наслаждение в хорошую погоду.

Анна про себя улыбалась наивным рекламным лозунгам, но совершенно не раздражалась. Не то у неё было состояние, чтобы сердиться на патристично настроенного аборигена.

— А вода как? Тёплая?

— Ну, это как повезёт, конечно, — честно признался таксист. — Да и мелкогато, разумеется. Но зато такая красота, такая тишь! Мы с женой и детьми сюда частенько приезжаем. Купили лодку надувную, складываем в неё вещи, чтобы не украли, сажаем своих пацанов и идём далеко от берега. Там находим какую-нибудь мель, высаживаем своих бандитов, они плещутся, в песочек играют, строят замки-крепости всякие, а мы с женой в лодке лежим, отдыхаем. Красота-а! — Он мечтательно прикрыл глаза, и Анна даже испугалась, как бы они не слетели с дамбы в воды Финского залива. Но таксист уже снова

смотрел на дорогу и, посмеиваясь, продолжал:

— А однажды я с пацанами играл, а жена в лодке дремала, не выспалась ночью, младший наш зажигал почти до утра. Ну, и не заметили мы, как лодку с мели стянуло и понесло. Слышим с детьми: жена откуда-то издалека кричит. Огляделись, а она чуть не до Финляндии доплыла! Идёт к нам, лодку тянет за собой на верёвке, хохочет, заливается.

— Идёт? — не поняла Анна.

— Ну да. Говорю же, мелко у нас тут. Долго можно пешком идти. Но потом, конечно, глубже становится. Жена сначала плыла, да оттуда и кричать было бесполезно. Мы бы всё равно не услышали. Теперь у нас дети вспоминают, как мама от нас уплыть хотела. — Таксист просиял славной доброй и открытой улыбкой. И Анне стало ясно, как он любит своих жену и детей. Она улыбнулась ему в ответ и искренне сказала:

— Очень забавная история.

— Ну да, — согласился таксист. — Вот мы и в город въехали. Скоро уж на месте будем. А вы к кому? Или квартиру сняли?

— Нет. Я не в Кронштадт. Мне дальше.

— Это куда ж это? — озадачился таксист. — Дальше только залив.

— Ну, вот мне как раз туда. На Закат.

— На остров?

— Ну да.

— Ух ты! Я прям вам завидую. Сам мечтаю там побывать. Но туда так просто не попадёшь. Только если кто из местных словечко замолвит. А у меня там никого знакомого нет. Или вы туда работать?

— Да нет. В гости, — призналась Анна, на миг представив себе, что и правда работает на маяке. Нет, такого совершенно точно с ней не случится. Посмотреть, погостить — это одно. А вот всегда жить на острове — нет уж, увольте.

— Жалко, — таксист вздохнул. — А я уж хотел попросить вас пригласить меня. С детства хочу. И вот никак. Видно, не судьба.

— Я бы вас пригласила, — постаралась утешить его Анна.

— А, может, запишете мой телефон? Вдруг вам обратно нужно будет ехать? — предложил таксист.

— Да, спасибо. Хорошая идея. — Анна внесла в память смартфона номер и пообещала:

— Я спрошу у жителей острова, вдруг кто сможет вас пригласить. Не обещаю, конечно, но спрошу.

— Вот спасибо! — обрадовался таксист. — Вы звоните. Я приеду и встречу вас, как нужно будет. Примерно не знаете, когда именно?

— Через два дня вечером.

— Ага. Сейчас я себе помечу и буду иметь в виду.

— Спасибо.

Машина как раз остановилась у парка, который был разбит вдоль кронштадтской набережной.

— Пристань там. — Таксист выбрался из салона, достал маленький чемодан Анны и мотнул головой куда-то левее парка. — Не заблудитесь. Или, может, вас проводить?

— Да нет, ну что вы! Спасибо, конечно, я найду.

— Всё-таки лучше провожу.

С этими словами доброжелательный таксист подхватил чемоданчик и, не ставя его на

колёсики, пошёл к пристани. Анна торопливо последовала за ним. Ветер дул с залива, развевая волосы и прижимая к телу свободную рубашку. Справа, в парке, звучали детские голоса, а впереди её ждали Закат и уединение. Только природа, маяк и она сама. И почти полное безлюдье. Хорошо-о-о...

Глава 9. На Закат

Пристань располагалась в том месте, где заканчивалась тупиком скромная набережная, уходящая вправо, а слева покачивались на волнах несколько кораблей и катеров. У прохода на причал, отгороженный невысокими металлическими стойками, притулилась маленькая серая будка с гордой надписью «Касса».

— Отсюда раньше «Ракеты» до Арсенальной набережной ходили. И обратно, — пояснил таксист. — Люди на них на работу ездили. Быстро и относительно недорого было. Сейчас не знаю, может, и не ходят уже. Ещё экскурсионные маршруты к фортам были.

— К фортам?

— Ну да. Здесь же кругом форты. Их много. Точно не помню сколько, но больше десятка. «Пётр I», «Павел I», «Александр I», «Константин»... Ну, вот и возят к ним экскурсантов. Мы ездили с женой, когда ещё детей у нас не было. Красота-а... Конечно, помню уже мало что. Вот пацаны подрастут, их свозим, полюбуемся...

— Пожалуй, надо будет тоже прокатиться, — решила Анна. — Когда с Заката вернусь, обязательно куплю билет и сплаваю.

— Не пожалеете, — поддержал её идею таксист, поставил чемодан и распрощался, неловко протянув руку. Анна с улыбкой пожалала её, недолго посмотрела вслед своему неожиданному знакомцу и взглянула на часы. До назначенного времени у неё было ещё пятнадцать минут. Можно было бы прогуляться по набережной, но с чемоданом дефилировать туда-обратно не хотелось. Она подкатила его к парапету и стала изучать окрестности.

К её удивлению, жизнь здесь была довольно активной: то и дело проплывали по своим делам какие-то корабли, рыбачили несколько человек, сидели рядом с ними с десятков кошек, всем видом демонстрирующих равнодушие и незаинтересованность, по набережной бегали дети и прогуливались старички и старушки. И при этом остро чувствовалось, что город маленький, не столичный. И эта провинциальность и даже какая-то отгороженность от большого мира очень нравились Анне.

— Простите, пожалуйста, а вы случайно не на Закат? — спросил вдруг кто-то сзади.

Анна вздрогнула от неожиданности и оглянулась. Перед ней стоял симпатичный мужчина лет тридцати с небольшим. Пшеничные волосы, лёгкий загар, на лбу солнцезащитные очки. То, что он снял их, обращаясь к ней, и приветливая улыбка сразу понравилось Анне. Она любила вежливых, доброжелательных и открытых людей.

— На Закат, — подтвердила она, тоже улыбнувшись и подумав о том, что людям, не знающим об острове, их разговор может показаться бредом или шифровкой. Видимо, её собеседник подумал о том же самом, потому что фыркнул и сказал:

— Звучит конспиративно.

— Да уж, — согласилась Анна и посмотрела на часы. — Мне назначили на десять. Вам тоже?

— Да. Мы с коллегами приехали, а на пристани никого, касса закрыта, спросить не у кого, даже засомневались, не ошиблись ли. Но тут увидели вас с чемоданом и решили

уточнить, вдруг вы туда же, куда и мы.

— И не ошиблись, как видите. Наверное, стоит подойти поближе, — преложила Анна.

— Пожалуй, — кивнул её собеседник. — Раз уж мы попутчики, позвольте представиться. Денис.

— Очень приятно. Анна.

— Мои коллеги у кассы. Сейчас я вас познакомлю, — пообещал Денис. А Анна в душе не порадовалась. Общества ей сейчас совершенно не хотелось. Даже общества располагающего симпатичного Дениса. Но деваться было некуда, и она постаралась не выказать своего разочарования.

У кассы и правда стояли трое: невысокий толстячок лет пятидесяти в джинсах и ярко-красной ветровке, рослая женщина, примерно его ровесница, с приветливым добродушным лицом и юное создание с губами-дутиками и нереально длинными ресницами.

— Анна, коллеги, знакомьтесь. Мы вместе едем на Закат, — начал общую беседу Денис.

— Доброе утро, — пробасила женщина.

— Здравствуйте-здравствуйте, — засуетился толстяк, зачем-то двигая чемоданы, словно у пристани было мало места.

— Хай, — подняла ладонь и пошевелила пальцами девушка.

Денис представил всех друг другу. Толстяка звали Анатолием Михайловичем, женщину — Галиной Филипповной, а юное создание — Камиллой. Анна про себя повторила имена, чтобы запомнить получше, и спокойно встала поблизости.

За оставшееся время она узнала, что её попутчики — орнитологи, которые едут на Закат изучать пути миграции птиц. И если Анатолий Михайлович и Галина Филипповна вполне соответствовали её представлению о серьёзных учёных, Денис и Камилла были похожи на кого угодно: на трэвел-блогеров, виндсёрферов, молодую пару в свадебном путешествии, но только не на орнитологов. Позабавившись своей реакцией, Анна оглянулась на залив и воскликнула:

— О! А вот, похоже, и за нами приехали!

Действительно, к пристани подходил небольшой катер. Орнитологи оживились, подхватили чемоданы и дружно уставились на него, сами напомним Анне небольшую, но сплочённую стайку птиц. Она тоже подошла ближе к проходу на причал, чтобы потом не отстать от остальных. Денис отвлёкся от катера и подвинулся, словно приглашая, встать рядом с ним. Анна улыбнулась, но осталась на своём месте: она избегала излишней близости с малознакомыми людьми.

Когда катер причалил, стало видно, что им управляет немолодой мужчина с лицом то ли сильно загорелым, то ли пропитым.

— Не люблю я алкашей, — еле слышно прошепестела Камилла и поджала выдающиеся губы. Анна в душе согласилась с ней, но ничем, кроме красно-коричневого лица, не подкреплённая характеристика покорила её. Остальные промолчали, хотя, конечно, слышали.

Мужчина выбрался на причал, подошёл к ним, сдержанно поздоровался и широко распахнул калитку, открывающую путь к катеру:

— Прощу. И документы, предъявите.

Все засуетились. Только у Анатолия Михайловича паспорт и ещё какой-то лист оказались поблизости, в туго набитой поясной сумке.

Мужчина с катера внимательно изучил всё, сверил со списком, который достал из

кармана штормовки ещё, похоже, советского образца, и протянул руку за документами Дениса, потом Камиллы, следом Галины Филипповны и, наконец, Анны. Все паспорта он изучал тщательнейшим образом. Денис, уже стоявший за его спиной в ожидании погрузки на катер, усмехнулся и закатил глаза, словно призывая Анну тоже посмеяться над ревностным отношением к делу. Но та пожала плечами и не выказала раздражения. Зато Камилла закивала, хихикая в кулак.

Наконец, все формальности были выполнены, и мужчина представился:

— Аяцков Василий. Главный смотритель маяка. Сейчас мы все грузимся в катер. По пути я введу вас в курс дела, расскажу, что можно, а что нельзя на Закате. Чтобы ваше пребывание там было безопасным и безвредным.

— Даже так? — снова усмехнулся Денис.

— Даже так, — спокойно, без раздражения кивнул Василий Аяцков. Он спрыгнул с причала в катер и протянул руки. — Подавайте ваш скарб. А потом уж сами.

Погрузка прошла быстро. Только с Галиной Филипповной и Анатолием Михайловичем пришлось повозиться. Орнитологи причитали и жаловались на судьбу, вынуждающую их проделывать такие трюки, но всё же при помощи Дениса и смотрителя маяка, смогли спуститься и устроиться с относительным удобством.

— Как же я буду потом обратно забираться, когда возвращаться будем? — испугалась Галина Филипповна.

— Поживём — увидим, — коротко успокоил Василий. А Камилла жизнерадостно добавила:

— Может, вы там навсегда останетесь!

— Это в каком же смысле? — то ли изумился, то ли рассердился Анатолий Михайлович.

— В смысле, что нашей Галине Филипповне может там понравиться. На этом Закате. Вот и решит остаться.

— Камиллочка, вы уж извольте выражать свои мысли понятнее. А то невесть что может показаться, — сердито попросил Анатолий Михайлович. Но Галина Филипповна рассмеялась и положила свою ладонь на его руку:

— Толя, и что ты занервничал? Камиллочка совершенно права. И Василий тоже. Поживём — увидим. Может, я на этом острове так постройнею, что ланью начну скакать.

— Скачут горные козы, а лани бегают, — не пожелала успокоиться Камилла.

— Ну, значит, горной козой, — не обиделась Галина Филипповна и спросила:

— Ну, мы отправляемся?

— Да. Сейчас. Через несколько минут. — Василий посмотрел на неё, вздохнул и сел на своё место.

Анна подавила улыбку. Ей было жалко островного отшельника, на голову которого свалилась целая компания. Нелегко, наверное, привыкать к обществу. Да ещё и такому шумному. Ладно, она постарается как можно меньше беспокоить его. Вот только заберётся один раз на маяк — и всё, больше ни разу не пристанет и даже не заговорит.

Глава 10. Остров

— Чего сидим? Кого ждём? — через пару минут капризно поинтересовалась Камилла. Василий с трудноопределимым выражением лица посмотрел на неё, сунул руку за пазуху и

вытащил оттуда довольно современный смартфон. Потыкав в экран крепким кривоватым пальцем, он прижал аппарат к уху и спросил кого-то:

— Ну? Ты где?

Выслушав ответ, он так же молча сунул телефон обратно и, ничего не объясняя, снова принялся смотреть куда-то поверх голов своих пассажиров. Вскоре раздался шум двигателя, к пристани подъехала грузовая «Газель». Из неё выпрыгнул человек, который начал доставать из кузова коробки. Смотритель Василий легко выбрался из катера на причал и подошёл к человеку. Они, обменявшись парой слов, стали дружно и споро перетаскивать коробки к катеру. Денис встал и хотел принять первую из них, но отшельник строго остановил:

— Не надо. А то сейчас понаставите так, что мы перевернёмся потом.

Денис замер, после пожал плечами и снова сел. Анне показалось, что ему неловко перед коллегами и ней за то, что его помощь была так решительно и безжалостно отвергнута. Денис принялся изучать что-то, находящееся на горизонте. Но Анна, сидящая рядом с ним, была уверена: он притворяется. Да уж, не знаешь, кому сочувствовать: отшельнику, явно раздражённому тем, что ему приходится заниматься гостями, или Денису, чей добрый порыв не был оценен по достоинству.

Но ни тот, ни другой больше ничего не говорили. Камилле снова стало скучно, и она требовательно поинтересовалась:

— А что это у вас в коробках? Случайно не контрабанда какая?

Денис фыркнул, Галина Филипповна коротко выдохнула, явно борясь со смехом, а Анатолий Михайлович что-то пробурчал под нос. Василий несколько секунд молчал, и Анна уже решила, что он так и не заговорит. Но смотритель то ли поборов раздражение, то ли просто сформулировав ответ, коротко буркнул:

— Нужные вещи, — и, поправив последние коробки, махнул мужчине из «Газели». Тот тоже помахал и полез в кабину. За всё это время они с Василием обменялись не больше, чем парой десятков слов. Анна подивилась неразговорчивости обоих. Может, молчаливость — это местная особенность?

Наконец, коробки были размещены, Василий устроился на своём месте, повинувшись его движениям загудел мотор, и причал дрогнул и стал отдаляться. Анне казалось, что это катер стоит на месте, а земля отчаливает и устремляется куда-то. Она с восторгом оглядывалась, стараясь увидеть всё-всё. И жалела только о том, что рядом нет сестры и племянницы. Как бы им понравилось здесь, на катере.

Василий уверенно управлял своим небольшим судёнышком, оно всё дальше отходило от берега, и Анна принялась смотреть туда, куда они плыли. Впереди показался первый форт. Анна вытянулась в струнку и не могла отвести глаз от сдержанной красоты старинной твердыни. Жаль, она не подготовилась и не знает, что это за форт. А было бы так интересно узнать что-нибудь из его истории... Ладно, вечером в Интернете она прочтёт, если, конечно, связь будет так хороша, как обещала Нелли.

Занятая своими мыслями, Анна всё же услышала, как Камилла принялась щёлкать камерой смартфона, заставляя коллег то принимать нужные ей позы, то снимать самого фотографа.

— Галиночка Филипповна, ну сядьте вы как-нибудь по-другому... — голосила она, перекрикивая гул мотора и плеск воды. — Как?... Ну, как в молодости сидели, если на вас какой-нибудь красивый парень заглядывался. Вряд ли вы тогда так же маниакально

вцеплялись в свой ридикюль. Пораскованнее, поживее! Что вы, как не знаю кто? Вы хотите получиться хорошо и свежо или как на фото для паспорта?

Анна, смеясь про себя, заметила, как дёрнулись плечи Василия. Да уж, ему, наверное, до жути неприятны эти разговоры. Вряд ли он на своём острове привык к ничего не значащей пустой болтовне. А теперь ему некуда деваться. Она снова посочувствовала смотрителю и, заметив очередной форт, громко спросила, чтобы отвлечь его:

— А правда, что у всех здешних фортов есть названия?

— Да, — кивнул он.

— А это какой?

— Кроншлот.

— Красивый какой! — сказала Анна, не рассчитывая на ответ и собираясь отстать от Василия. Но тот неожиданно живо, с чувством откликнулся:

— Все форты красивы. Очень.

— А ваш остров?

— А наш остров — лучший на свете.

Анна изумлённо приоткрыла рот. Пока она собиралась с мыслями, пауза стала слишком долгой. Было понятно, что Василий больше не намерен поддерживать беседу. И Анна села поудобнее и принялась увлечённо любоваться открывающимся видом. Остальные тоже примолкли. И даже неугомонная Камилла, хотя и не убрала смартфон, перестала снимать, просто держала его в руке и озиралась, время от времени до странности тонко ойкая, что, видимо, означало крайнюю степень восторга. Анатолий Михайлович и Галина Филипповна тоже вертели головами и восхищением, светящимся в их глазах, были похожи на детсадовцев-переростков на экскурсиях в парке аттракционов.

Первой Закат увидела Анна. Вернее, сначала она заметила далеко, на самом горизонте маяк, словно вырастающий из моря. Но они проплывали уже далеко не первый, и она поначалу решила, что и это ещё не место их назначения. Однако постепенно стало видно, что маяк стоит на довольно большом участке суши, который был гораздо крупнее виденных ими ранее.

— А вот и Закат, — зачарованно протянул Денис. Камилла снова оживилась и опять принялась снимать, старшие орнитологи завозились, готовясь выходить, а Денис восторженно шепнул в самое ухо Анне:

— Весьма атмосферно, не правда ли?

Анна кивнула, но сказать ничего не смогла: Закат произвёл на неё сокрушительное впечатление. Такого она даже не ожидала.

Глава 11. Островитяне

Остров оказался довольно большим и производил бы впечатление дикого, если бы не маяк и несколько построек. Пока Василий подводил катер ближе к берегу, Анна изнывала от нетерпения. Ей хотелось как можно скорее оказаться на суше.

Василий ловко направил их судёнышко в крохотный заливчик, образованный берегом и изогнутой косой, сложенной из огромных валунов. Спустя несколько минут, нос катера мягко ткнулся в шины, привязанные к серым брёвнам пристани, производящей впечатление очень старой. Повернувшись, к гостям острова, маячник строго спросил:

— Ну? Все помнят правила?

— Помним! — с готовностью отличницы откликнулась Камилла, но в голосе её звучала

не слишком старательно скрываема́я насмешка: — Шаг влево, шаг вправо приравниваются к побегу! Прыжок на месте — к попытке улететь!

Василий, который добрых пятнадцать минут инструктировал орнитологов и Анну о том, как вести себя на острове, усмехнулся, как усмеваются взрослые глупым и неумелым шуткам детей, и кивнул:

— Ну да, как-то так.

— Мы всё поняли, Василий, — мягко улыбнулась ему Анна. — И постараемся не создавать вам трудностей.

Тот ничего не ответил, но снова беззлобно усмехнулся. Мол, верится, конечно, с трудом, но спасибо хотя бы за желание. Анна снова всей душой посочувствовала ему.

— Анна, видите вон тот дом? — Василий обратился к ней по имени, и Анна удивилась, она и не думала, что он запомнил его.

— Да.

— Вам туда. Полоцкие уже ждут вас. Наверняка сейчас услышали шум катера и Мария пришлёт мужа на встречу.

— Спасибо, — поблагодарила Анна и, потянув за ручку свой чемодан, поднялась с места. Денис подскочил, чтобы помочь ей. Василий насмешливо глянул на него и молниеносно закинул на пристань чемодан Анны, а потом, ухватив за талию, и её саму. Она не успела даже ойкнуть.

— Орнитологи, вы давайте за мной. Вы здесь новенькие, ещё ни разу не были. Я вас отведу на станцию и покажу, что к чему. — Учёные сразу завозились, встали с мест, начали суетливо хватать свои вещи.

— Так! По очереди! — прикрикнул на них Василий, а Анне то ли посоветовал, то ли приказал:

— А вы идите, идите. Вас ждут уже.

— До свидания, — простилась со всеми Анна и пошла в указанном направлении, где на каменистой возвышенности и правда виднелся аккуратный домик. Не успела она подняться по довольно крутому склону, как увидела, что от него навстречу ей спешит мужчина лет шестидесяти. Он почти подбежал к Анне, широко улыбнулся и спросил:

— Вы Аня?

— Да. Здравствуйте...

— Я Владлен Архипович. Добро пожаловать к нам, на Закат! Пойдёмте скорее! Маше уже заждались, пироги стынут. А она всегда переживает, когда холодные подавать приходится.

Говорил он как-то так, что Анне сразу стало легко с ним, и она радостно согласилась:

— Пойдёмте, Владлен Архипович!

Через полчаса она уже сидела на открытой террасе, пила чай с вкуснейшими пирогами и слушала хозяйку. Та говорила не переставая, но получалось это у неё так обаятельно, так славно, что совершенно не раздражало. Анна кивала, улыбалась и думала о том, как, наверное, истосковалась эта милая разговорчивая женщина по общению. А, может, она от природы вовсе и не разговорчивая, а просто соскучилась по людям.

— Ты ешь, ешь, Анечка... — в очередной раз попросила Мария Михайловна, хотя в гостя была уже сыта так, что, казалось, больше не могла бы съесть ни кусочка. — Мне в радость, когда люди едят. Внуки мои только через три недели приедут на каникулы, сейчас с

родителями на югах. А муж и Василий мучное не любят. Так что печь не для кого. Хорошо, ты приехала и учёные эти. Сегодня вечером устроим праздничный ужин. Я уж мясо замариновала. Посидим, познакомимся.

— А разве здесь, на Закате, всего трое жителей? — удивилась Анна. — Нелли, моя сестра, упоминала от десяти-пятнадцати.

— Ну-у! Это когда было? Раньше да, говорят больше людей на Закате обитало. А сейчас Василий, мы, да трое Родаковых. Это ещё один помощник Василия с женой и матерью-пенсионеркой. Они переселенцы из Средней Азии откуда-то. Как гражданство получили, сюда устроились. Помогло то, что Сергей до развала Союза в армии служил. Иначе не попал бы на Закат. А так у него какие-то связи с нашим пограничным начальством. Вот и осели у нас. Матери его очень уж нравится. Она родом из-под Выборга откуда-то, а потом в Среднюю Азию по работе уехала, да и осталась. А когда совсем тоскливо им там стало, вернулись в Россию. Но сейчас Родаковы наши в отпуск укатили. Все втроём. Мать — к сестре. А Сергей с женой в Геленджик, погреться. У нас летом хорошо, но не так чтобы очень тепло. Погода неустойчивая. Иногда, как сейчас, красота и лучше любого курорта. А порой как дожди зарядят, как заштормит.

— У вас и шторма бывают? — Анне в этот солнечный тёплый день было сложно представить такое.

— А как же? Бывают. — Мария Михайловна как будто даже немного обиделась за Финский залив. — По осени да зимой, конечно, чаще. Весной да летом — реже. Но бывают. Море же.

— А вы сами как на Закате оказались? И давно ли здесь живёте?

— Мы-то? Да второй год всего. Муж как на пенсию собрался, решил уединиться. Квартиру я сдала, деньгами детям помогаю. А мы сюда перебрались. Здесь хорошо. Нам нравится. Люди хорошие. И Василий, и Родаковы. Гостей время от времени пригласить можно. Начальство разрешает внуковна каникулы брать. Здесь вольница, рыбалка отличная. Воздух, опять же. Так что мы очень довольны.

— А не тоскливо?

Мария Михайловна как будто удивилась:

— Нет, конечно. Мы домоседы. И рыбаки оба заядлые. Для нас здесь рай. Даже зимой здесь так хорошо. Я тебе передать не могу. Хотя, конечно, такая жизнь не для всех. Зато если нужно в себе разобраться, душу подлечить, то лучше места не найти... — Женщина замолчала. И Анне показалось, что она ждёт от неё какой-нибудь реакции, может, рассказа о себе. Но к этому она была не расположена и снова спросила:

— А к другим островитянам тоже родные приезжают?

— Как хорошо ты нас назвала, — улыбнулась Мария Михайловна. — Точно, островитяне и есть. У нас здесь свой мир, особенный. Островной, закатный... А родня... К Родаковым некому ездить. Сестра матери стара для таких путешествий. А больше и нет у них никого вроде. А к Василию, бывает, ездят. Вот недавно совсем сын был. Он сейчас на Гогланде работает. Это остров такой. Больше нашего. Там в войну фашисты стояли. А сейчас наши изучают.

— Как интересно! — искренне восхитилась Анна.

— Да. Здесь такие места, что душа замирает от красоты и ощущения, что к истории прикасаешься. Вот хоть наш маяк если взять. Он ведь старинный. Раньше керосиновой лампой светили. А сейчас, конечно, модернизировали. Но если вдруг электричества не

будет, то мы и по старинке кораблям путь укажем. Вроде маленькие люди, а какое важное дело делаем.

— Очень важное.

— Вот то-то и оно. А ты говоришь, не скучно ли? Скучно, кому заняться нечем. А мы жизни сберегаем.

— Как хранители? — улыбнулась Анна.

— Что-то вроде того, — Мария Михайловна серьёзно кивнула. Только мы ведь все немолоды уже. Василий так мечтает дело сыну передать. Вот кто стал бы настоящим хранителем Заката. Да он молод ещё, не до того ему. Хотя остров наш любит всей душой... Ну, что-то я тебя заболтала! — Она вдруг встала и всплеснула руками. И Василию обед пора нести. А то он с утра у нас голодный. Это когда Родаковы здесь, мы его по очереди кормим. А сейчас я одна осталась. И вот, чуть не уморила мужика голодом.

— А давайте я отнесу! — предложила Анна.

— А давай! — Мария Михайловна обрадовалась и стала доставать из шкафа пластиковые контейнеры. — Я как раз пока ужином займусь. А то пригласили людей, а накормить нечем будет.

Глава 12. Маяк

Не найти путь к маяку на Закате было невозможно: он, устремлённый в небо указующим перстом, просматривался ото всюду. И Анна с замиранием сердца направилась к нему. В паре сотен метров от дома Полоцких она поняла вдруг, что непроизвольно идёт медленно, совсем не так, как ходила дома, в Москве. И не сбивается, как обычно, на рысь, а то и галоп. Здесь, на Закате, это было не нужно. Да и не хотелось. Здесь был другой мир. И скорости в нём тоже были другие.

Она прошла мимо довольно большого длинного дома с облупившейся штукатуркой на стенах. В нём хлопали двери, слышны были голоса, где-то сбоку, судя по звуку, открывали рассохшуюся раму окна. Анна поняла, что здесь остановились орнитологи.

По соседству располагался ещё один дом, крепкий, опрятный, как и у Полоцких. По его двору неспешно бродили несколько кур и красавец петух. Анна загляделась на них и не услышала, как сзади подошёл Денис.

— Как устроились, Анна?

Уже второй раз за день он пугал её внезапным вопросом. И она, стараясь не показать раздражения, миролюбиво, но коротко ответила:

— Спасибо, хорошо.

— Заглянете к нам?

— С удовольствием, но позднее. Сейчас я должна отнести обед Василию.

— О! Вас аборигены уже к делу пристроили?

Анне интонация и слова не понравились, и она, бросив:

— Я сама себя пристроила, — поторопилась уйти.

Дойдя до маяка, она оглянулась и увидела, что Денис по-прежнему стоит на тропинке и смотрит ей вслед. От этого Анне стало неуютно. Не поймёшь, что человеку нужно: то ли скучно ему, и он так развлекается, то ли рассчитывает на отношения, выходящие за рамки добрососедских, то ли заинтересовала она его чем-то. Все три варианта Анне категорически не нравились, и она, решив по возможности меньше встречаться с Денисом, крикнула:

— Василий! Простите, пожалуйста, я вам обед принесла! Василий!

— Здесь я! — откликнулся смотритель из окна дома, стоявшего чуть в стороне от маяка. — Заходите, Анна!

Анна поднялась по каменным ступеням и заглянула внутрь. Василий сидел за столом и что-то мастерил. Но у Анны почему-то сложилось впечатление, что он сел только что, услышав её голос. Ящик комода, стоявшего за ним, был задвинут не до конца, словно его закрывали наспех и что-то помешало. Анна отвела глаза от увиденного и приветливо сказала:

— Василий, Мария Михайловна просит извинить её за то, что она не сама принесла обед. И что мы припозднились немного. — Анна принялась выставлять на стол контейнеры.

Маячник неожиданно улыбнулся:

— Маша-Маша, золотая душа. Сколько говорю ей, что сам себя прокормлю. Нет, всё хлопочет, всё заботится. Спасибо, Анна.

— Вы бы сейчас поели, пока всё тёплое, — зачем-то сказала она и сама себе удивилась. От Марии Михайловны, что ли, заразилась желанием опекать?

— Поем, пое. Не составите мне компанию? А то Маша меня на убой кормит. Как племенного хряка.

Анна не удержала улыбки, но отказалась:

— Спасибо. Но так она кормит не вас одного. Я тоже еле из-за стола встала. Вот, вызвалась к вам сходить, чтобы хоть немного отойти от обеда.

— Да, Маша готовит так, что пальчики оближешь. Она у нас бывший повар.

— Ну, судя по тому, как она готовит, бывших поваров не бывает. Приятного аппетита, Василий. И до вечера. Мария Михайловна просила, чтобы вы контейнеры на ужин с собой взяли.

— Возьму. Передай ей привет, — перешёл на «ты» Василий. Но Анну это совершенно не покорило, хотя она и не любила фамильярности. «Тыканье» супругов Полоцких и Василия казалось ей выражением симпатии и доверия.

— Обязательно передам, — пообещала она и пошла к дверям.

Когда Анна была уже во дворе Василий крикнул в окно:

— А на маяк-то забраться небось хочется?

Анна оглянулась и кивнула:

— Очень.

— Ну, подожди тогда, сейчас пое и свожу тебя.

— Спасибо! — обрадовалась Анна и едва удержалась от того, чтобы не подпрыгнуть. — Спасибо, Василий!

— Да не за что, — посмеялся он, глядя на неё с симпатией. — Ты здесь подождёшь или погуляешь? Или, может, всё же пообедаешь со мной?

— Ой, нет! Только не это! Я пока погуляю.

— Ну, смотри. Я крикну тебе тогда. Далеко не уходи.

— Хорошо! — И Анна чуть не вприпрыжку направилась к заливу.

Она успела только спуститься к воде и несколько минут побродить по берегу, когда Василий окликнул:

— Я готов!

Сердце замерло в предвкушении, и Анна быстро взлетела по камням вверх. Василий смотрел на неё с ласковой усмешкой.

— Ну, пошли. Но забираться придётся до-о-олго.

— Я справлюсь.

Василий кивнул и распахнул дверь. Анна шагнула за ним в гулкую прохладу. Было заметно, что маяк старый, переживший многое. Но чего-чего, а запустения Анна не увидела. Всё было подкрашено, вычищено, вымыто до блеска. Штукатурка свежая, белая-белая. Краска тоже явно недавняя. Никакой паутины, сырости и затхлости. Анна поднималась следом за Василием и в душе восхищалась. Она предполагала увидеть совсем другое.

Наконец, дошли до верхней площадки. Смотритель маяка отступил в сторону и пропустил Анну вперёд. Она шагнула, на миг зажмурилась от солнца, рассыпавшего по глади залива миллионы слепящих бликов, потом медленно открыла глаза.

Море лежало далеко впереди и внизу. Отсюда, с такой высоты, шёпота волн почти не было слышно. Но зато видно было так далеко, что, казалось, сердце разорвётся от восторга. Маяк стоял в той части острова, которая вдавалась довольно далеко в море. И казалось, что вода окружала его почти со всех сторон, ластясь к каменной плите, на которой он возвышался, и лаская её. И в этот тёплый ясный день не верилось, что здесь случаются шторма, дожди и сильные ветры. Где угодно, но только не здесь.

Слов не было. Было только переполняющее душу восхищение. И ощущение бесконечного счастья. Всё то, что Анна видела перед собой, словно проникало внутрь неё, делая чище и лучше. Она глубоко вдохнула и пошла по кругу, огибая установленный в центре маячный излучатель. Василий молчал, будто понимая её состояние и не желая мешать. Анна была очень благодарна ему за это.

Сколько прошло времени, Анна не знала. Уже давно Василий негромко бросил:

— Я на улице буду, — и ушёл. А она только и смогла, что молча кивнуть ему. Затихли далеко внизу шаги маячника, но Анна стояла и смотрела, смотрела в сияющую даль. И всё то, что волновало её в Москве, отступило, отошло и постепенно растворилось, не оставив и следа.

Спустившись вниз, Анна подошла к Василию, который красил какую-то доску, и всё так же молча благодарно пожала его локоть. Он в ответ положил свою большую ладонь на её пальцы и тоже пожал. И Анна вдруг поняла, что он понимает её чувства.

— Спасибо, — еле слышно произнесла она и пошла в сторону дома Полоцких.

— Приходи ещё, девочка. — Услышала она за спиной и оглянулась.

Василий стоял, опершись о недокрашенную доску и с доброй улыбкой смотрел на неё.

— Я приду.

— Ты на закате приходи. Не пожалеешь.

— Обязательно.

Они ещё какое-то время смотрели друг на друга и улыбались. Потом Василий махнул рукой: иди, мол, Анна помахала в ответ и пошла к Полоцким. У неё было ощущение, что прошло много-много времени. Так много, что сама она успела стать другим человеком.

Глава 13. Исцеление

До званого ужина, как назвала планируемые посиделки Мария Михайловна, Анна успела помочь хозяйке и немного погулять по острову. Оказался он не так чтобы совсем маленьким. На нём хватило места для довольно обширного бора, чистого, светлого, почти без подлеска, пары живописных бухт, голой каменистой возвышенности и широкой

береговой полосы, по которой и прошлась Анна, решив оставить осмотр всех остальных достопримечательностей Заката назавтра.

После прогулки Анна чувствовала себя так, словно и не был этот удивительный день очень долгим и богатым на впечатления. От переполнявшего душу восторга хотелось петь и плакать одновременно. И Анна впервые в жизни пожалела, что не умеет ни рисовать, ни сочинять музыку. Потому что иного выхода для этого восторга она не видела и теперь не знала, как выразить его.

Помогла Мария Михайловна. Посмотрев на вернувшуюся Анну, она улыбнулась так, как до этого улыбался смотритель маяка Василий, понимающе и мудро, и спросила:

— Что? Слов нет?

Анна закивала.

— Со мной то же самое в первое время было. Да и теперь случается. И хочется что-то такое хорошее сразу сделать... Кажется — иначе разлетишься на куски.

— Да, именно так, — отозвалась Анна, удивляясь тому, как эта простая женщина смогла понять её состояние и так точно выразить. — Кажется, будь я композитором, сейчас что-то очень красивое написала бы.

— Открой-ка сервант, — велела Мария Михайловна. — Левую дверцу. Открой, открой, — повторила она, заметив растерянность Анны. — Тетрадки видишь? Бери любую. И ручку бери.

Анна выполнила распоряжение и вопросительно посмотрела на хозяйку.

— А теперь иди к себе в комнату да запиши всё, что чувствуешь.

— Но я...

— Что ты? Музыку сочинять не умеешь, но писать-то очень даже. В школе ведь научили. Вот и пиши. Я б тебе краски дала, но бумага закончилась. Всю я измалевала. А новую ещё не привезли.

— Вы рисуете? — не смогла скрыть изумления, смешанного с восхищением Анна.

— Здесь любой начнёт. Говорю же, иначе душа восторга не выдерживает. Нужно его куда-то выплеснуть. Вот я и стала рисовать.

— А мне вы покажете свои работы?

— Нет, — покачала головой Мария Михайловна. — Нечего там показывать. Не художник я, так, маляр. Лучше я тебе свои вышивки покажу. И кукол. Если захочешь.

— Вы кукол шьёте?!

— Шью. Вот они у меня хорошо получаются. Завтра покажу.

— А Владлен Архипович тоже что-то делает?.. Ну... творческое?

— А как же? Чеканкой здесь увлёкся. Вон, на стене висят.

Анна, которая уже успела полюбоваться красивыми необычными работами по металлу, восхищённо ахнула.

— Так это он сам?!

— Сам, сам.

— А Василий?

— Что — Василий? Василий здесь дольше всех нас. Он потомственный маячник. Его родители здесь служили. Он родился на этом острове...

— Ничего себе... Разве такое бывает в наше время?

— Ещё как бывает. Особенно много таких вот династий, говорят, в Приморье и на Чёрном море. Но и у нас есть. Вот семья Василия, к примеру. Жалко, что на нём всё и

закончится... — Мария Михайловна на секунду замолчала, помрачнела и продолжила уже совсем другим тоном. — Если уж на нас так Закат действует, то на него и подавно. Он же почти всю жизнь здесь прожил. И тоже эту красоту воспеваает, как может. Он резчик по дереву. Такой, что глаз отвести невозможно от того, что он делает и как. Его работы в сувенирные магазины охотно берут...

— Вот это да! Просто остро мастеров какой-то!

— Это не остров мастеров. Это вокруг красота такая. Ты вот подумай, сколько у нас народных промыслов. А всё почему? Потому что невозможно на такую красоту смотреть и никак это не выразить. Это сейчас люди в телевизоры уткнутся, в телефоны свои — и всё. Нет их. А раньше — творили...

— Но у вас же тоже телевизор есть, — улыбнулась Анна, заранее зная ответ.

— А мы его только зимой и смотрим. Когда ночи длинные. Да и то, как смотрим? Слушаем больше. А под это Владик мой по металлу своему стучит, а я кукол шью. Видишь, у нас какой большой стол перед телевизором стоит? Это для того, чтобы обоим места хватало. Иногда даже вечером зимним застопорится что-то у Владика. Так он встанет, оденется — и на улицу. Насмотрится на нашу красоту — и снова за работу. Природа такая. Живо... творящая... — произнесла Мария Михайловна с запинкой и чуть смущённо. — У нас здесь даже внуки вечно что-то мастерят, а не только по острову носятся. Так что ты иди, посиди, подумай. Может, и напишется что хорошее.

Анна благодарно кивнула и ушла к себе. Пока поднималась по лестнице в мансарду, поймала себя на том, что снова идёт неторопливо, даже плавно, словно боится расплескать то, чем наполнилась её душа на Закате.

Комнату ей выделили самую лучшую в доме, как показалось Анне, большую, с окном, выходящим на залив и маяк. Анна распахнула его, села за стол, открыла тетрадь и взяла ручку. Через час она с удивлением посмотрела на часы и результат своих трудов — несколько плотно исписанных страниц. Получились у неё очерки обо всём, что увидела она за этот долгий и всё никак не заканчивающийся день: о пути на Закат, о природе острова и, конечно, об островитянах.

Анна всегда, с самого детства писала что-то. Конечно, для себя, в стол, но писала и очень любила это. Однако за полгода ожидания приговора словно разучилась делать это. Как будто умерло в её душе что-то, толкающее, заставляющее изливать свои мысли и чувства на бумаге. И вот теперь, после всего нескольких часов на Закате, она словно исцелилась.

Рука, отвыкшая от долгого письма, немного ныла, но зато на душе теперь было тихо и очень спокойно. Анна посмотрела на залив, спокойный и словно дремлющий, на маяк, отчётливо видный на фоне катящегося к закату солнца, и достала телефон.

Связь на острове была на удивление приличная, и голос Нелли прозвучал отчётливо и громко:

— Как ты там, Анют?

— Нел... Нел... Я даже не знаю, как тебя благодарить, — счастливо призналась Анна. — Если бы ты знала, что для меня сделала! Ты меня вылечила! Совсем вылечила!

— Ну, — как всегда самокритично заметила её потрясающая сестра, — это совершенно точно не я. Я всего лишь нашла для тебя подходящего доктора.

Когда Анна спустилась вниз, Мария Михайловна что-то делала на кухне. Увидев гостью, она спросила:

— Анечка, детка, ты кур не боишься?

— Нет. В моём детстве бабушка на даче держала.

— Правда? Вот хорошо! Тогда сходи, пожалуйста, к Родаковым, покорми их кур. А я пока начну на стол накрывать. Через час будем всех к столу звать.

— Конечно, — даже обрадовалась новому делу Анна.

— Тогда держи бидон, в нём каша. А зерно найдёшь в бутылки пластиковой, у кормушки, рядом с курятником. В другой — вода. Ты старую выплесни в траву, а чистой налей. Разберёшься?

— Конечно! — Анне вдруг показалось, что она вернулась в детство, и от этого её снова захлестнуло волной счастья, очередной за этот удивительный день. — Конечно!

— Умница моя! — похвалила Мария Михайловна, хотя Анна ещё ничего не сделала. — Ну какая же девочка замечательная к нам приехала!

Анна покраснела от похвалы, подхватила бидон с кашей для кур и отправилась к Родаковым. Но дойти без приключений не получилось.

Глава 14. Званный ужин

У дома орнитологов дорогу ей преградил Денис.

— Что, Анечка, вас снова к хозяйству приставили? — поинтересовался он.

Вместо ответа Анна сказала:

— Мария Михайловна и Владлен Архипович через час приглашают всех нас на ужин. Передайте, пожалуйста, вашим коллегам.

— Как официально! — рассмеялся Денис. — Может быть, перейдём на «ты»? Всё же нам здесь бок о бок жить. Упростим общение.

Анна отчего-то начала раздражаться и сухо ответила:

— Не стоит. Я послезавтра уеду отсюда. А полтора дня можно и привыкать.

— Какая вы суровая! — с усмешкой восхитился Денис. — Люблю барышень строгих правил!

— Очень рада за вас, — ответила Анна и попыталась обойти распушившего перья орнитолога.

— Анна! Вы что, сердитесь?! — вроде бы искренне изумился тот и сделал шаг в сторону, не дав ей пройти. — Не надо! Умоляю вас! Простите глупого повесу! Я просто хотел перевести наше общение в неформальную плоскость. Но вину свою осознал и больше докучать с этим не буду. Вы мне верите? — Он состроил умоляющую гримасу и уставился на Анну. — Мир?

Она вздохнула и вынужденно кивнула:

— Мир.

В это время из окна высунулась Камилла:

— Денис! Ты где?.Мы же ещё кровать не подвинули! А мне одной тяжело! — Тут она сделала вид, что только заметила Анну и, манерно растягивая слова, сказала: — О, и снова здравствуйте...

Анне показалось, что девушка не смогла вспомнить её имя или специально изобразила забывчивость. Видимо, Денис решил так же, потому что поспешно сказал, стараясь сгладить неловкость:

— Кэмел, Анна передала нам приглашение от аборигенов. Нас зовут на ужин... Через сколько? — он вопросительно посмотрел на Анну.

Её покорило то, как Денис назвал Марию Михайловну и Владлена Архиповича, и она коротко кинув:

— В семь, — повернулась и направилась к дому Родаковых.

— О! — казалось, обрадовалась Камилла. — Отлично! И готовить не придётся! А кого зовут?

— Всех.

— Пойди тогда старикам скажи, — распорядилась Камилла и исчезла, но тут же высунулась обратно и капризно велела:

— И не называй меня Кэмел!

— Договорились, Камелия!

Раздался звук выплеснутой воды, и орнитолог поддразнил:

— Не достала! Только зря выплеснула. Больше тебе воду таскать не буду.

— Тогда я тоже для тебя ничего делать не буду. Совсем ничего! А называть тебя буду Дендрарием! Или Денатуратом! — угрожающе и многозначительно заявила Камилла и с грохотом захлопнула окно.

Анна, которая, конечно, слышала всё это, усмехнулась. Какие страсти на Закате! Он — ловелас. Она — кокетка. Их связывают странные отношения. А Анну угораздило стать свидетельницей проявления высоких чувств. Повезло так повезло.

Ровно в семь у дома Полоцких собрались все: трое островитян и пятеро их гостей. По случаю тёплого вечера стол накрыли на большой террасе. Функции тамады взял на себя Владлен Архипович, оказавшийся весёлым лёгким человеком с хорошим чувством юмора. Он умудрялся вовлекать в непринуждённую беседу всех. А потом и вовсе жестом фокусника достал из-за своего стула гитару. И выяснилось, что даже Камилла знает застольные песни и с удовольствием подпевает им. А хозяйка и старшие орнитологи и вовсе увлеклись и тянули песню за песней.

Анна поняла, что давно, чуть ли не с самого детства не слышала, как поют за столом. Раньше пели, да. И часто. А сейчас нет. И она словно оказалась в прошлом. Мирном, добром и светлом прошлом, которого она почти не застала, но о котором слышала от родных. В том самом, где люди были добрее и куда так хотелось иногда вернуться. Закат представлялся ей заповедником, а его обитатели — удивительными, невероятными и очень близкими. Она любовалась ими. Даже Камилла и Денис теперь казались ей вполне приятными и симпатичными людьми.

Переводя взгляд с одного, сидевшего за столом, на другого, Анна заметила, что и Василий тоже исподволь разглядывает гостей острова. Встретившись глазами, они со смотрелем улыбнулись друг другу. И Анна снова почувствовала в нём родственную душу, как тогда, у маяка. Ей стало интересно, есть ли у него семья, и, если есть, то где. Маячник после дневного разговора с Марией Михайловной очень заинтересовал Анну.

Надо же, родился на Закате. И большую часть жизни живёт здесь. Тут она вспомнила слова хозяйки о том, что на Василии династия маячников прервётся, и закрутила. Значит ли это, что он одинок и у него нет детей? Или просто молодое поколение выбрало другую жизнь? В любом случае мысли об этом вызывали печаль. Хотя сама Анна могла понять тех, кто не хочет связывать свою жизнь с Закатом. Всё же для жизни здесь требуется особый склад характера. Не каждому она по плечу.

Анна представила, что она тоже могла бы жить здесь всегда и не поняла, какие чувства

вызвало у неё это допущение. Странные и противоречивые, пожалуй. От восторга до панического ужаса.

Всегда среди этой невероятной красоты, в тиши, на острове, где нет посторонних, шума, грязи... Как хорошо...

Да, но и людей тоже почти нет. Только несколько человек, которые вынужденно становятся близкими. Почти семьёй. А если вдруг между ними неприязнь? Это ведь страшно: жить, зная, что бок о бок с тобой находятся те, кто тебя ненавидит. И никуда не деться. Особенно с ноября по май, когда островитяне живут в автономном режиме, не имея возможности добраться до большой земли. Даже скорую помощь не вызовешь. И только в экстренных случаях прилетает вертолёт, как рассказала Anne Мария Михайловна...

Да-а... Раньше Anne казалось, что такие трудности переживают только космонавты. Но ведь их и отбирают специально, допуская на орбиту лучших из лучших. Им и почести соответствующие, и награды. А здесь, на небольшом острове, люди живут почти так же изолированно от других. Обычные люди. Не очень молодые, к тому же. И делают своё дело, получая небольшие зарплаты. Герои — не иначе... Она бы, наверное, так не смогла. Не справилась бы.

От размышлений её оторвал голос Василия:

— Анна, ты хотела на закат посмотреть. Сейчас самое время.

Она тут же с готовностью подскочила:

— А можно?

— Конечно.

— Это вы её на маяк зовёте?! — встряла Камилла.

— Да, — Василий коротко кивнул.

— А я тоже хочу!

— Мы все хотим, — присоединился Денис.

— В порядке очереди. Сегодня Анна. Завтра ещё кто-нибудь.

— Завтра я! — тут же заняла очередь Камилла и не удержалась, капризно протянула: —

А почему Анна уже сегодня, а мы потом?

Anne стало неловко. И правда, она ведь уже была на маяке. А теперь претендует на вторую экскурсию. Как-то нечестно по отношению к остальным. Она уже открыла рот, чтобы уступить Камилле, но Василий строго посмотрел на неё и отрезал:

— Потому что здесь решаю я.

— Поня-а-атно, — капризно протянула орнитологиня. — Все у нас равны. Но некоторые равнее.

— Камилла, — укоряюще пробасила Галина Филипповна. — Хватит. Нам всё равно уже пора спать. Завтра рано вставать. Пора за работу приниматься.

— Ну вот! Опя-а-ать!

Василий посмотрел на Камиллу, усмехнулся, подошёл к хозяйке дома, поцеловал её в мягкую щёку, хозяину крепко пожал руку, а остальным сказал:

— Спокойной ночи! — и вышел.

— Мария Михайловна, я быстро! — пообещала Анна. — Вы без меня не убирайте с стола. Я вернусь и помою посуду.

— Иди, иди, Анечка, — махнула рукой хозяйка. — Ты здесь на два дня всего. И не для того приехала, чтобы судомойкой работать.

— Но...

— Иди, я сказала! Василий ждёт. Вернёшься — и поможешь. Я до этого не успею всё убрать.

— Спасибо! — обрадовалась Анна и, сбегая по ступеням, услышала, как Галина Филипповна пообещала:

— Мы вам поможем, Мария Михайловна.

Мария Михайловна ответила что-то, но слов Анна уже не разобрала.

Василий нетерпеливо переминался на тропинке:

— Пойдём скорее. Солнце скоро совсем зайдёт. А тебе ещё наверх забираться.

Он повернулся и пошёл к маяку, а Анна чуть ли не вприпрыжку, чувствуя себя ребёнком, которому пообещали показать что-то удивительное, двинулась за ним, едва удержавшись, чтобы не схватиться обеими руками за большую загорелую ладонь маячника. Что с ней делает этот остров?

Закат и правда оказался невероятным. Анна даже не поняла, сколько времени она провела на маяке и очнулась, только когда солнце окончательно нырнуло в воды залива.

Спускалась Анна неторопливо, думая о своём и сберегая тихую радость всего этого длинного невероятного дня. У последнего маленького окна она остановилась, чтобы ещё раз посмотреть на залив. Внизу слышались голоса. Василий тихо сказал кому-то:

— Говорю же, не сегодня. Завтра. Всё завтра!

Голос его звучал устало и даже немного раздражённо. И Анна решила, что это опять Камилла попробовала уговорить смотрителя пустить её на маяк. Настойчивости девушки можно было только позавидовать. Но, когда Анна вышла из дверей, рядом с Василием никого не было. Анна тепло попрощалась с ним.

— Приходи и завтра тоже, — пригласил маячник.

— Но ведь я уже...

— Приходи. Тебе можно. У тебя душа закатная.

Анна шла к дому Полоцких и всё пыталась понять эти слова. Но поняла только то, что этими словами Василий хотел сказать, что она для него и Заката своя. От этой мысли стало удивительно тепло на душе. Анна представила, как утром придёт звать смотрителя на завтрак, а по пути к Полоцким расспросит его об острове и жизни здесь. Ведь кто, кроме человека, родившегося на Закате, может знать об этом больше? И, может быть, Василий даже расскажет что-нибудь удивительное...

Но ничего этого не случилось. Потому что утром Василий пропал.

Глава 15. Утро

Анна проснулась совсем рано от залиvistого петушиного крика. Выглянув в окно, она потянулась и вдруг поняла, что спать больше не хочет. В доме было тихо, на острове — тоже, если не считать, конечно, звуков природы. Анна подумала, оделась и на цыпочках спустилась вниз. Полоцкие еле слышно переговаривались у себя в комнате, звучали осторожные шаги и лёгкий смех. И было во всех этих звуках столько обычного, простого и при этом такого важного счастья, что Анна улыбнулась, почувствовав себя так, как ощущала в детстве в гостях у бабушек и дедушек.

Она умылась, двигаясь почти бесшумно. Но дверь тут же распахнулась, на пороге возникла Мария Михайловна:

— Ой! Анечка! Ты не спишь? А мы шепчемся, тебя разбудить боимся. Завтракать хочешь, детка?

— Доброе утро! А можно я приготовлю?

— Да там с вечера столько всего осталось, что нам сегодня на целый день хватит! Или ты каши хочешь? А, может, оладушков? Так я сейчас сделаю!

— Нет-нет! Спасибо! Не нужно. Если можно, я позже поем. А сейчас пойду погуляю. Очень уж хочется остров утром осмотреть.

- Сходи, сходи, — одобрила её решение Мария Михайловна. — Утром Закат особенно хорош.

— А когда он не хорош? — улыбнулась Анна.

Хозяйка засмеялась:

— Всегда хорош.

— Кур покормить не нужно? — вспомнила Анна.

— Да хорошо бы. Но ты же погулять хотела. Иди. Я сама покормлю. А ты гуляй, гуляй. Времени у тебя мало. Если хочешь искупаться, так лучше всего с северной стороны это делать. Там песочек и камней почти нет. Заходить хорошо. Полотенце возьми в том шкафу, на верхней полке.

— У меня есть, спасибо! Только вот...

— Что?

— Я купальник не взяла. Как-то не подумала, что здесь купаться можно.

— Можно и даже очень хорошо, — откликнулась хозяйка задумчиво. — Я каждый день хожу, когда погода тёплая. Вода, конечно, не южная. Но зато очень освежает и бодрит... А купальник... Если бы не было этих орнитологов, я бы тебе посоветовала в нижнем белье купаться, а то и вовсе голышом. Но Денис этот на тебя явно глаз положил. Не доверяю я ему. Как бы не пошёл тебя искать. Я-то, конечно, не скажу, куда ты пошла, если будет спрашивать... — Тут она осеклась, озорно посмотрела на Анну и спросила: — Или сказать?

— Нет! — испугалась Анна, представив прогулку и купание в обществе Дениса. Орнитолог ей почему-то не нравился. Может, тем, что неуловимо напоминал Богдана? При этой мысли настроение сразу стало хуже. Да ещё и жаль, что поплавать не удастся, а она уже успела загореться этой идеей.

Но тут Мария Михайловна радостно воскликнула:

— Придумала! Мне дочь новую ночнушку подарила. Красивую! Я её не надевала ни разу, и, наверное, не надену. Я в пижаме спать люблю. Да и уж не по возрасту мне такая красота. Тебе она, правда, великовата будет, я малость корпулентнее... — Мария Михайловна скептически осмотрела свою плотную аппетитную фигуру. — Но это ничего. Неудобно, конечно, в рубашке плавать. Но всё лучше, чем потом не знать, как выйти, если Дениса принесёт нелёгкая. — Она фыркнула, и Анна, заразившись хорошим настроением хозяйки и повеселев, тоже. — Или, знаешь что? Там метрах в пятидесяти от берега, как раз где тебе примерно по шейку будет, камень большой из воды торчит. Ты до него дойди, ночнушку сними и на него положи. Поплавай в своё удовольствие, а потом надень и выйди. Так и приличия соблюдёшь, и ткань мешать не будет.

— Спасибо, Мария Михайловна! — обрадовалась Анна, снова представив себе, как войдёт в холодную воду и поплывёт. И не там, где много людей и оборудованные пляжи, а на почти диком острове, посреди Финского залива.

— Да не за что, детка. Не за что. Иди, отдыхай, гуляй. Жаль, что ты не сможешь

подольше у нас погостить. Ну, если понравится, может, потом ещё приедешь как-нибудь. Мы с Владиком рады будем. Да и Вася, думаю, тоже.

От этих слов Анне стало так хорошо и тепло, что она не выдержала, сделала шаг вперед и обняла хозяйку. Надо же, чужие ведь люди, меньше суток знакомы. А как ей легко с ними.

Северный пляж Анна нашла быстро. Просто шла по кромке воды в указанном Марией Михайловной направлении, к ориентиру — небольшой сосновой рощице почти на самом берегу. Зайдя за одно из деревьев и оглянувшись, Анна быстро разделась, натянула хозяйскую ночнушку, улыбнулась кокетливым кружевцам и длинному, до бедра разрезу и направилась к воде. Впереди и правда виднелся большой камень и тех, на которых так любят фотографировать отдыхающих пляжные фотографы. Только здесь не было ни тех, ни других. И Анне казалось, что она вообще одна на этом удивительном острове.

До камня она не плыла, а медленно шла, чувствуя, как выше поднимается вода, как липнет к телу тонкая ткань, как покалывают ступни мелкие редкие камушки. Когда вода дошла до горла, Анна попробовала плыть, не снимая рубашки, но быстро поняла, что это неудобно. Пришлось вернуться к камню и последовать совету Марии Михайловны.

Вода тут же обступила ещё плотнее, будто только этого и дожидалась. Анна опустила глаза вниз и увидела пальцы ног и мальков неизвестных ей рыб, плавающих шустрými стайками поблизости. Она глубоко вздохнула, оттолкнулась и поплыла.

Плавала Анна долго, иногда закрывала глаза и гребла так, вся превращаясь в слух. Наконец, она устала и повернула в сторону камня. Одеться оказалось нелегко, ткань слипалась и не хотела скользить по коже. Справившись с ней, Анна не спеша побрела к берегу, глядя, как сопротивляется вода каждому её шагу и убегают назад плотные маленькие волны. Уже почти выйдя на тёплый песок, она подняла глаза и вскрикнула: в паре метров от прибоя на валуне сидел незнакомый молодой мужчина.

Глава 16. Хранитель

Увидев мужчину, Анна замерла в испуге. Если бы она не знала почти всех обитателей острова, если бы не помнила слов Марии Михайловны о том, что уехавший в отпуск маячник Родаков примерно ровесник Василию и Владлену Архиповичу, то, наверное, просто поздоровалась бы и постаралась поскорее уйти. Но на Закате не могло быть никого, кроме семи человек, с которыми она уже была знакома. И среди них не было молодого высокого темноволосого мужчины, что поднялся навстречу ей с голого валуна. Поэтому Анна резко вздохнула и с трудом удержала вскрик, сердце замерло на миг, а потом заколотилось с противоестественной скоростью. Остановившись в паре метров от берега, где вода доходила ей до колен, Анна, стараясь не показать страха, твёрдо посмотрела на мужчину, вынуждая его заговорить первым. Он не стал играть в гляделки и негромко поздоровался:

— Доброе утро.

— Здравствуйте, — кивнула Анна и снова замолчала.

Мужчина спросил:

— Вы не видели Василия, главного маячника?

Звук знакомого имени успокоил Анну, и она уже гораздо приветливее ответила:

— Видела вчера вечером.

Она сделала пару шагов к берегу и тут вспомнила, как выглядит. Будь на ней купальник, она бы не слишком смущалась, но мокрая тонкая ткань наверняка просвечивает... При

мысли об этом Анна быстро опустила глаза вниз и тут же инстинктивно прикрылась руками, стараясь, чтобы это выглядело так, словно она просто замёрзла.

Мужчина поверил или сделал вид, что поверил, и сказал:

— Вам, наверное, вытереться надо. Вода холодная. Я отойду подальше. Но буду признателен, если потом вы ответите на несколько вопросов.

Анне очень хотелось спросить, кто он такой и по какому праву расспрашивает её, но она только кивнула и быстро пошла к соснам, в тени которых оставила свою одежду и полотенце. Песок лип к ступням, а Анна шла, неестественно прогнув спину и сжав лопатки, чтобы мокрая ткань отошла от кожи и перестала так облегать тело. Сложно было не перейти на бег, но она удержалась и выдохнула только тогда, когда спряталась за толстым шершавым стволом.

Выглянув из-за него, Анна увидела, что мужчина довольно далеко отошёл от того валуна, на котором сидел, когда она вышла из воды. Он стоял, сунув руки в карманы джинсов, и смотрел на залив. Анне это понравилось. Она ценила в людях деликатность и умение понять чувства других. Только немного неловко было оттого, что незнакомец, похоже, заметил её смущение.

Слегка рассердившись на него и на себя, Анна быстро вытерлась, оделась, отжала мокрую рубашку и, подхватив рюкзачок, в котором лежали её вещи, направилась к заливу.

Мужчина оглянулся, когда она была в паре метров от него, хотя, казалось, песок приглушал звук шагов. Не дойдя до незнакомца, Анна остановилась и спросила:

— А могу я узнать, кто вы? И почему ищите Василия? Ведь, насколько мне известно, Закат — режимный объект и случайных людей здесь не бывает.

— А я не случайный человек, — усмехнулся мужчина. Но мысль не развил, ограничившись только этими словами.

— Вот как? — изо всех сил стараясь не показать снова нахлынувшего страха, подняла брови Анна.

— Да, вот так.

— И кто же вы?

Мужчина на миг задумался и ответил:

— Что-то вроде местного жителя.

Анна вообще перестала что-нибудь понимать и перевела разговор в более безопасное русло:

— Так зачем вам Василий?

— Просто вчера он вызвал меня, просил срочно приехать. Я был довольно далеко и добраться смог только к утру. Но Василия на месте не оказалось.

— Так, может, он на рыбалку отправился или ушёл куда?

— Может быть, — вроде бы согласился мужчина, но в голосе его звучало сомнение. И это насторожило Анну. Она предложила:

— Давайте вернёмся к маяку, и, если Василия по-прежнему нет на месте, позовём остальных и отправимся на поиски.

— Нет, лучше вы идите, а я пока осмотрю всё. Если не найду, тогда уж приду за Полоцкими и вами, Анна.

Вот уж того, что он знает её имя, Анна совсем не ожидала и даже чуть вздрогнула. Вопросов стало ещё больше, но она взглянула на сосредоточенное, даже несколько обеспокоенное выражение лица незнакомца и коротко ответила:

— Хорошо.

Мужчина в ответ кивнул без улыбки и быстро пошёл дальше по береговой линии, Анна недолго посмотрела ему вслед и отправилась к Полоцким.

Мария Михайловна увидела её с террасы и сразу же спросила:

— Анечка, ты Васю нашего не видела?

— Нет. Зато я видела какого-то мужчину. Лет тридцати пяти, темноволосый, лицо загорелое. И он тоже спрашивал о Василии. Кто это?

Лицо Марии Михайловны, которое после слов Анны о том, что она не видела Василия заметно помрачнело, чуть прояснилось:

— Это... Ну, считай, что это наш ангел-хранитель.

— Вот как? — удивилась Анна и тут же вспомнила, что совсем недавно говорила то же самое в разговоре с этим самым хранителем. Она поднялась по ступеням террасы и села за стол. — А мне он сказал, что местный житель. Как такое может быть? Здесь же нет постоянного населения, ну, кроме нескольких человек, конечно.

— Нет, — согласилась хозяйка, — но Матвей здесь чуть не с младенчества жил.

Анна непонимающе посмотрела на Марию Михайловну и та пояснила:

— Матвей — сын Василия.

Анна изумлённо вскинула брови и собралась обрушить на женщину град вопросов. Но тут у причала раздались громкие, непривычно громкие для Заката голоса. Мария Михайловна отбросила в сторону полотенце, которым вытирала посуду, и кинулась к перилам. На лице её читалась тревога. Анна подскочила к ней и тоже стала всматриваться вдаль. От причала быстро, почти бегом поднимался к дому Владлен Архипович и что-то кричал Матвею, который показался со стороны каменистой возвышенности.

— Что? Что он говорит? — Мария Михайловна со страхом посмотрела на Анну.

— Пока не пойму. Что-то про лодку...

— Лодки! Одной лодки нет! — ветер наконец донёс до них слова Владлена Архиповича.

— А-а, значит, Василий просто на рыбалку отправился или ещё по каким делам, — обрадовалась Анна.

Мария Михайловна улыбнулась облегчённо. Но Владлен Архипович снова крикнул:

— А вёсла все на месте!

От ужаса, звучавшего в его голосе, даже Анне, плохо знакомой с жизнью островитян, стало страшно. А Мария Михайловна и вовсе в один миг побелела так, что Анна испугалась за неё и тут же подхватила под руки.

— Что? Что это значит? Ну, то, что вёсла на месте?

— Это значит, что с Василием нашим что-то стряслось, Анечка. Лодки нет, а вёсла на месте — это очень плохо.

Глава 17. Лодка

— Вы думаете, что Василий мог уплыть с острова по какому-то делу? — спросила Анна у Марии Михайловны, не отводя глаз от сына маячника, который подбежал к Владлену Архиповичу. Вместе мужчины отправились к причалу и стали там что-то осматривать.

— Если бы не было вёсел, так бы и решила. Но вёсла на месте. Ни один здравомыслящий человек не сядет в лодку без вёсел. Это не озеро или река, где худо-бедно можно руками до берега догresti. Это море, детка, хотя оно и кажется сейчас совсем

спокойным и мирным.

— А точно вёсел нет? Может, он другие какие-нибудь взял?

Мария Михайловна посмотрела на неё странным взглядом и покачала головой:

— У нас всё очень строго с этим. Режимный объект, да и мужчины наши не из легкомысленных. Маячники — особая порода людей, Анечка. Здесь ответственность нужна. Абы кто здесь не работает. У нас всё хранится в раз и навсегда заведённом порядке. Никаких других вёсел нет.

Анне стало неловко, словно она сморозила глупость:

— Простите, пожалуйста, Мария Михайловна. Но не мог Василий сесть в лодку, вёсла оставить на причале и не успеть взять? Ну, если, например, порывом ветра лодку отнесло бы?

— Мог. — На хозяйке не было лица. Она тяжело дышала и выглядела потерянной. — Если бы был без сознания. В любом другом случае Василий нашёл бы выход из ситуации: подгрёб бы руками, если недалеко, спрыгнул бы в воду и вернулся вместе с лодкой. Поэтому мы так и встревожены. Может, ему плохо стало? Да и непонятно, куда он вообще собрался? Вчера вечером ещё планировал утром обход острова сделать.

— Обход?

— Да, мы регулярно остров осматриваем, мусор убираем, если морем прибило, проверяем, всё ли в порядке. Так у нас заведено ещё со времён родителей Василия. А мы продолжаем. Правильно это — ухаживать за своим домом.

Анна рассеянно кивнула, глядя, как у причала сын Василия, которого она с лёгкой руки Марии Михайловны теперь называла Хранителем, осматривает крепления других лодок и катеров. Он что-то говорил Владлену Архиповичу, а тот удручённо кивал.

— Подождите, — встрепелась Анна. — Так, может, Василий и отправился осматривать остров? А лодка просто сама уплыла. Может, верёвка перетёрлась, к примеру? И оба эти события никак не связаны между собой? Просто совпадение.

— Думаю, Матвей, тоже так решил. Видишь, как раз крепления осматривает. Только, похоже, не в этом дело. Очень уж он встревоженный... А, вот и к нам идут... — Мария Михайловна с удивительным для её возраста и комплекции проворством спустилась по ступеням крыльца и выбежала на тропинку, ведущую к пристани. Анна, помедлив, направилась за ней.

Хранитель шёл вверх по склону быстро, лицо его и правда было мрачно, тёмные глаза сосредоточенно смотрели на говорящего что-то Владлена Архиповича.

— Ну что? — не выдержала и крикнула Мария Михайловна, когда мужчины были ещё метрах в двадцати.

— Лодка не сама сорвалась, — коротко ответил Хранитель, а Владлен Архипович согласно закивал головой.

— Матвей, — мягко сказала Мария Михайловна, — тут Анечка предположила, что Василий мог всё же отправиться в обход. Ты же не весь Закат обошёл?

— Нет, только до Северной бухты добрался.

— Ну вот! — Мария Михайловна старательно излучала оптимизм, но было видно, как она волнуется. — Давай-ка мы сейчас все отправимся на поиски. Всё же остров наш не такой маленький. Может, он сел где отдохнуть, да и задремал или увлёкся делом каким?

Сын Василия кивнул, хотя Анне показалось, что он не очень верит в слова Полоцкой.

— Владлен Архипович, вы говорили, орнитологи ещё приехали... — обратился он к

коллеге отца.

— Да, четверо.

— Молодые среди них есть?

— Двое, парень и девушка.

— Позовите их, пожалуйста. И разобьёмся попарно. Вы с кем-нибудь из учёных, Мария Михайловна тоже. Анна, а вы пойдёте со мной.

Анна удивлённо посмотрела на него, но согласно кивнула.

— И переоденьтесь. Мы с вами пойдём туда, где в платье неудобно будет. Владлен Архипович, орнитологи тоже пусть устойчивую обувь выберут... Ну, да вы сами знаете. Не мне вас учить. Разделимся так: мы с Анной возьмём на себя лес и возвышенность, вы, Владлен Архипович, осмотрите центральную часть, а вас, Мария Михайловна, попрошу южный берег проверить.

— Спасибо, Матвей, за заботу, — улыбнулась женщина. — Ты мне самый лёгкий участок дал. Тогда я с собой девочку возьму эту, как её?..

— Камиллу, — тихо подсказала Анна.

— Да, её. А ты, Владик, Дениса с собой прихвати. А Галину Филипповну с Анатолием Михайловичем на хозяйстве оставим. Пусть обед готовят... Ой, Анечка, Матвей! — вспомнила тут она. — Вы же у меня ещё не завтракали! Ну-ка, садитесь быстро.

— Спасибо, я не буду, Мария Михайловна, — отказался Матвей.

— Я тоже! — решила не заставлять остальных ждать себя Анна, хотя давно уже ощущала голод.

Хранитель, как ей показалось, с интересом посмотрел на неё, и она сказала:

— Сейчас я переоденусь. Я быстро.

— Давай, Анечка. А я вам тогда бутерброды с собой пока сделаю. И чаю налью в термос. — Мария Михайловна кинулась к дому.

Меньше чем через десять минут Анна и Матвей уже шли в сторону леса. Анна ловила себя на том, что думает скорее не о пропавшем маячнике, а о его сыне. В то, что с Василием стряслась беда, она почему-то не верила, считая очень вероятным то, что смотритель просто задержался где-то, не ожидая, что его отсутствие так всех переполошит. А вот Матвей вызывал у неё множество вопросов. Что он за человек, как рано утром оказался на Закате, зачем пригласил его Василий и почему Полоцкая называет сына маячника ангелом-хранителем? Спросить бы напрямую, но неловко. Да и не к месту и не ко времени такое любопытство.

Матвей шагал широко, стремительно, глазами обшаривая остров. Видно было, что он не на шутку встревожен. Анна шла на полшага позади, искоса поглядывая на него. Суровая складка между прямых бровей, напряжённый взгляд, чётко раздувающиеся ноздри... Ей было приятно смотреть на него, но, устыдившись своего несвоевременного интереса, она отвела глаза и тоже стала осматривать окрестности.

Они как раз забрались на самый верх каменистой, почти без растительности, возвышенности. С этой точки остров хорошо просматривался, и они с Матвеем стали спинами к друг другу и принялись озираться. Сын Василия достал из рюкзака, который болтался у него на спине, бинокль и приник к нему. Анна снова осторожно посмотрела на Хранителя. Надо же, ничего общего с отцом. Наверное, в мать. Тут Анна тихо хмыкнула. Почему-то ей оказалось сложно представить Василия отцом семейства. За время их

непродолжительного знакомства у неё сложилось впечатление, что смотритель по натуре одиночка. А оказалось, у него даже есть сын...

Тут Матвей отвёл бинокль от глаз, с силой потёр правой рукой лицо, энергично поморгал и снова приник к окулярам.

— Что там? — испугавшись бледности его лица, спросила Анна.

— Мне кажется, там, на горизонте, лодка. Ну-ка, посмотрите вы. Может, мне кажется. — Матвей сунул ей в руки чёрный тяжёлый бинокль. Анна немного подрегулировала его и уставилась в ту сторону, куда показал ей Хранитель.

— Где? Я не вижу.

— Вот там, правее.

Анна почувствовала, как сын маячника подошёл сзади, его руки обхватили её ладони, сжимающие бинокль, и немного повернули. Отчего-то это прикосновение не показалось ей неприятным, но она всё равно напряглась и внутренне сжалась.

— Где? Я не вижу.

И тут же увидела. Действительно, далеко-далеко и правда была видна какая-то лодка. Но и только. Ни что это за судёнышко, ни какого оно цвета, ни есть ли в ней кто-то, рассмотреть не удалось.

— Да, — хрипло прошептала Анна. — Вижу!

Она ещё немного повсматривалась, чтобы убедиться, что не ошибается, потом отвела от глаз бинокль и повернулась к Матвею:

— Вы думаете, это наша лодка?

— Думаю, наша.

— И что будем делать?

— Я отправлюсь за ней, — ответил Матвей и протянул Анне руку, помогая спуститься с камня, на который они забрались, оглядывая остров.

— Возьмите меня с собой! — вырвалось у Анны. — Я буду... Как это называется?... Вперёдсмотрящим. Так мы скорее найдём лодку. Вам не придётся отвлекаться на бинокль...

— Пожалуй, вы правы, — кивнул Матвей без особых эмоций, словно и не он всего минуту назад почти обнимал Анну. — Тогда давайте скорее. Время играет против нас. И против отца, — почти неслышно добавил он и быстро зашагал к маяку, Анна поспешила за ним.

Глава 18. Поиски

У пристани никого не было. Матвей сообщил Полоцким об увиденной лодке, но те решили всё же продолжить осмотр острова. Анна подумала, что это правильно: мало ли чьё судёнышко они обнаружили. А вдруг ошиблись? Тогда просто необходимо искать Василия здесь, на Закате.

Матвей ловко спрыгнул в небольшой катер, который Анна раньше не видела, — видимо, именно на нём он добрался до Заката, — и протянул руки, собираясь помочь ей. Но тут со стороны дома орнитологов раздался крик:

— Аня! Вы куда?

— Кто это? — спросил Матвей.

— Галина Филипповна. Одна из учёных, — пояснила Анна и отозвалась: — Мы за Василием!

— Нашли? — ахнула орнитологиня, спеша к ним.

— Надеюсь, что это он! — в ответ прокричала Анна.

Матвей снова протянул руки и почти сдёрнул замешкавшуюся Анну вниз, сначала подхватив её под колени, а потом дав скользнуть вдоль его тела вниз.

— Мы торопимся. — В тоне ничего, кроме сдержанности и озабоченности.

— Да, конечно, простите, пожалуйста. — Анне стало неловко. И правда, у человека отец пропал, а она мешкает. — Куда мне сесть?

— Вот сюда.

Матвей быстро отвязал какую-то верёвку от крепления на причале — Анна смутно помнила, что вроде бы правильнее говорить «концы от кнехтов», — и сел рядом с ней.

Но Галина Филипповна всё же успела. Тяжёлые шаги зазвучали по старым доскам причала. Она поздоровалась с сыном маячника, тот вежливо ответил и сказал:

— Простите, но нам пора.

— Да-да, разумеется, — Галина Филипповна кивнула.. — Я просто пожелать вам удачи.

— Спасибо! — с чувством поблагодарила Анна.

Галина Филипповна махнула рукой и прижала ладонь к щеке. Заурчал двигатель, дрогнул и стал отдаляться берег. Совсем как накануне. Но какие невероятно долгие сутки! Вчера катером управлял Василий, о котором Анна ещё ничего не знала и которого немного побаивалась, а рядом сидели орнитологи. А сегодня Василий пропал, а она с его сыном отправляется на поиски и больше всего на свете хочет найти маячника живым и здоровым.

— Держите! — Матвей сунул ей в руки бинокль. Анна тут же принялась исполнять обязанности вперёдсмотрящего.

— Да ещё рано! Тот район, где мы примерно видели лодку, пока скрыт мысом. Сейчас мы обогнём его. А пока посмотрите на Закат. Он очень красив отсюда, — громко, перекрывая гул мотора и шум ветра, посоветовал Матвей.

— Спасибо! — Анна благодарно кивнула и повернулась так, чтобы видеть остров, от которого они отплыли ещё совсем недалеко.

Она быстро нашла маяк, потом дома и причал. На нём стояли Галина Филипповна и присоединившийся к ней Анатолий Михайлович. Лица обоих, хорошо видные при таком приближении, выражали тревогу. Мужчина что-то говорил коллеге, она отрешённо кивала и покачивала головой. Анне стало жалко их: приехали люди работать. А тут такое.

— Всё, теперь смотрите! — велел Матвей. — Уже должно быть видно.

Анна послушно повернулась в указанном направлении и стала напряжённо всматриваться вдаль. Через несколько минут ей показалось, что она увидела их цель.

— Туда! — распорядилась она, рукой указывая направление. Хранитель Заката кивнул и подкорректировал курс. Анна снова поднесла бинокль к глазам. Далёкий предмет приближался, постепенно принимая очертания лодки.

— Я её хорошо вижу! — поделилась радостью Анна.

— Какая она?

— Белая, по борту широкая синяя полоса.

— Похожа на нашу лодку. — Как ни странно, облегчения в голосе Матвея Анна не услышала. Наоборот, сын маячника, казалось, стал ещё напряжённее. Лицо сосредоточенное, почти бесстрастное, но губы плотно сжаты, глаза прищурены и снова эта тревожная складка между бровей. Да и поза выдавала обеспокоенность, а костяшки рук, сжимающих рулевое колесо, побелели.

Анне тоже стало страшно, и она, чтобы хотя бы немного помочь Матвею, решила не

отрываться больше от наблюдения и прильнула к окулярам.

— Анна, посмотрите, не видно ли там человека, — дрогнувшим голосом попросил Хранитель.

Она замерла, потом опустила бинокль и с болью посмотрела на него, потому что их катер как раз подплыл на такое расстояние, с которого лодку стало видно гораздо лучше, настолько, что стало понятно: если человек в ней и есть, то он лежит на дне. Видимо, Матвей всё понял по затянувшейся паузе. Он отвёл напряжённый взгляд от далёкого судёнышка, быстро посмотрел на Анну и вдруг мягко сказал:

— Не пугайтесь так. Возможно, лодку просто сорвало и отца нет в ней.

— Да... Да-да... — закивала Анна, которой было до слёз жалко Хранителя. В этот момент она не знала, чего хочет больше: поскорее добраться до цели или плыть до неё как можно дольше. И то, и другое пугало одинаково сильно.

Оба они замолчали. Анна сидела, вытянувшись и прижав бинокль к глазам так крепко, что даже кожа вокруг них заныла. Матвей молчал. Катер приближался к лодке. Анна отчаянно надеялась, что Василий просто устал и прилёт отдохнуть, а сейчас услышит шум двигателя и сядет, и станет вглядываться в их сторону, замашет руками. И тогда они оба, сын маячника и сама Анна, закричат от радости, а потом возьмут лодку на буксир и все вместе вернутся на Закат, где позже, уже отойдя от страха и напряжения, соберутся у Полоцких за большим столом, будут смеяться и сердиться одновременно и рассказывать всем о том, как обнаружили Василия.

Но лодка была всё ближе, тот, кто находился в ней уже не мог не слышать приближающийся катер, но признаков жизни не подавал. И Анна замерла, забыв о том, что нужно дышать, и закусила губу.

"Пожалуйста! Пожалуйста!!! Пожалуйста!!!!!" — мысленно просила она о чуде, уже почти не надеясь на него.

Матвей аккуратно подвёл катер максимально близко к обнаруженному судёнышку, заглушил двигатель, вытащил откуда-то длинную палку с крюком на конце, ухватил им за борт лодку и подтянул. Анна подавила крик и зажала рот ладонью: Василий лежал, скорчившись, на боку. Его почти полностью седые волосы были покрыты спекшейся кровью.

— Держите крюк! — приказал Хранитель. Она быстро повиновалась, обеими руками вцепившись в палку, а сын маячника прыгнул в лодку и склонился над отцом.

Анна теперь дышала часто и неглубоко, чувствуя, как слёзы подступают к глазам, и изо всех сил сжимала губы, чтобы не заплакать навзрыд. Видеть страдание на лице Хранителя ей было невыносимо.

— Пап! — тихо позвал он, осторожно ощупывая отца. — Пап! Ты что это?

Сильные руки нежно перевернули тело. Анна зажмурилась в страхе, но тут же открыла глаза, рассердившись на себя. У человека такое горе, ему, может быть, нужна её помощь, а она тут изображает кисейную барышню. Слёзы и истерика будут потом, наедине с собой. А пока необходимо взять себя в руки. И она ещё крепче вцепилась в крюк и преданно уставилась на Хранителя, ожидая его указаний и стараясь не опускать взгляд ниже и не смотреть на мёртвое тело маячника.

Но тут вдруг Матвей рывком сдёрнул с себя лёгкую ветровку, которую надел, когда они вышли в море, скомкал её и осторожно положил под голову отцу. Анна резко втянула в себя воздух и отвела взгляд. Видеть горе этого молодого ещё мужчины ей было невыносимо.

Катер сильно накренился — это Матвей перебрался в него и достал откуда-то верёвку.

Анна непонимающе уставилась на него. Он, торопливо перебирая руками по борту, лодки передвинул её так, что теперь она плотно прижималась бортом к катеру, и ловко привязал её. Действовал он почему-то очень быстро, хотя теперь им некуда было спешить.

Анна молчала, стараясь быть как можно незаметнее. Человеку, у которого такая беда, вряд ли нужно присутствие постороннего. И всё, что она может сделать для Хранителя, — это просто постараться не напоминать о себе.

— Анна, пересядьте вот сюда, пожалуйста, — попросил вдруг Матвей и, подхватив её под локоть и потянув к корме, помог перебраться в указанном направлении. Анна не спорила, стараясь двигаться как можно быстрее, хотя и не поняла, зачем это нужно. Убедившись, что она села, Матвей расстелил на дне катера брезент и снова перебрался в лодку. Анна следила за ним глазами, ничего не понимая. Матвей тихо, словно боялся разбудить кого-то, сказал:

— Он жив, Анна. Он пока жив. Мы сейчас идём в Кронштадт. А вы, пожалуйста следите за его состоянием. Мы должны довести его.

Глава 19. Надежда

И они довели. Лодку бросили в море, отца Матвей осторожно перенёс в катер и уложил на брезент. Весь путь до Кронштадта Анна сидела рядом с маячником, не отводя от него глаз. Ей казалось, что так она сможет удержать, не отпустить его, только так уберёжёт от страшного горя Хранителя Заката.

На том причале, где сутки назад она ждала катера, который должен был отвезти её на остров, стоял реанимобиль. Василия быстро погрузили на носилки и жёлтый микроавтобус умчался. Анна вопросительно посмотрела на Матвея.

— Я позвонил, пока мы шли сюда, — объяснил тот. — Сейчас отца отвезут в Военно-морской госпиталь. Там лучшие врачи.

— А мы?

— У меня неподалёку машина. Вы можете поехать со мной или подождать здесь. К сожалению, других вариантов нет. Сами вы до Заката не доберётесь. Но ждать, возможно, придётся долго...

— Я с вами! — не дала ему договорить Анна.

Матвей протянул руку и помог ей выбраться на причал. В молчании они прошли мимо парка, пересекли улицу и нырнули во двор. Там Матвей подошёл к вишнёвому «Шевроле Нива». Анна немного удивилась скромной машине. Она привыкла к тому, что люди из её окружения берут кредиты, продают доставшиеся по наследству квартиры, но покупают статусные автомобили. Сама Анна этого никогда не понимала, но уже давно перестала удивляться стремлению приобрести дорогих "коней". А тут вдруг отечественный джип, ухоженный, но явно не слишком новый. Хранитель продолжал удивлять её.

До Военно-морского госпиталя они добрались быстро. Матвей поговорил с кем-то на КПП, и их пропустили внутрь. Там Анна осталась ждать на скамейке в тени акации, а сын маячника ушёл, предупредив:

— Возможно, я надолго.

— Ничего, я подожду. — Анна изо всех сил излучала спокойствие и уверенность в благополучном исходе. — Обо мне не беспокойтесь и не думайте. Вы должны быть с отцом. Вы нужны ему.

— Спасибо, — кивнул без улыбки Матвей и быстро пошёл к старому корпусу в конце

аллеи.

Анна долго смотрела ему вслед, а потом в задумчивости опустилась на скамейку. Вспомнилось, как несколько месяцев назад она так же ждала мужчину. В Москве, у дверей лаборатории. И ей показалось, что это произошло давно-давно. Так давно, словно и не с ней было. И мужчина тот уже казался совсем чужим, незнакомым. Да, видимо, и был им.

Она положила себе на колени рюкзак и только тут вспомнила, что в нём по-прежнему лежат бутерброды, которые сунула ей добрая Мария Михайловна. А они с Матвеем и не подумали о них. Не до того было. Сейчас есть она тоже не могла: не давала внутренняя дрожь, которую никак не получалось унять. Анна достала бутерброды, огляделась, подошла к забору и сквозь прутья протянула куски колбасы пробежавшей мимо дворняге. Та с удивлением посмотрела на неё, но колбасу осторожно взяла.

Ждать оказалось нелегко. Анна уже и крошила оставшийся от бутербродов хлеб толстым раскормленным голубям, и сидела, и ходила, меряя шагами длинную аллею, и снова садилась. А Матвея всё не было.

Солнце совершало свой путь по небосводу, вскоре на облюбованной Анной скамейке стало невыносимо жарко, и она перебралась на другую, пока ещё укрытую в тени. Аллея с этого места просматривалась хуже, и Анна теперь боялась не увидеть сына маячника. Поэтому она то и дело вскакивала и снова принималась ходить туда-обратно, нервно ломая руки и кусая губы.

Появился Матвей тогда, когда Анна уже вся извелась и от нарастающего напряжения просто не знала куда деться. Пальцы после нескольких часов издевательств над ними горели, а искусанные губы неприятно саднили. Но это не шло ни в какое сравнение с тем, что было у неё на душе, с каждой минутой всё сильнее и сильнее погружающейся в мрак отчаяния.

Анна сама не поняла, что вынудило её оглянуться. Совершенно точно её никто не окликнул, шагов Хранителя она тоже не слышала — тот был ещё далеко. Но в один миг она вдруг обернулась и увидела в дальнем конце аллеи мужскую фигуру, быстро идущую к ней. Сначала Анна замерла, со страхом вглядываясь в лицо приближающегося Хранителя, а потом не выдержала и сначала стремительно пошла навстречу, а потом и вовсе побежала. Остановилась она в нескольких метрах от него и замерла, не понимая, не умея прочесть по его лицу новости. Матвей подошёл к ней и подбадривающе кивнул:

— Жив. И есть надежда.

Анна жадно вздохнула полной грудью, наверное, впервые за последние несколько часов и хрипло ответила:

— Слава Богу!

— Да, — кивнул Матвей. — Именно так. Врачи говорят, это чудо.

Он неожиданно протянул Анне руку. Она не колеблясь вложила в большую ладонь свою. Вдвоём они пошли по аллее к выходу. Оба молчали. Анна ожидала, что они вернуться на пристань, но Матвей остановил машину у Морского Никольского собора. Анна слышала о нём, но до этого видела только на фотографиях.

Храм потряс её. Огромный, величественный, казалось, подпирающий большой неовизантийской главой голубое летнее небо. Матвей всё так же молча обошёл машину и подал замешкавшейся Анне руку. Она послушно вышла.

— Пойдёмте. Я должен сказать спасибо за чудо и попросить о ещё одном. А, может, и не одном.

— Но я в джинсах. Да и вообще вид у меня...

— Это не страшно. Вы же тоже хотите сказать спасибо? — Матвей впервые за последние часы улыбнулся и снова протянул ей ладонь. И Анна поняла вдруг, что это и правда не страшно. Когда она будет собираться в храм специально, то, конечно, уважительно отнесётся к традициям. Но сейчас она просто очень хочет поблагодарить за чудо. А для этого специально готовиться не нужно. И глупо забывать о благодарности в угоду мнению окружающих.

Анна улыбнулась и тоже протянула руку. Они опять пошли вперёд вместе, словно давно знакомые, близкие друг другу люди. И ей почему-то это не казалось странным и преждевременным. Завтра, наверное, покажется. И, пожалуй, она даже будет жалеть об этом. Но не теперь.

Сейчас Хранителю Заката нужна её поддержка, и она не может отказать ему в этом. Да и ей тоже, если уж быть совершенно честной с собой, необходимо его участие. А мысли о приличиях она оставит на завтра. Или, может, и вовсе не станет думать об этом. Потому что в её нынешней жизни, той, которая началась после отмены приговора, совершенно нет места неважному и ненужному. Теперь это другая, но очень правильная жизнь. И Анне она нравится.

К катеру они вернулись, когда залив уже окрасился в тёплые закатные тона и был похож на расплавленную смолу. Матвей помог Анне устроиться в катере и уже хотел завести двигатель, когда у него запел телефон. Анна узнала первые такты любимой песни «Неприкасаемых». Хранитель Заката бросил на неё встревоженный взгляд и ответил.

— Да!

Анна замерла, боясь услышать страшное. В вечерней тишине слова его собеседника звучали вполне отчётливо.

— Мэт, — громко говорил низкий мужской голос. — Короче, я по твоей просьбе побеседовал тут с коллегами. В общем, они тоже думают, что ты прав. Не сам он. Мы, конечно, не эксперты. Наше дело чинить, а не разбираться, что да как. Но тем не менее... — Мужчина помолчал недолго, потом со вздохом закончил: — В общем, вызвал ты бы кого следует.

— Понял, Лёш. Спасибо, — помрачнев, поблагодарил Хранитель Заката. — Значит, не ошибся я.

— Скорее всего.

— Ладно, буду разбираться. Пока, Лёш. И это, вы там за отцом приглядывайте уж.

— Вот об этом мог бы и не напоминать, — чуть обиженно пробасил его собеседник. — Мне ж дядя Вася как родной.

— Прости, — Матвей заговорил мягче, в голосе его прозвучала нежность. — Что-то устал я. Вот и несую всякую чушь.

— Да я всё понимаю, Мэтью. Ты тоже меня прости. И отправляйся спать. Прямо сейчас.

— Прямо сейчас не могу. Ты же сам говоришь, что нужно вызывать кого следует.

— Ты им позвони, а сам на боковую.

— Да нет, я на Закат.

— Нечего! — возмутился собеседник Матвея. — Никуда не денется твой Закат. Выспишься, а завтра утречком и отправишься. Думаю, до утра ничего не случится. Не разбегутся твои островитяне.

— Ладно, ладно, — проворчал Матвей. — Понял и выполню.

— Врёшь ведь, — сокрушённо вздохнули в трубке.

— Вру, — усмехнулся Хранитель.

— Тогда хоть позвони мне, когда доберёшься. Заодно и о дяде Васе новости расскажу.

— Договорились.

Матвей сунул телефон в карман джинсов и, не глядя на Анну, спросил:

— Вы всё слышали?

— Да.

— И всё поняли?

— Василий не сам упал и ударился?

— Не сам.

— Плохо. — Анна не знала, что ещё сказать.

— Куда уж хуже, — согласился Хранитель Заката.

— Мы сейчас на остров?

— Сейчас мы позвоним в полицию. А потом отправимся на поиски лодки. Теперь мы не можем просто бросить её в море. Теперь это вещдок.

Глава 20. Осознание

Лодку они не нашли.

— Ничего, завтра попрошу знакомых дрон запустить, — успокоил расстроенную Анну Матвей. — Давайте-ка возвращаться. Вставать придётся ни свет ни заря.

Анна покивала задумчиво и ничего не сказала. Ей было грустно. Отпуск получался не совсем таким, как она планировала. Вернее, совсем не таким.

Когда Матвей связался с военной прокуратурой и сообщил о происшествии на Закате, ему пообещали сейчас же отправить специалистов в госпиталь, чтобы те определили характер ран, и, как только рассветёт, прибыть на остров.

— Раньше не смогут, — пояснил Матвей Анне. — Да и нет необходимости. Что они там в темноте найдут? А на рассвете уже будут у нас. Всего несколько часов осталось. Да, может, мы всё же ошиблись, и отец сам упал...

Анна не верила в это и понимала, что Хранитель Заката тоже не верит. Но спорить она не стала.

Они возвращались на остров. Анна не знала, как этот удивительный человек ориентируется в море, но уже поняла, что он прекрасно знает, куда им нужно плыть, и просто сидела, молча глядя перед собой. Сил у неё ни на что не было. Даже есть не хотелось, хотя ужинала она сутки назад. Но это она. Анна в принципе никогда не была любительницей поеть. А как же Хранитель?

— Вы, наверное, очень голодны? — спросила она.

— Что? — Матвей вынырнул из задумчивости.

— Вы голодны? У нас были бутерброды. Но я засомневалась в их съедобности после стольких часов на жаре и отдала собаке...

— И правильно сделали.

Снова помолчали, думая каждый о своём. Солнце было уже совсем низко. Облака, почти сплошной завесой наползающие с севера, постепенно становились всё темнее. Подул довольно сильный ветер, и Анне нестерпимо захотелось скорее оказаться на берегу, в тёплом и уютном доме Полоцких. Хранитель тоже помрачнел. Анна исподволь, украдкой поглядывала на него и видела, как ходят под загорелой кожей желваки.

Наконец показался Закат, и Анна отыскала взглядом постепенно увеличивающуюся пристань. На ней были видны несколько фигурок. Когда подплыли ближе, стало ясно, что это Полоцкие и старшие орнитологи. Дениса и Камиллы видно не было.

— А молодёжь отдыхает! — крикнул ей Матвей. Анна не поняла, что это было: осуждение или просто констатация. Она ограничилась кивком и с состраданием посмотрела на Полоцких. Мария Михайловна стояла рядом с мужем, то и дело вытирая рукой лицо. С такого расстояния слёз не увидишь, но Анна была уверена: женщина плачет.

Так и оказалось. Когда Матвей подвёл катер к пристани, кинул конец подскочившему Владлену Архиповичу, а сам запрыгнул на старые доски причала, Мария Михайловна тут же схватила сына маячника за плечи:

— Ну? Как он?!

— Маша, Маша! Матвей же звонил тебе из госпиталя! — с укором напомнил её муж.

— Да, звонил! Но я думала, вдруг новости...

— Мария Михайловна... — Голос Матвея звучал мягко, сочувственно и успокаивающе. — Заведующий реанимацией госпиталя мой друг детства. Он хорошо знает папу и позаботится о нём. Если не звонит, значит, всё в порядке. Не изводите себя так. На вас же лица нет.

— Спасибо, мой мальчик! — всхлипнула Мария Михайловна и обняла Анну, которой Матвей как раз помогал выбраться из катера. — Как ты, детка? Голодные ведь целый день! Пойдёмте-ка есть. Мы с Галиной Филипповной запеканку приготовили. И пирогов напекли.

Орнитологиня подтверждаяще закивала. Выглядела она не лучше Полоцкой, но жизнерадостно пробасила:

— Пирожки получились чистый восторг!

Анна, которая несколько минут назад думала только о том, как бы поскорее добраться до постели, испытала острый приступ голода, но попросила:

— Вы Матвея покормите, пожалуйста, Мария Михайловна, Галина Филипповна.

— Конечно, конечно! И Матвея, и тебя, Анечка. А потом в душик — и спать, спать.

— Да, обязательно, — блаженно улыбнулась Анна.

— Мы сейчас, Мария Михайловна, — пообещал Матвей, а сам придержал Анну за локоть. Дождавшись, пока остальные ушли чуть вперёд, он распорядился:

— Никому ничего не говорите о том, что отец упал не сам. И о завтрашнем приезде военной прокуратуры — тоже.

— Не говорить? — изумилась Анна шёпотом. — Завтра же и так узнают. Да и волновались все, ждали нас, пришли встречать. Мне кажется неправильным скрывать что-то от таких чудесных людей. Почему вы не хотите всё рассказать? Если вам сложно, то могу я...

— Потому что кто-то из этих чудесных людей чуть не убил моего отца, — веско ответил Матвей, сжал её локоть и, не реагируя на выражение ужаса, появившееся на лице Анны, повёл её в гору, к дому Полоцких.

Этого Анна не ожидала. С того момента, как Матвею позвонил его знакомый врач, она и сама думала о том, кто же хотел причинить маячнику зло, но решила, что на остров кто-то приплыл. Возможно, браконьеры или ещё кто-нибудь. Контрабандисты какие-нибудь. Всё же совсем рядом граница. Но о том, что в покушении на убийство виноваты те несколько человек, кто сейчас жил на Закате, она даже не подумала. Для неё это было слишком нереально, по-киношному или книжному, так, как никогда не случается в жизни. А Анна была очень трезвомыслящим человеком и в небывальщину не верила. С удовольствием

читала или смотрела, но не верила. И вот теперь сама оказалась в центре этой небывальщины. Да ещё такой пугающей. Осознавать это было сложно и больно.

Анна резко вытащила свою руку из крепкого захвата Хранителя и, обмирая от накотившего отчаянья, переспросила:

— Что? То есть вы полагаете?

— Да. Я полагаю, что на отца напал кто-то из этих людей.

Анна подумала секунду и с вызовом напомнила:

— Или я!

Она хотела, чтобы Хранитель Заката успокоил её, сказал, что уверен в её невинности. Но тот повернулся к ней, посмотрел внимательно и грустно и сухо кивнул:

— Или вы.

Глава 21. Шторм

После таких слов Анна вспыхнула и не сдержалась, напомнила:

— Или вы!

Матвей долго молчал, глядя на неё всё так же печально и задумчиво, потом горько усмехнулся:

— Или я.

Анна вздохнула и пошла к дому. Хранитель последовал за ней.

Ели они в полном молчании. Орнитологи помялись несколько минут и ушли. Полоцкие, глядя на мрачного Матвея, вопросы задавать не решились. Предполагая, что они компенсируют свою сдержанность тем, что позже устроят допрос с пристрастием ей, и не видя в себе сил удовлетворить их интерес, Анна сослалась на усталость и ушла к себе до того, как поднялся из-за стола сын маячника.

Через несколько минут она услышала, как хлопнула внизу дверь, и подскочила к окну, чтобы посмотреть, куда пойдёт Матвей. Тот направился к маяку. Ещё накануне, меньше суток назад, Анна по приглашению зрителя шла туда же и предвкушала, как будет любоваться закатом. А теперь маячник в госпитале и неизвестно, переживёт ли ночь, его сын подозревает всех и вся, а сама Анна перестала чувствовать себя на острове спокойно.

Глядя на тёмные тяжёлые облака, наползающие на небо откуда-то справа, с севера, Анна чувствовала, как сжимается от тревоги сердце.

Ничего, завтра утром приедет полиция и во всём разберётся. А она сама покинет Закат вечером...

Подумав об этом, Анна замерла. Как же она доберётся до Кронштадта? Кто её довезёт? Василий в госпитале, Матвею явно будет не до этого. Может, Владлен Архипович умеет управлять катером? Или её вообще не пустят? Она ведь теперь тоже подозреваемая. Можно ли взять подписку о невыезде с человека, который в гостях на режимном острове и у которого истекает разрешение о пребывании? Этого Анна не знала. Зато она знала, что почему-то не хочет уезжать с Заката. И если вчера это её не удивляло, ведь остров был прекрасен, а она ещё даже не осмотрела его целиком, то теперь, зная, что рядом ходит тот, кто хотел убить Василия, она хотя и нервничала, и не понимала саму себя, но всё же страстно желала остаться на Закате подольше и одновременно боялась этого.

Анна осмотрелась, встала, закрепила спинку стула под ручкой двери так, чтобы затруднить вход в комнату. Но уверенности в безопасности это не принесло. Ей было бы

гораздо спокойнее, если бы Хранитель Заката ночевал здесь, у Полоцких. Хотя она в сердцах и напомнила ему, что он тоже среди подозреваемых, но на самом деле так не думала. Она видела, как горевал Матвей, когда они нашли его тяжело раненного отца, как делал всё возможное, чтобы спасти его, и теперь доверяла сыну маячника больше остальных островитян. Думать о возможной вине прочих было невыносимо, и Анна постаралась прогнать от себя эти мысли. Завтра. Всё завтра...

Произнеся последние слова вслух, Анна вздрогнула. То же самое говорил Василий ровно сутки назад. Тогда она подумала, что он разговаривает с Камиллой. А вдруг нет? Кто к нему приходил, пока Анна была на маяке? И что хотел от зрителя?

Анна снова поднялась с кровати и в тревоге принялась ходить по комнате. Вдруг это был как раз убийца? Нужно будет рассказать об этом сотрудникам военной прокуратуры. При мысли об их скором приезде Анна немного успокоилась и опять легла. Ничего, утром здесь будут знающие, специально обученные люди. Они быстро во всём разберутся. И на Закате снова воцарятся мир и спокойствие. Обязательно...

Ночью разразилась гроза. Анна проснулась от сильного раската грома и подскочила в ужасе. Спала она плохо, ей снились кошмары, и громкий сухой удар, прогремевший, казалось, прямо над их домом, в её сне прозвучал пистолетным выстрелом и заставил вскрикнуть.

Анна рывком села на кровати и ещё долго унимала колотящееся сердце. Дождь сильно лупил по крыше, и в сполохах молний были хорошо видны его упругие струи. Анна всегда любила спать под звуки дождя. Но сейчас первой её мыслью было то, что по такой погоде полиция до них не доберётся.

За окном сильно шумело море. Анна подошла к окну и посмотрела на залив. Так и есть — штормит. Только этого ещё не хватало. На катере, наверное, и в море не выйдешь. Может, тогда на вертолёт? Анна взяла телефон и ввела запрос: «Какая погода считается нелётной для вертолётов». Через несколько минут она отложила телефон и в тревоге затихла, прислушиваясь к завываниям ветра. Считаются ли такие порывы штормовыми или ещё нет?

Ничего не решив, она ещё долго вертелась, снова вставала, стараясь звуком шагов не разбудить хозяев, подходила к окну, со страхом глядя на беспокойное море и усиливающийся, как ей казалось, шторм. Губы сами шептали молитву, просили, чтобы выжил зритель, а его сын не пережил ещё большего горя. Не сейчас, Господи! Позже! Как можно позже!

Легла Анна уже под утро, когда дождь утих. Последней мыслью, которая посетила её перед тем, как она провалилась в сон, была всё та же, что вертелась в голове с вечера: как жаль, что Хранитель Заката сейчас не в доме Полоцких, а там, на маяке, совсем один.

Утро было серое, мрачное. Внизу тихо переговаривались хозяева, шумел залив. Анна распахнула окно и поёжилась: от вчерашнего тепла не осталось и следа. Холодный ветер тут же схватил лёгкий тюль и попытался сдёрнуть его с карниза. Анна с усилием отняла добычу наглеца и хлопнула створки. Этот звук услышала Мария Михайловна и крикнула:

— Анечка! Доброе утро! Иди завтракать!

Когда хозяева и она сели за стол, в дверь постучали и вошёл внешне спокойный, но по-прежнему сдержанно-мрачный Хранитель.

— Матвей, как папа? — тут же подскочила Мария Михайловна.

— Жив. Стабилен.

— Ну слава Богу! — обрадовалась хозяйка, а Анна почувствовала страшное облегчение.

Жив. Жив! И, может, всё ещё обойдётся. Она поймала взгляд Хранителя и улыбнулась подбадривающе. Матвей кивнул, но на улыбку не ответил, зато попросил:

— Анна, я могу поговорить с вами?

— Да, конечно. — Анна отложила вилку и встала.

— Матвей, Анечка ещё не доела. Пусть позавтракает. И ты садись. Голодный ведь.

— Спасибо, Мария Михайловна. Я перекусил уже. Анна, вы ешьте, я на улице подожду.

— Нет-нет, я уже закончила, спасибо! — Анна накинула лёгкую парку и вышла на крыльцо. Хранитель последовал за ней.

— Давайте пройдемся.

Анна поняла, что так он хочет обезопасить их беседу от лишних ушей, и кивнула:

— Давайте.

Они спустились к воде и пошли в сторону северного пляжа, где познакомились накануне. Ветер рвал тучи и волны, будто за что-то сердился. Обнаружив в своих владениях новые объекты для вымещения злости, он тут же принялся за них. Анна зябко закуталась в парку, а на голову натянула капюшон и даже утягивающие шнуры затянула, не думая о том, как выглядит. Хранитель же, казалось, не замечал холода, сменившего мягкую теплынь последних дней.

Когда они достаточно далеко отошли от домов и причала, Матвей на ходу бросил:

— Сотрудники прокуратуры пока не смогут добраться до Заката. Нужно, чтобы ветер и шторм утихли.

Анна кивнула: она так и думала.

— И что же нам делать?

Хранитель какое-то время молчал, сосредоточенно глядя в тёмную безрадостную даль, потом повернулся к Анне и ответил:

— Ждать. И искать самим.

— Вы же меня тоже подозреваете, — напомнила Анна.

— А вы — меня, — невесело усмехнулся Хранитель. — Ситуация — хуже не придумаешь. И да, вас я тоже подозреваю. Но меньше остальных.

— Почему? — изумлению Анны не было предела. Она уже смирилась с ролью подозреваемой и была готова к вопросам и тому, что на неё будут смотреть, как на преступницу.

Хранитель внимательно, печально посмотрел на Анну и хотел уже ответить, но тут с горки, от дома Полоцких раздался крик:

— Матвей! Матвей! Гляди!

Оба они, и Анна, и Хранитель оглянулись, потом посмотрели в указанном направлении и замерли.

Глава 22. Спасение

Первым, буквально через секунду, пришёл в себя Хранитель, он отшвырнул в сторону небольшой плоский камень, который перед этим поднял с мокрого песка, рывком сдёрнул штормовку, сунул её в руки Анне, бросил:

— Осторожно, там телефон! — и побежал.

Анна — сама не зная для чего — кинулась за ним. Можно подумать, она чем-то могла

помочь. Но и оставаться в стороне было выше её сил. Она летела по мокрому песку, потом по камням, забыв о себе и рискуя переломать ноги, и думала только о том, что им никак нельзя опоздать.

Далеко впереди, за причалом, ближе к маяку волны швыряли из стороны в сторону какого-то человека. Он ещё боролся с ними, но было заметно, что силы его слабеют. Анна понимала, что они могут не успеть, но всё же надеялась и изо всех сил старалась бежать как можно быстрее.

Хранитель далеко обогнал её и, когда она ещё только достигла причала, был уже почти у маяка. Анна видела как он, не сбавляя скорости, бросился в воду, как бежал, погружаясь всё глубже, туда, к человеку, которого волны швыряли из стороны в сторону, словно играли с ним, как дети с тряпичным мячом, и наконец поплыл. Она видела это, и ей было страшно. Так страшно, что ноги подкашивались и отказывались двигаться. Но она всё равно бежала, будто могла этим помочь Хранителю.

Тот уже добрался до человека. В этот момент особенно большая волна скрыла его от Анны, и ей стало страшно, как будто, видя Хранителя, она помогала ему, а теперь он остался совсем без помощи, один на один со стихией. К счастью, очередной вал высоко взметнул две головы, и Анна выдохнула с облегчением. Стало понятно, что Матвей перевернул тонущего на спину, схватил за шиворот и тащит его к берегу.

Анна остановилась, преодолевая желание упасть на мокрый песок и дышать, дышать, дышать: лёгкие горели огнём. Вместо этого она недолго похватав ртом холодный воздух, снова побежала туда, где Хранитель уже — Анна не верила своим глазам! — нащупал ногами дно и, борясь с волнами, оступаясь и даже падая, упорно шёл к берегу, теперь закинув спасённого на спину. Ноги того безвольно цеплялись за воду. Вот стремительный вал ударил по ним сзади, и Матвей зашатался и едва не рухнул на колени, но всё же удержался.

Не в силах видеть это, Анна бросилась к нему навстречу, что бы хоть чем-то помочь. Первая же волна с силой накинулась на неё, сразу же проникнув под одежду, и мазнула пенистой лапой по лицу. Анна ахнула от неожиданности, а Хранитель увидел это и крикнул резко и даже зло:

— Куда?! Назад!

Анна упрямо сделала ещё несколько шагов вперёд, схватила его за куртку и потянула к берегу, успев заметить только, что Матвей тащит на себе Камиллу, и даже не удивившись этому. Идти было тяжело, песок разъезжался под ногами, волны сначала толкали в спину, швыряя вперёд, а потом хватали и волокли назад, в море. Но они с Хранителем всё же шли. И Анна чувствовала, что помогает ему, что так сыну смотрителя и правда чуть легче, может быть, совсем немного, но легче. И пусть он никогда не признается в этом, но она-то будет знать, что однажды они вместе тащили из бушующего моря человека.

— Спасибо! — хрипло выдохнул Хранитель, когда они выбрались, наконец. И Анна не поверила своим ушам. Ни один из её знакомых мужчин в такой ситуации и не подумал бы благодарить. Наоборот, сердился бы и ругал последними словами. А этот вот какой... И она ответила, смеясь, сквозь слёзы:

— Вы бы и без меня справились.

Камиллу Хранитель отнёс подальше от моря и прислонил к высокому валуну. Она откинулась на него и тяжело дышала, было видно, что ей больно. От причала к ним уже бежали люди. Впереди Денис, за ним, не поспевая, все остальные.

Хранитель глянул на них и быстро спросил у Анны, с трудом произнося слова и указывая глазами на спасённую:

— Кто это?

— Это Камилла, орнитолог. — Запал у Анны уже прошёл и теперь ей было нестерпимо холодно.

— Камилла... — Матвей слегка встряхнул девушку. — Как вы оказались в воде?

Орнитологиня разлепила веки и жалобно объяснила:

— Я... я пошла на причал. А там мокро, скользко. Волна ударила, ну и...

Анна подумала, что Камилла рисковала собой ради красивых кадров и покачала головой. Потом она посмотрела на неблизкий причал и с сомнением сказала Хранителю, который оперся руками на валун и тяжело дышал, то и дело с трудом сглатывая и отфыркиваясь от сбегаящей с волос воды:

— От причала до маяка довольно далеко.

Камилла снова приоткрыла глаза и объяснила, прерываясь и всхлипывая:

— Там, у причала, одни камни... Меня бы об них разбило. Вот я и решила плыть... сюда. Я хорошо плаваю... Я видела вчера, что здесь песок... И поняла, что это мой шанс... Единственный...

Тут она зарыдала уже в голос, и Анне стало стыдно. Пристала к девочке, нашла время и место.

Подбежал Денис и тут же кинулся к Камилле:

— Ками! Ты жива! Ками!

Девушка заплакала ещё горше, с подвываниями, а Денис, не обращая внимания на то, что с неё потоками текла вода, прижал её к себе. Анна отвернулась, чтобы не мешать.

Совсем близко уже были и Полоцкие и старшие орнитологи. Владлен Архипович тащил какую-то кипу тряпья. Добравшись до них, он сбросил её на большой плоский камень. При ближайшем рассмотрении кипа оказалась состоящей из пледов и полотенец, в которые подоспевшие женщины тут же принялись заворачивать Камиллу, Матвея и Анну. Она промокла меньше всех, но и у неё уже зуб на зуб не попадал. Каково же девушке и Хранителю.

— Ребятки, надо скорее в тепло, под горячий душ! — причитала Мария Михайловна.

— Давайте к отцу! Сюда ближе! — скомандовал Хранитель, крепко взял Анну за руку и потащил вверх по каменистой тропинке. Денис помогал идти Камилле, сзади тянулись остальные. Анна слышала, как возбуждённо переговариваются женщины и ворчат мужчины.

В доме маячника Матвей запихнул их с Камиллой в ванную, велел не выходить, пока хорошенько не прогреются. Анна разделась до белья и помогла раздеться Камилле, которая с трудом двигалась. На коже девушки виднелись синяки и даже кровоподтёки. На вопросительный взгляд Анны она ответила:

— Меня несколько раз очень сильно ударило о столбы причала.

Анна закусила губу, представив, какой ужас пережила бедная девушка, и включила воду. Камилла, трясаясь, забралась в ванную, заткнула сливное отверстие пробкой и села, обхватив себя руками. Анна взяла лейку душа, настроила тёплую, но не слишком горячую воду и принялась осторожно поливать пострадавшую. Та морщилась, шипела от боли, когда вода попадала на раны, но терпела и даже благодарно улыбалась.

Постучали в дверь. Анна, заслонившись душевой шторкой, приоткрыла её. Хранитель, старательно глядя в сторону, протянул два больших полотенца и стопку мужской одежды.

— Спасибо! — весело прокричала из ванны заметно приободрившаяся Камилла, а когда закрылась дверь, восхищённо закатила глаза:

— Офигенный мужик! Жаль, что староват для меня! А то я непременно охотула бы его. Только представьте, как падали бы все вокруг, узнавая историю нашего знакомства! Он спас её из пучины вод и влюбился без памяти! — нараспев продекламовала она и вздохнула: — Да, жаль, что староват. А вот для вас в самый раз. Я бы на вашем месте не терялась. Конечно, вас он не спасал, но не всем так везёт...

Анна, которой Хранитель совсем не казался староватым, не выдержала и рассмеялась:

— Какой вы ещё ребёнок, Камилла! Вам ещё взрослеть и взрослеть.

— Мне? — удивилась девушка, а потом вдруг кивнула. Тут же лицо её дрогнуло и некрасиво сморщилось, губы задрожали, на глазах показались слёзы: — И правда! Вся жизнь впереди! А ведь я могла сегодня погибнуть! Совсем!

— Запросто, — с сочувствием кивнула Анна, заворачивая орнитологиню в большое полотенце и помогая ей выбраться из ванны. — Сегодня у вас просто второй день рождения.

— Да! А вы мои крёстные родители. Вы и этот мужчина... — Камилла уже снова повеселела. — Как, кстати, его зовут?

— Хранитель, — в задумчивости ответила Анна, но тут же поправилась: — Матвей. Его зовут Матвей.

Камилла посмотрела на неё долгим и неожиданно пронизательным взглядом и сказала:

— Я буду за него молиться. И за вас тоже. Вы ведь и вправду меня спасли.

Анна улыбнулась и протянула девушке клетчатую фланелевую рубашку и джинсы, которые принёс сын смотрителя. Камилла тут же растеряла всю серьёзность и тоном капризного ребёнка протянула:

— И что? Я должна надеть вот это-о?

— Да, — безжалостно подтвердила Анна.

— Треш какой-то! — возмутилась Камилла, но всё же принялась одеваться. Анна терпеливо ждала. В ванной было тепло, и она уже почти согрелась, но всё равно хотела принять душ.

— Я не утонула в море, зато сейчас утону в этой одежде, — ворчала орнитологиня. Джинсы и правда были ей велики.

— Вы попросите у хозяина верёвку, — посоветовала Анна.

— В свете последних событий звучит как-то угрожающе, — мрачно заметила Камилла.

— Что вы имеете в виду?

Камилла замерла, пару раз моргнула, как будто не зная, сказать что-то или нет, но всё же ответила:

— А то, что я не сама упала с причала. Меня кто-то толкнул.

— Кто?!

— Если бы я знала...

Глава 23. Беседы и встречи

Когда дверь за Камиллой закрылась, Анна встала под душ, включила горячую воду и замерла. Ей снова стало страшно, как накануне вечером. Неужели Камиллу и правда кто-то толкнул? Или это глупая шутка молоденькой девочки, которая, как успела заметить Анна, любит привлекать к себе внимание и эпатировать окружающих?

Так ничего и не надумав, но зато окончательно согрешившись, Анна встала на жёсткий

коврик, вытерлась и принялась одеваться. Вторая пара джинсов и ей была велика в бёдрах, хотя и не так сильно, как тоненькой Камилле, зато значительно сильнее пришлось подворачивать штанины: в отличие от орнитологини Анна не могла похвастать модельным ростом и длинными, если не от ушей, то от подмышек точно, ногами.

Вещи пахли свежестью и едва уловимо человеком. Судя по размеру, они принадлежали не невысокому маячнику, а его сыну, который перерос отца чуть ли не на две головы. Анна втянула незнакомый запах и замерла: он ей показался очень приятным, настолько приятным, что она закрыла глаза и уткнулась носом в рубашку. Да, точно, так мог пахнуть только Хранитель. Немногословный, смелый, решительный, способный кинуться в штормовое море, чтобы спасти тонущего человека, которого даже не знает. И нежный сын, на руках перетаскивающий тяжело раненного отца из лодки на катер... Подумав об этом, Анна тут же вспомнила лицо Хранителя в тот момент и закусил губу: его боль почему-то тут же отзывалась в её душе. Нет, он совершенно точно не мог навредить отцу. Потому что в страдании сына не было ничего показного, нарочитого. Наоборот, он явно старался казаться спокойным, не показывать своего горя. Но эти глаза, эти побледневшие губы и окаменевшее лицо...

Анна оделась и решительно вышла из ванной. Она должна поговорить с Матвеем и рассказать ему о словах Камиллы и том разговоре, который слышала накануне исчезновения Василия.

За столом в большой комнате сидела только Галина Филипповна.

— А где все остальные? — удивилась Анна.

— Камилла ушла переодеваться, Денис с ней. Полоцкие с сыном Василия отправились на маяк, они же здесь не отдыхают — работают, а Анатолий Михайлович решил с ними пойти, он ещё на маяке не был.

— А вы? Уже побывали там? — спросила Анна, стараясь говорить как можно беспечнее. Подозревать всех и вся было неприятно, но даже милая, уютная Галина Филипповна не внушала ей доверия. А вдруг это она тем вечером беседовала с Василием?

— А я в своей жизни чего только ни видела, — усмехнулась женщина. — Да и возраст у меня уже далеко не романтический. Это вы, молодёжь, всё в эмпиреях витаете. А я уж старовата для охов и ахов. Было время и меня это влекло. Каких только ошибок не делает молодость... — Тут она улыбнулась обезоруживающе и стала наливать в большую чашку какой-то пахучий напиток. — Давайте, Анечка, садитесь чай пить. Хозяин велел вас непременно напоить каким-то особенным чаем, с травами, чтобы вы не заболели.

Анна предпочла бы, чтобы особенным чаем её поил именно сам хозяин, но пришлось довольствоваться обществом немолодой орнитологини. Решив использовать эту возможность, чтобы побольше узнать об орнитолагах, Анна не торопясь прихлёбывала оказавшийся вполне вкусным отвар и мягко, ненавязчиво задавала вопросы. Через полчаса она знала о гостях острова уже так много, что теперь ощущала острую необходимость подумать. Поэтому, поблагодарив Галину Филипповну, она помыла за собой посуду и собралась уходить.

— Вы со мной?

— Да, конечно, Анечка. — Орнитологиня тоже поднялась. — Вот, хозяин велел вам дать эту куртку, чтобы вы не замёрзли, пока дойдёте, и эти кроссовки. Сказал, потом заберёт.

Анне тут же стало жарко. Заберёт — значит, они снова увидятся. Удивительно, но ей

хотелось видеть Хранителя как можно чаще, чем-то он привлекал её, заставляя думать о себе и вспыхивать, как девочка-подросток, только при упоминании возможной скорой встрече. Она поспешно отвернулась, делая вид, что ищет свою одежду.

Догадливая орнитологиня тут же сообщила:

— Мы всю одежду на улице развесили, под навесом, чтобы дождь не намочил, если снова польёт. Вода стечёт, и можно будет забирать, досушивать.

Анна поблагодарила и толкнула дверь. Вместе с Галиной Филипповной они вышли во двор, где было по-прежнему было холодно и мрачно, и пошли в сторону домов орнитологов и Полоцких. На половине пути её спутница остановилась:

— Ой, Анечка! Я ж забыла совсем, что обещала Анатолию Михайловичу дожидаться его! Вот голова садовая! Ты иди, а я вернусь.

Анна пожала плечами и пошла быстрее. Ей хотелось поскорее очутиться в тепле своей комнаты и хорошенько обдумать всё происходящее. Да и сестре нужно было позвонить. А на улице в такой ветер толком и не услышишь собеседника.

Она уже поднималась по ступеням крыльца, когда из дверей вышел орнитолог.

— Анатолий Михайлович! А Галина Филипповна вас на маяк пошла искать!

— Да? — рассеянно удивился тот. — Надо же! Пойду и я за ней.

Мужчина посторонился, пропуская Анну, быстро сбежал по ступеням и отправился прочь. В этот день он почему-то не казался ей ни слишком грузными, ни вялым, как при первой встрече. Крепкий ещё мужчина, ну, может, немного полноват, но ходит упруго, быстро, легко, словно помолодел за эти два дня на Закате.

Думая об этом, Анна распахнула дверь и без стука вошла в дом. Не стучать её ещё в первый день попросила Мария Михайловна.

— Зачем, Анечка? — удивилась она тогда. — Нам скрывать нечего. Да ты и не в комнаты нашиходишь, а в общую часть дома.

На звук открывающейся двери хозяйка, стоявшая у плиты, быстро, по-молодому оглянулась. Лицо её было взволнованно. Увидев гостью, она почти сразу же расцвела приветливой улыбкой. Но Анна всё же успела заметить секундное замешательство на лице Марии Михайловны и удивилась. Кого ожидала увидеть женщина? Неужели только что ушедшего орнитолога? Или мужа? И снова царапнула сердце мысль о том, что она теперь тоже, как и Хранитель, не доверяет никому из островитян.

Мария Михайловна снова отвернулась к плите и спросила, как показалось Анне, нарочито громко:

— Что, Анечка? Согрелась? Вот ведь дела у нас какие. Счастье, что Матвей рядом был. Всегда-то он вовремя. Всегда кстати. Что бы мы без него делали?

Анна секунду подумала и всё же решилась спросить:

— Мария Михайловна! А почему вы в первый мой день здесь сказали, что Матвей... — Она запнулась и зачем-то добавила: — ... Матвей Васильевич стал бы настоящим хранителем Заката? А вчера назвали его ангелом-хранителем?

— Если хочешь, расскажу, — улыбнулась хозяйка, которую, казалось, позабавило то, как Анна назвала сына зрителя.

— Очень хочу! — попросила Анна и снова, уже второй раз за последние полчаса почувствовала, как быстрее забилося её сердце при упоминании о Хранителе.

Глава 24. Матвей

— Сейчас, только бульон выключу и расскажу, — пообещала хозяйка. Теперь она выглядела гораздо спокойнее, чем несколько минут назад, и Анна снова задумалась над тем, что так разволновало женщину. Вряд ли утреннее происшествие. С Камиллой всё в порядке. С Матвеем — тоже. Да и времени прошло достаточно для того, чтобы успокоиться. Неужели визит немолодого орнитолога? И почему Галина Филипповна сказала, что она договаривалась о встрече с Анатолием Михайловичем, и отправилась в сторону маяка, а Анна застала его выходящим из дома Полоцких?

Голова от невесёлых мыслей была тяжёлая, и Анна даже обрадовалась, когда Мария Михайловна села за стол напротив. Может, она узнает что-то новое. Но даже если и нет, слушать рассказ о Хранителе ей совершенно точно будет интересно.

— Так что ты хотела узнать?

— Почему вы Матвея Васильевича называете ангелом-хранителем? — повторила Анна. Хозяйка неожиданно фыркнула:

— Что это ты его по имени-отчеству? Или?... — Она вдруг серьёзно, испытующе посмотрела на Анну и покачала головой: — Не может быть. Хотя почему же не может? Очень даже вероятно... Да и понятно. Такой парень. Он тебе, детка, понравился, и ты так пытаешься отгородиться от этого. Вроде как по имени отчеству не называют того, к кому не ровно дышат. Вроде — это дистанцию создаёт... — Мария Михайловна не спрашивала, а скорее рассуждала.

Анна, стараясь сделать как можно более невинный взгляд, неискренне возразила:

— Да ну что вы! Нет, конечно!

— Ах ты, девочка, девочка, — невесело вздохнула хозяйка. — Ты можешь, конечно, попробовать. Но это никакая не преграда. Я, например, по имени-отчеству называла человека, сильнее которого никого в этой жизни не любила.

— Владлена Архиповича? — постаралась увести разговор в сторону от опасной темы Анна и поняла, что не попала. Мария Михайловна сразу же напомнила ей её самую минутой ранее. Тот же безоблачный взгляд и такой же неестественный тон:

— Ну, не будем о нас, стариках. Обещала тебе про нашего Матвея рассказать — и расскажу. Но сначала немного о маяках. Чтобы тебе всё понятно было. Их у нас немало. И немудрено, маяк моряку — что тропа ходуку. Матвей рассказывал, что на западе маяки чаще уже работают без людей, автономно. Да и у нас тоже такие появляются. Но я тебе скажу, что это неправильно. Не должно так быть. Маяки — они живые. Раньше я этого не понимала, а после Василий с Матвеем мне объяснили. Вернее, даже не они сами, а то, как и чем они живут... — Она задумалась ненадолго, а потом рассеянно спросила у Анны:

— Так о чём я?

— О том, что на маяках обязательно должны работать люди...

— Ах, да! Именно так, Анечка. А наш-то маяк и вовсе хотели закрыть. Уже когда мы с Владленом Архиповичем здесь жили. Говорили, и без нашего много маяков: и на Гогланде, и на Сескаре, и на Большом Тютерсе. Плюс и на Родшере, и на мысе Стирсудден, и ещё есть, я все и не упомяну. Но Матвей сказал, что не допустит, чтобы наш, закатный маяк разделил судьбу Нижнего Николаевского. И добился своего, доказал, что воды залива гораздо опаснее станут без нашего маяка. Он ведь мне рассказывал, что здесь на дне больше двух с половиной тысяч судов лежат. И не каких-нибудь лодок, а немаленьких кораблей.

— Надо же, какой молодец! — сдержанно, чтобы хозяйка ничего такого не подумала, похвалила Хранителя Анна. — Не дал уничтожить дело жизни отца.

— Да отец-то ни при чём! — мотнула головой Мария Михайловна. — То есть, конечно, для него Закат — вся жизнь. Но Матвей не только ради Василия старался. Просто он человек такой, для него безопасность кораблей — не пустой звук. Любит он своё дело.

— Какое дело? — не поняла Анна. — Он же не смотритель.

— Он не смотритель, — хмыкнула хозяйка. — Он главное, намного. Матвей — гидрограф.

— Гидрограф? — изумлению Анны не было предела. На учёного Матвей походил не слишком. Даже ещё меньше, чем легкомысленный орнитолог Денис.

Мария Михайловна её удивление поняла по-своему и пояснила:

— Ну да, офицер гидрографической службы.

— Офицер? — Анна понимала, что выглядит глупо, но не смогла удержать очередное восклицание.

Хозяйка улыбнулась:

— Есть такое Управление навигации и океанографии Министерства обороны. Их главное здание в Питере на Васильевском острове находится. Так вот он там не последний человек. Иначе бы он сюда так легко не мог попасть. Да и по заливу запросто не перемещался. Ведь если для плавания на маломерных судах восточнее Сескара пограничную службу достаточно только уведомить, то западнее — необходимо разрешение получить. Вот так-то.

— Вот оно что. — Анна старательно пыталась уложить в голове новую для неё информацию. — То есть он морской офицер.

— Именно.

— И поэтому смог отстоять Закат?

— Да. Он прекрасный специалист. К нему прислушиваются. Маяк не закрыли и даже выделили средства для модернизации нашей службы. У нас ведь такое старое всё было — ужас. Василий, конечно, не давал совсем уж развалиться, я ж тебе рассказывала. Но теперь-то гораздо лучше стало. А всё Матвей. Вот потому-то я его ангелом-хранителем и называю. А кто же он, как не хранитель.

— Хранитель Заката, — тихо отозвалась Анна.

— Он и есть. — Мария Михайловна снова проницательно посмотрела на свою гостью и покачала головой: — Детка-детка. Как же тебя так угодило?

— Вы не волнуйтесь, Мария Михайловна. Всё в порядке. Никто ни в кого не влюблялся.

— Я вижу. — Женщина покачала головой. — Матвей, конечно, не женат. Но служба у него такая, что не каждая с ним уживётся. Не каждой под силу. Вон, и жена нашего Василия не смогла здесь жить. Хотя старалась.

— Они развелись?

— Да нет, не развелись. Разошлись. Живёт она в Питере. Иногда приезжает. Да подолгу не остаётся, не может. Сложно ей здесь. А сын её да, частенько у нас бывает.

— Её?

— Сын-то? — Мария Михайловна снова, уже в который раз за этот разговор, вздохнула. — Да, её. Василий Матвею не отец — отчим. Но вырастил его именно Василий. А с родным отцом они не знают. Хотя тот усыновить Матвея не позволил. Василий, говорят, даже ездил к нему, просил. Но тот упёрся — и ни в какую. Думаю, из вредности, а не от любви к ребёнку. Так что, кстати, Матвей не Васильевич. Он, когда вырос, хотел фамилию сменить и отчество. Но мать отговорила. Подробностей я не знаю. Что уж она ему

сказала, какие аргументы привела, но Матвей не пошёл против.

— Это вам Василий рассказал?

— Нет. Сам Матвей. Сказал, что если бы у Василия детей, кроме него, не было, он бы настоял на своём. А так нет, не стал. Хотя и переживал. Но ведь мать просила, не чужой человек. Матвей хороший сын. Причём обоим своим родителям. Отец-то не тот, чью фамилию носишь. Совсем не тот. А Матвей Василия по-настоящему любит.

Анна вспомнила лицо Хранителя, когда он на руках переносил маячника из лодки в катер, и кивнула.

На ступенях раздался топот, в дверь коротко, нервно стукнули и внутрь сунулась Камилла:

— О! Я так и знала, что вы здесь! Представляете, там лодку почти прибило к берегу! Владлен Архипович говорит, что ту самую.

Глава 25. Спор

Когда Анна с Марией Михайловной прибежали к пристани, все остальные были уже там и вглядывались в серую даль. Ветер по-прежнему чуть ли не валил с ног, и Камилла цеплялась за Дениса, а Анатолий Михайлович заботливо поддерживал Галину Филипповну и тут же протянул свободную руку Анне и Марии Михайловне. Анне хотелось, чтобы о ней позаботился совсем другой человек, но она благодарно улыбнулась орнитологу и оперлась о его предплечье. Не отказалась от его помощи и Полоцкая. Так они впятером и стояли внешне сплочённой группкой. Но Анна подумала о том, что кто-то из этих людей, возможно, хотел убить Василия, и с трудом удержалась от того, чтобы не отойти подальше. Вместо этого она посмотрела на Хранителя и Полоцкого.

Они поговорили о чём-то на самом краю причала, там, куда остальным подходить запретили, как предупредила Анну Камилла, а теперь шли по мокрым доскам к берегу.

— А то ещё кого-нибудь смоем, как меня сегодня! — громко пояснила она. Анна в упор посмотрела на неё, но молодая орнитологиня сделала вид, что не заметила этого взгляда, и снова отвернулась к морю.

Лодку, и правда, было видно. Волны бросали её из стороны в сторону, и утягивали левее, к северной части Заката.

— Она ещё далеко. И не факт, что прибьёт, — скептически заметил Денис. — И что ты панику устроила, Каминчик?

— Я не Каминчик! — огрызнулась Камилла и, надувшись, отцепилась от Дениса и повернулась к Анне: — И ничего я не устраивала. Я увидела, как Матвей быстро к пристани идёт. Потом к нему Владлен Архипович присоединился. Ну, я и поинтересовалась. Они сказали, что лодка приплыла и чуть не бегом спускаться сюда начали. А я решила, что это что-то важное, вот я вас и позвала.

— А-а! Так это ты так поинтересовалась? — насмешливо протянул Денис и тоже Анне объяснил: — Она чуть меня не затоптала, когда в окно этого Матвея увидела. Так рванула, что я решил было, что она в своего спасителя влюбилась. А, Ками, разве не так?

— Не так! — разозлилась Камилла и хотела было добавить ещё что-то, но тут Галина Филипповна прикрикнула на младших коллег:

— Тихо вы! Что разошлись?! Видите, спорят мужчины о чём-то. А из-за вас ничего не слышно.

— Да мы-то замолчим, а вот ветер — вряд ли, — не слишком вежливо заметил Денис, а Камилла сказала:

— Видишь? Не только мне интересно, что здесь происходит. — Тут она повернулась к Марии Михайловне и поинтересовалась: — А Василий ваш с бодуна, что ли, упал?

Полоцкая онемела от такого предположения, а Галина Филипповна тихо рыкнула:

— Ками, ты в своём уме?!

— А что? По лицу его не понять было, алкаш или просто загорелый такой. Да и как можно так неудачно упасть, будучи трезвым?

Анна молчала, помня, что Матвей запретил рассказывать о том, что зритель упал не сам, но с трудом сдерживаясь, чтобы не заступиться за Василия, а Мария Михайловна сухо поинтересовалась:

— А вы?

— Что я? — не поняла Камилла.

— А вы — алкоголичка?

— Что-о?! — задыхнулась от возмущения молодая орнитологиня и посмотрела в поисках поддержки на коллег. Галина Филипповна фыркнула, а Денис захохотал в голос:

— Что, Кэмел, съела?! Мария Михайловна права. Ты ведь с причала тоже упала неловко. Не иначе как подшофе была!

— Не называй меня верблюдом! — рывкнула на него Камилла и, развернувшись на пятках, сердито зашагала по тропке вверх, к дому орнитологов.

Анна, подавив улыбку, отвернулась и заметила, что молчавший до этого Анатолий Михайлович с нескрываемым восхищением смотрит на Полоцкую. Анна и сама пришла в восторг от её неожиданно остроумной и молниеносной реакции. Вот тебе и мирная островитянка. Как уела капризницу Камиллу. Но восторг немолодого орнитолога был несколько иного свойства, такого, что Анна даже в тревоге огляделась: не видит ли Владлен Архипович.

Тот был уже довольно близко к ним, но смотрел только на Хранителя, который подошёл к своему маленькому катеру и в задумчивости поглядывал то на него, то на лодку, по-прежнему пляшущую на волнах далеко от берега. Полоцкий что-то жарко доказывал Матвею, размахивая руками. Хранитель слушал его и ничего не отвечал.

— Что это они надумали?! — вдруг всполошилась Мария Михайловна. — А?! Что это они решили?

Она сердито нахмурилась и решительно направилась к причалу.

— Как молодая! — восхищённо пробормотал Анатолий Михайлович ей вслед, а Анна отчего-то разволновалась и, поколебавшись, двинулась за ней.

Полоцкая была уже рядом с мужчинами и громко спорила, но о чём, Анна смогла разобрать только когда подошла совсем близко.

— Даже и не думайте! — почти кричала Мария Михайловна, и в ней сложно было узнать обычно спокойно-доброжелательную женщину. — Матвей! Я тебе не позволю! Ты что?! Ты с ума сошёл? Да шут с ней, с этой лодкой! Подумай об отце и матери! Что с ними будет?! Не многовато ли, второй раз за день собой рисковать? Ладно там речь о жизни человека шла. Но сейчас! Из-за какой-то посудыны...

— Маша! — сердито попытался осечь её Полоцкий. — Что ты разошлась-то? Матвей не мальчик. Он лучше нас знает что к чему. Он море чувствует. Если решил, пусть попробует.

— Да-а?! — нехорошо прищурилась его жена. — А ты не хочешь попробовать?! — И

она, сверкая глазами уставилась на Владлена Архиповича. — Что?! Не хочешь? Жить не надоело?! А ему — тем более. У него ещё всё впереди. — Тут Полоцкая быстро глянула на Анну, а та смутилась, поняв, о чём подумала женщина. Полоцкая же сердито припечатала: — А ты его угробить хочешь!

— Я-а? — Полоцкий растерял весь свой пыл. — С ума сошла, что ли? Я просто с государственном имуществе переживаю. И вообще! Не женское это дело — лезть в серьёзные дела.

— А я сейчас не женщина. Я член коллектива, такой же маячнослужащий, как и ты. И я не позволю нарушать технику безопасности. А если вы всё же решитесь, доложу руководству. Пусть решают вопрос о неполном служебном соответствии...

Анна, которая во время спора стояла рядом, посмотрела на Хранителя, ожидая увидеть на его лице раздражение, и с удивлением поняла, что глаза его смеются. Он поднял руки ладонями вперёд и миролюбиво сказал:

— Всё, всё, Мария Михайловна! Вы меня убедили. Лодку, конечно, хорошо бы вернуть на Закат. Но рисковать я не стану. Будем надеяться, что её сегодня-завтра прибьёт к берегу.

— Конечно, прибьёт! — обрадовалась Полоцкая. Она всмотрелась в волны и добавила: — Думаю, где-нибудь в районе Северного пляжа прибьёт.

— Хорошо бы там, — кивнул Хранитель, — там камней почти нет, не разобьёт. Главное, не прозевать, чтобы её с мели не сдёрнуло и обратно не утащило. Надо будет через пару часиков наведаться на Северный.

— Наведаемся! — всё так же радостно пообещала Мария Михайловна.

— Ну, это я на себя возьму. Вы не волнуйтесь. Прогуляюсь и посмотрю заодно.

— Только к обеду приходи непременно. А потом уж отправляйся на Северный. Через полчаса обед будет. Придёшь?

— Приду, — кивнул Хранитель. — Спасибо.

Он сошёл с причала и направился в сторону маяка.

— Пойдём, Анечка, — позвала Мария Михайловна. — Хватит мёрзнуть.

— Да, Анечка, пойдём, — поддержал её муж. Анне показалось, что он опасается оставаться один на один с разгневанной женой. Но она всё же покачала головой и ответила:

— Я сейчас. Мне нужно...

Анна не договорила, виновато развела руками и пошла за Хранителем. Ей и правда нужно было рассказать ему о словах Камиллы и не только. Были ещё мысли, которыми хотелось поделиться с единственным человеком, которому она доверяла на острове. А ещё просто нестерпимо хотелось побыть с ним рядом.

Глава 26. Ответ

Но догнать Хранителя не получилось. Анна быстро шагала за удаляющейся фигурой Матвея, когда её вдруг догнал Денис и схватил за рукав куртки.

— Подождите, не торопитесь! — потребовал он. — Мне нужно с вами поговорить.

— Говорите, — со вздохом кивнула Анна и сделала попытку свести навязанную беседу к разговору на ходу, потянув на себя рукав и всем видом показывая, что торопится. Из этого ничего не вышло: Денис крепко держал её и не сдвинулся с места. Анна вопросительно посмотрела на него.

— А что, нашему Василию кто-то помог упасть? — поинтересовался, нервно дёрнув уголком красивого рта, Денис.

Анна внутренне напряглась, но, стараясь говорить как можно спокойнее, изумлённо вскинула брови:

— С чего вы взяли?

— С того, что я не дурак.

— Очень рада за вас, — сухо ответила Анна и снова попыталась освободить рукав, за который её держал орнитолог. Из этого ничего не вышло. Правда, Денис отпустил куртку, но тут же взял Анну за кисть. Пальцы его были горячими. Анне стало неприятно: она уже несколько месяцев была одна и отвыкла от мужских прикосновений. Если она и хотела, чтобы её кто-то взял за руку, так точно не Денис.

— Анна, вы что, не понимаете, что на острове что-то происходит? — жарко заговорил орнитолог, увлекая её за не то сарай, не то гараж, сложенный из серого кирпича. Анна беспомощно оглянулась на близкий маяк, но Матвея уже не было видно. Мелькнула мысль, что сейчас она обрадовалась бы и Камилле. Как жаль, что девушка ушла, обидевшись на Дениса. Может, тот специально рассердил её, чтобы иметь возможность поговорить с Анной наедине?

Орнитолог тем временем укрыл их обоих от ветра за постройкой и начал приводить аргументы в защиту своего предположения:

— Я так понимаю, что зритель — человек или непьющий или почти не пьющий. А значит, по пьяной лавочке рухнуть с причала не мог. Это первое. Второе — погода, когда с ним стряслась беда, была хорошей, не то что сейчас. То есть случайно поскользнуться и упасть он опять же не мог. Третье — он зачем-то вызвал своего сына. Видимо, что-то тревожило его...

— Четвёртое: вам можно писать детективы, — покачала головой Анна. Ей было неприятно уводить разговор в сторону, но и нарушить запрет Хранителя она не решалась. Не тот он человек, чтобы отдавать необдуманные распоряжения. Раз запретил, значит, знал, что делает.

Она снова бросила взгляд на маяк, Денис заметил это и криво усмехнулся:

— Торопитесь к нему? Для того, чтобы обсудить ситуацию или не только для этого?

Анна гневно сверкнула глазами:

— Вас это в любом случае не касается.

— Почему же? Может быть, я в тебя влюбился с первого взгляда? — перешёл он на «ты», и Анна недовольно поморщилась, она не любила, когда малознакомые люди «тыкали» ей. Денис понял её по-своему и почти в лицо громко прошептал: — Что?! Ты в такое не веришь? — Он придвинулся ближе к Анне и ещё крепче сжал её кисть одной рукой, а второй обхватил за талию и притянул к себе. — А ты, похоже, с первого взгляда влюбилась в этого. — Денис мотнул головой в сторону маяка.

— Что вы себе позволяете?! — рассердилась Анна и с силой упёрлась ладонями в грудь Дениса. Ей почему-то не было страшно, зато хотелось поскорее прекратить неприятный разговор и вырваться из цепких рук.

— А ты не думаешь, что этот твой Матвей мог сам попытаться прихлопнуть своего отца?

— Что-о?

— А вот то-о, — передразнил Денис. — Может, Василий и не вызывал сына? Может, он просто рассказал, что на острове гости, а тот решил воспользоваться случаем, уколошить отца и свалить на кого-нибудь из нас?! Ты ошиблась и выбрала не ту команду, Анна. Лучше

тебе быть со мной. Ты ведь тоже чужая здесь. Тебя тоже можно подозревать.

— Он и подозревает! — выкрикнула Анна, забыв о том, что должна молчать, и, наконец, смогла вырваться и отступить на два шага назад. — А вы говорите ерунду. Матвей сам искал отца! И это он увидел лодку! Не увидел бы, и Василия ещё долго носило бы по заливу. Пока его нашли бы — он бы умер!

— А если Матвей засомневался, что скинул в лодку уже мёртвого Василия? И решил доплыть до лодки и проверить и в случае необходимости добить его? Или раненый смотритель смог убежать от убийцы, запрыгнул в лодку, оттолкнулся и так спасся? А сознание потерял уже потом?

Анна хотела парировать, но замерла, вспомнив скорчившуюся на дне лодки фигуру маячника. Может, орнитолог не так уж и не прав? Может, всё так и было? Но в любом случае виноват во всём не Хранитель. Он совершенно точно не мог. И Анна напонила Денису и себе:

— Матвей, когда отправился проверять лодку, взял с собой меня. Если бы вы были правы, он бы не стал этого делать. Зачем ему лишний свидетель? Или вы меня тоже подозреваете и считаете его соучастницей?

Денис открыл рот, помолчал пару секунд и закрыл его.

— Не считаю, — честно признался он. — И не знаю, зачем он потащил тебя с собой. Но я подумаю и наверняка что-нибудь придумаю. Вот увидишь. Должна быть какая-то причина.

Анна вздохнула и примиряюще произнесла:

— Причина в том, что он невиновен. — Тут же она вспомнила о своём обещании ничего никому не говорить, рассердилась на себя за несдержанность и попыталась исправить ситуацию: — Он невиновен. И никто невиновен. Произошёл несчастный случай. И всё.

Денис покачал головой:

— Ты же сама в это не веришь.

— Послушай, — ещё мягче сказала Анна, не заметив, что тоже обращается к орнитологу на «ты». — Я понимаю, ситуация малоприятная. Но давай не будем ничего выдумывать. — Она помолчала и с нажимом добавила: — Во всех смыслах ничего.

— Если ты о моём признании, то это не выдумка, — с горечью ответил Денис. — Ты хорошенько присмотришься. Может, загадочный островитянин окажется не так уж и хорош, а я при ближайшем рассмотрении — не так уж и плох? И будь осторожна, — совсем тихо добавил он. Анне тут же стало его жалко, и она пообещала:

— Буду.

— А меня? — с грустью спросил Денис.

— Что тебя? — не поняла Анна.

— А меня ты не попросишь быть осторожнее?

Анна невесело улыбнулась:

— Попрошу. Будь осторожнее. И никому ничего не болтай. Ради собственной безопасности.

— Значит, я всё же прав, и Василию помогли? — приподнял бровь Денис.

— Просто будь осторожнее, — ушла от ответа Анна.

— Я понял тебя, — хмыкнул орнитолог, а Анна вышла из-за сарая и направилась к маяку. Здесь, не под прикрытием старой, но крепкой стены, ветер пронизывал насквозь, и она чуть ли не бегом кинулась к маяку. Почему-то она была уверена, что Хранитель именно

там, а не в доме отца.

Рванув на себя старую дверь, она с облегчением нырнула внутрь маячной башни, огляделась и стала подниматься по лестнице. Матвея она увидела, когда до верхней площадки оставался один пролёт. Он стоял у окна и смотрел в бинокль на море.

— Ну что? — спросила Анна. — Лодку прибывает?

— Прибывает, — кивнул Хранитель, отводя руку с биноклем от лица. — Примерно через час будет у Северного пляжа. Права Мария Михайловна.

— Ну вот видите! — обрадовалась Анна и неожиданно для себя поинтересовалась: — Вы сказали, что мне доверяете чуть больше других. Из-за чего?

— Из-за того, что отец, когда мы разговаривали с ним в последний раз, сказал, что на остров приехали гости и среди них есть девушка с закатной душой. Из его уст — это высший комплимент. На моей памяти его удостаивались всего несколько человек. И среди них почти не было женщин. Точнее, было всего две: Мария Михайловна и теперь вот вы. И я очень хочу верить, что отец не ошибся в вас.

Анна понимала, что нельзя задавать этот вопрос, что Хранитель может не ответить на него или ответить совсем не то, на что она втайне надеется, что после этого их и без того странные и неопределённые отношения только усложнятся, но всё же не удержалась и дрогнувшим голосом спросила:

— Почему?

Хранитель положил бинокль на широченный подоконник, посмотрел на неё долгим взглядом, словно решаясь на какой-то непростой шаг, и, когда Анна уже потеряла надежду на ответ, всё же сказал:

— Потому что я хочу жениться на вас.

Глава 27. Ошибка

К такому Анна готова не была. К ровному доброжелательному равнодушию или — в лучшем случае — к лёгкому флирту — да. Но не к подобному заявлению через неполных двое суток знакомства. Нет, она, конечно, слышала, что такое изредка случается. В единичных случаях. Но чтобы произошло с ней? Поэтому Анна похватила воздух ртом, хлопала глазами и не нашла ничего лучше, чем выпалить:

— Не советую!

Хранитель снова помолчал и вдруг засмеялся, тряхнув головой:

— Самокритично.

Анна тоже улыбнулась, хотя больше всего ей хотелось наподдать самой себе за такую глупость. Невероятный, потрясающий мужчина, в которого она — прав, прав был Денис, и Мария Михайловна тоже права! — умудрилась влюбиться с первого взгляда, ну, может, не с первого, но определённо не позже, чем со второго, сказал ей такие удивительные слова, а она... она...

Закусив губу, Анна подняла глаза на Хранителя. Он стоял совсем близко и смотрел внимательно и, как ей показалось, с нежностью. Потом отвёл от её лица выбившуюся прядь и хмыкнул:

— У вас и правда закатная душа. Отец не ошибся.

— Вы это прямо сейчас поняли? — поддела Анна, с вызовом глядя на него и чувствуя, что говорит не то и не так, но не в силах остановиться и пытаюсь скрыть смущение за насмешливой интонацией.

— Нет. Не сейчас. — Хранитель не принял её тон и говорил негромко, задумчиво, без шуточных ноток в голосе. — Когда вы кинулись в штормовое море, чтобы помочь мне вытащить Камиллу. Когда сначала искали со мной отца, а потом ждали в госпитале. Когда бутерброды отдали собаке. И не потому что они испортились на жару, а потому что вам стало жалко животное. Когда за долгий сложный день ни разу не пожаловались на усталость, жару, долгое ожидание или голод. И ещё раньше, когда вы плавали и ложились на спину, чтобы посмотреть в небо и на пролетающих птиц...

Анна слушала, широко распахнув глаза. Последние слова заставили её вспыхнуть. Она то надеялась, что Хранитель пришёл на Северный пляж чуть позже и не видел, как она надевала мокрую рубашку. Анна быстро взглянула на Матвея. Тот смотрел на неё пристально и не отводил взгляд. И Анна вдруг испугалась той серьёзности и решительности, которую увидела в этих тёмно-серых, похожих на тучи, затянувшие небо над Закатом, глазах.

Она влюбилась, да. Но не была готова к такому быстрому развитию событий. Он хочет на ней жениться. Надо же! И даже не спросил, чего хочет она. Подумав об этом, Анна рассердилась на Хранителя за самонадеянность. И на себя за то, что чуть было не оступилась, не растаяла под этим взглядом и от этих слов. И это она, совсем недавно дорого заплатившая за доверчивость и надежду на счастье! Неужели жизнь её так ничему и не научила?

Вспомнив о Богдане и своей ошибке, Анна тут же пришла в себя. Морок развеялся. Чтобы обозначить дистанцию и снизить возникшее напряжение, она демонстративно отступила назад, скрестила, будто отгораживаясь от Хранителя, руки на груди и сказала негромко и почти спокойно:

— Камилла не сама упала с причала. Её толкнули.

Хранитель посмотрел на неё долгим, сразу потяжелевшим взглядом. Было ясно, что он всё понял и сделал выводы. Помолчав, Матвей с усмешкой спросил:

— Это она вам сказала?

Всё. Возникшая было близость окончательно сменилась холодной отчуждённостью и озабоченностью происходящим. Главное, не поддаваться острому чувству утраты. И Анна деловито кивнула:

— Да. Когда мы грелись после вынужденного купания.

— Кто её толкнул, она, разумеется, не знает.

— Совершенно верно.

— А предположения у неё есть?

— Если и есть, то мне она о них не сказала. Я думаю, вам следует самому поговорить с ней.

— Непременно. Вы хотели ещё что-то рассказать мне?

Сухой деловой тон, отстранённый взгляд. Нет, никакого раздражения в голосе, но и никакого намёка на симпатию. Анна почувствовала, как дрогнуло что-то внутри. Неужели она всё испортила? Могла ведь сказать, что он ей тоже нравится, но что она пережила непростое время и не хочет торопиться. Такое объяснение поймёт любой нормальный человек. Поймёт и не воспримет, как отказ. А вот её эскапады можно было воспринять только так. Хранитель почти признался ей в любви, а она разве что не отшатнулась в ужасе, отступила, закрылась и тему для разговора выбрала малоподходящую. И как теперь исправить то, что она сгоряча сделала? Анна тихо-тихо вздохнула и гораздо мягче ответила:

— Да. Есть кое-что, что меня смутило.

— Рассказывайте. — Хранитель взял с подоконника бинокль и снова посмотрел на море.

— А почему вы не сверху наблюдаете за лодкой? — поинтересовалась Анна, не зная, с чего начать.

Матвей усмехнулся:

— Там ветер с ног валит. Долго не простоишь. Рассказывайте.

— Мне кажется, Мария Михайловна и орнитолог Анатолий Михайлович были знакомы до Заката, — поделилась Анна тем, что мучило её последний час.

Хранитель отложил бинокль:

— Почему вы так думаете?

— Он глаз с неё не сводит, а ещё приходил к ней сегодня, после чего у Марии Михайловны было какое-то странное настроение.

— Странное?

— Да. Будто она смотрит куда-то вглубь себя. А ещё... — Анна с трудом подбирала слова, не зная, как выразить свои мимолётные впечатления. — Ещё она сказала, что когда-то очень любила человека, которого называла по имени-отчеству. И это она не о Владлене Архиповиче. А ещё!.. — Анна едва не вскрикнула от вспыхнувшей догадки. — А ещё сегодня, когда вы собирались плыть за лодкой, а она шла, чтобы отговорить вас, Анатолий Михайлович сказал ей вслед что-то вроде «как молодая!». Это он так сказал, потому что видел её молодой!

— И что? — спросил Хранитель, и Анна осеклась.

— Как что? Они знакомы!

— И что? — повторил Хранитель. — Это ничего нам не даёт. Предположим, они были знакомы и даже любили друг друга или кто-то один любил, а второй — нет. Предположим, что они встретились здесь случайно и узнали друг друга. Но это совершенно никак не объясняет, кто и за что хотел убить моего отца. Я понимаю, если бы Анатолий Михайлович ополчился против Владлена Архиповича, который, к примеру, когда-то увёл невесту у орнитолога и женился на ней. Но мой-то отец здесь каким боком?

— Но как же? — растерялась Анна. — Вы же говорили, что он считал... то есть, считает, что у Марии Михайловны закатная душа.

— Да, считает. Но это ровным счётом ни о чём не говорит. Они очень привязались друг к другу, дружат. Отец ценит Марию Михайловну и доверяет ей.

— Ну вот! А вдруг он увидел, что Анатолий Михайлович досаждаёт ей? Да ещё недвусмысленно?..

— Анна, Анна, — остановил её Хранитель. — Тихо, спокойно. Версия интересная, но далёкая от жизни. Всем предполагаемым участникам событий не по двадцать лет, чтобы разыгрывались такие страсти. Отец очень деликатный человек. Особенно по отношению к тем, кого любит. Если бы он предположил что-нибудь подобное, то просто пришёл бы к Марии Михайловне и поговорил с ней. Не с орнитологом, не с Полоцким, а с ней.

— А если он с ней и поговорил? А она рассказала об этом Анатолию Михайловичу, а тот...

— Маловероятно.

Анна нахмурилась, но согласилась:

— Хорошо. Пусть так. Но вы хотя бы держите эту версию в уме.

— Обязательно. А сейчас пойдёмте-ка есть. Мария Михайловна наверняка ждёт.

— А потом?

— А потом я отправлюсь на Северный. Лодку уже скоро должно прибить. — Хранитель в последний раз посмотрел в бинокль и стал спускаться. Анна последовала за ним. — И я попрошу по-прежнему ничего никому не говорить. А если и спрашивать остальных о чём-то, то крайне осторожно.

— Ой! — вспомнила Анна и тут же испугалась: — Мне кажется, Денис догадывается обо всём.

— Это плохо. Ладно, будем надеяться, что у него хватит ума не болтать. — Хранитель говорил коротко, без эмоций. — После обеда оденьтесь потеплее. Пойдёте на Северный со мной.

— Зачем? — удивилась Анна.

— Затем, что, пока я не уверен в том, что вам не грозит опасность. А уберечь вас я смогу только в том случае, если вы будете рядом со мной.

— Мне? — Анна даже остановилась, занеся ногу над следующей ступенькой и не опустив. — Я-то здесь при чём?

— Я не знаю. Я пока ровным счётом ничего не знаю. Совсем. И это заставляет меня опасаться каждого и в то же время за каждого из тех, кто сейчас на Закате. Я обязан найти преступника и найду его. Но мне будет спокойнее, если хотя бы вы будете рядом. — Он напрягся и закончил: — Спокойнее, но сложнее.

Глава 28. Жалость

Минут через сорок Анна с Хранителем были на Северном пляже. Больше никому Матвей не разрешил пойти с ними. Все подчинились, хотя и не без сопротивления. И если старшие женщины и Анатолий Михайлович не настаивали на своём участии, то Владлен Архипович, Камилла и Денис рвались в бой. Анна в разговор не вмешивалась, больше молчала и наблюдала, стараясь, чтобы её интерес не бросался в глаза. И не могла ни до чего додуматься. То ей казалось, что буквально каждый мог быть виноват в нападении на Василия, то — что не виновен никто из собравшихся.

Поэтому решение Матвея направиться к Северному пляжу Анна восприняла с облегчением. После сегодняшнего разговора ей стало гораздо сложнее находиться рядом с Хранителем, но ещё нестерпимее были раздражающие её сомнения.

Идти оказалось тяжело. Ветер мешал дышать и бросал в лица клочья солёной пены, подхваченные им с воды. Анне приходилось нелегко, и, очевидно, Хранитель понял это, потому что протянул руку и взял её уже заледеневшую кисть в свою и подтянул Анну поближе к себе, помогая ей идти. Лицо его при этом ничего не выражало, только челюсти были сжаты так, словно ему невыносимо больно. О чём он размышлял в эту минуту, Анна старалась не думать. В ушах звучали его слова: «Мне будет спокойнее, если вы будете рядом. Спокойнее, но сложнее». Ей самой сейчас было очень сложно. И больше всего хотелось отмотать время назад на час с небольшим, когда Хранитель сказал, что хочет жениться на ней. Если бы можно было сделать так, она бы ответила ему совсем иначе.

Лодку они заметили издалека. Она беспомощно тыкалась носом в берег чуть дальше того места, где накануне Хранитель, сидя на камне, ждал, когда Анна выйдет из воды. Здесь на многие метры вглубь залива была мель, поэтому шторм свирепствовал где-то в отдалении, докатываясь до Северного пляжа лишь длинными и частыми, но невысокими волнами, не

оставляющими уставшую лодку в покое.

Высмотрев лодку, Матвей пошёл быстрее, вытянул её на берег, оттащил подальше от воды и, наклонившись, стал изучать что-то внутри. Анна подошла и встала так, чтобы не загоразивать и без того слабый свет. Хранитель тщательно осмотрел банки (*), борта лодки, уключины, особенно долго задержал взгляд на носу. Руками ничего не трогал. Когда он выпрямился, лицо его было непроницаемым.

— Есть что-нибудь?

— Ничего. Только совсем немного крови там, где он лежал. А должны быть там, куда упал и обо что ударился, если это и правда несчастный случай. Хотя, конечно, возможно остальное просто смыто волнами. В этом смысле нам не повезло.

— Вы же говорили, что он точно не сам так ударился...

— Говорил, — кивнул Хранитель. — Мой друг уверен в этом. Но я должен был убедиться. Травма, которую получил отец, не могла быть получена случайно. В лодке просто нет таких поверхностей, которые могут причинить подобные повреждения.

— Значит, всё-таки он не сам?

— Я, конечно, не специалист. Но мой друг хорошо знает своё дело. И вот он уверен в этом. И есть ещё кое-что... — Хранитель замолчал.

Анна встревоженно посмотрела на него, но не стала торопить, дала собраться с мыслями. Он обошёл лодку и сел на корточки прямо у её носа.

— Посмотрите на верёвку. Ей лодка была привязана к кнехту. И её не развязали, она не перетёрлась. Её перерезали чем-то острым. Видите?

Анна тоже села рядом и всмотрелась в верёвку. Свободный край заканчивался и правда слишком аккуратно для того, чтобы можно было предположить естественное происхождение обрыва.

— Вижу, — кивнула она.

Тем временем Хранитель достал из кармана куртки свёрнутую верёвку и привязал её рядом с той, которую они только что изучали. На непонимающий взгляд Анны ответил:

— Мы не можем бросить лодку здесь. Я дотащу её до маяка и подниму в отцовский сарай и закрою. Там она будет в безопасности. Возможно, специалисты всё-таки смогут что-то ещё определить по тому немногому, что осталось в лодке после шторма. Наша задача — дать им такую возможность.

К маяку возвращались гораздо дольше. Матвей, идя по воде, тащил за собой лодку. Волны, хотя и не имевшие силы на мелководе, сердились, пытались отнять свою добычу, плескали внутрь высоких резиновых сапог, и ему явно было нелегко. Анна шла по берегу, но теперь, без помощи Хранителя, и ей двигаться вперёд было гораздо сложнее. Она прикрывала лицо от ветра рукой и старалась не отводить взгляда от Хранителя. Ей казалось, что только так она сможет успеть на помощь, если тот устанет бороться с волнами один.

Особенно страшно ей стало, когда дошли до причала. Она думала, что Хранитель вытащит лодку на берег и перетянет на другую сторону деревянного мостка волоком. Но тот решил пробраться между столбами, поддерживающими причал. И было понятно почему: в этом месте берег усеяли крупные валуны. Именно о них побоялась разбиться Камилла, когда приняла решение отплыть подальше от пристаньки. Тащить по ним лодку было бы неудобно и тяжело.

— Может быть, всё же позовём других на помощь? — спросила Анна.

— Нет, — покачал головой Хранитель. — Лишние глаза и руки нам не нужны.

— Но нас могут увидеть в окна.

— В том-то и дело, что здесь нас закрывает берег. Из окон Полоцких виден только дальний конец причала и эта груда камней. От дома, где остановились орнитологи, — и того меньше. На маяке сейчас никого нет, я его закрыл. А на улице, как видите, — пусто. Все греются по домам.

— А что вы им скажете? Куда лодку дели?

— Скажу, вытащил на берег.

— Но тогда нападавший может попробовать избавиться от неё! — Анна во все глаза смотрела на Матвея.

— Именно на это я и рассчитываю, — кивнул он, снова, уже привычно, избавился от штормовки и распорядился:

— Всё, я пошёл, а вы осторожно, идите вот за теми камнями. Там вас никто не заметит.

Максимально приблизившись к линии прибоя, Хранитель нагнулся и ступил под причал. Здесь было гораздо глубже, и вода и в штить доходила бы ему до пояса, а сейчас и вовсе то и дело захлёстывала, накрывала с головой. Одной рукой он хватался за скользкий чёрный столб, другой тянул за собой лодку, здесь крепко держа за борт, а не за верёвку. Очередная волна ударила в него с силой, он замер, прижавшись к столбу, и, как только стало чуть легче, упрямо пошёл вперёд, отплёвываясь и цепляясь за опоры мостков, а Анна не сводила с него глаз, прижимая к себе тёплую от его тела штормовку. Неширокое — не больше полутора метров — пространство под причалом показалось ей нескончаемым.

Наконец, Хранитель выбрался из-под него и, упираясь свободной рукой в валуны, чтобы его и лодку не било о них, отправился дальше. Анна следовала за ним по берегу. Вскоре валуны снова сменились ровной песчаной полосой, и она смогла выдохнуть: здесь было гораздо безопаснее.

Опять с Матвея потоками лилась вода, как каких-нибудь три с небольшим часа назад. Анна подошла поближе к нему и крикнула, стараясь, чтобы он услышал её за грохотом волн:

— Давайте вытащим лодку, я покараулю её, а вы пока сходите и переоденьтесь! А то так и заболеть недолго.

— Нет! — громко отказался Хранитель. — Я не могу оставить вас одну! Это небезопасно! Сейчас дотащим лодку до сарая, закроем, потом уж и переодеться будет можно.

Анна с сомнением посмотрела на лодку и уже близкий сарай, на который указал Матвей. Хватит ли у них двоих сил, чтобы дотащить маленькое, но явно довольно тяжёлое судёнышко? Всё же от строения до берега метров сто, а то и больше. Но Хранитель, вытянув лодку на песок и оттащив подальше от воды, быстро дошёл до сарая, открыл настежь ворота, размотал какой-то металлическим трос с крюком на конце, ловко подцепил им лодку и, вернувшись обратно к сараю, начал крутить ручку лебёдки. Лодка дрогнула и поехала. Через несколько минут она была уже внутри, под защитой большого амбарного замка. Хранитель же взял метлу, стоявшую под навесом, сунул Анне в руки вторую и велел, показав на след лодки на песке:

— Заметайте.

— Так всё равно будет понятно, что здесь что-то волокли.

— Будет, — согласился Хранитель. — Но скоро опять пойдёт дождь... — Он мотнул головой в сторону наползающей на Закат с северо-востока тёмной обширной тучи. — И

смоет следы мётел. А канавку, образованную лодкой — не сможет. Всё равно видно будет.

— Понятно. — Анна удивилась тому, как быстро всё продумывает этот человек, и принялась помогать. Вдвоём они справились всего за пару минут.

— Пойдёмте в дом! — Убрав мётлы, Хранитель быстро зашагал вверх по тропинке, ведущей к жилищу смотрителя маяка. Анна слышала, как в его сапогах хлюпает вода и почти физически ощущала, как Матвею холодно и противно в мокрой одежде. Ощущала и мучительно жалела этого смелого и сильного мужчину. Так жалела, что хотелось плакать от острого и болезненного этого чувства.

Глава 29. Вопросы

Второй раз за день Анна оказалась в доме смотрителя. Судя по всему, это было очень старое строение. Небольшие окна, толстые отштукатуренные белые стены, просторная то ли гостиная, то ли столовая, то ли такая большая кухня. Из неё вели несколько дверей, покрашенных в спокойный зелёный цвет. За одной, как уже знала Анна, была ванная комната. За второй, попросив гостью подождать и почувствовать себя как дома, скрылся Хранитель.

Анна подошла к газовой плите, поставила на огонь стальной чайник со свистком. Понюхав содержимое яркого, оранжевого в белый горох заварного чайничка, убедилась, что в нём тот самый травяной отвар, которым поили после вынужденного купания её саму, и отлила часть в самую большую чашку, чтобы потом добавить кипятка. Хранителю явно нужно было согреться. Растереть бы его ещё спиртом или ноги попарить... Анна поискала в шкафчиках, но не нашла ни спирта, ни сухой горчицы. Тогда она отправилась в ванную, пустила горячую воду, плотно прикрыла дверь и села за стол.

Матвей вышел через пару минут. Он был уже в сухой одежде, мокрую сложил в таз, предусмотрительно прихваченный из ванной. Услышав шум воды, поблагодарил:

— Спасибо. Я быстро. Вы только не уходите никуда.

— Не уйду. Может, вы хотите есть?

— После разнослов Марии Михайловны? — поднял брови и улыбнулся Хранитель. У него была славная, немного смущённая улыбка, которая молодила его и делала строгое сосредоточенное лицо гораздо мягче. Анна улыбнулась в ответ, а в сердце появилась надежда, что, может быть, ещё не всё потеряно.

— В той комнате, — Хранитель махнул рукой на одну из дверей, — есть книжный шкаф. В нём на одной из полок стоят альбомы со старыми фотографиями Заката и маяка. Может, вам будет интересно узнать, как здесь жили десятки лет назад?

— Да, спасибо! — обрадовалась Анна. Ей и правда было интересно.

Хранитель положил на стол телефон и скрылся в ванной. Посмотрев ему вслед, Анна отправилась за альбомами. Их она нашла сразу. Это были и старые, обтянутые чем-то вроде зелёного и бордового бархата толстые и большие тома, и более современные. В них она среди многочисленных фотографий Заката и вырезок из газет, рассказывающих о разных маяках, обнаружила довольно много более поздних, хотя и чёрно-белых снимков. На них был ещё очень молодой Василий, кое-где даже в морской форме. Анна удивилась: она думала, что тот всю жизнь был маячником. Были и групповые фотографии, на которых Василия окружали какие-то люди, совсем юные и постарше.

Одна ясноглазая статная девушка показалась ей смутно знакомой. Анна долго

вглядывалась в неё, но так и не поняла откуда. На обороте фотографии никаких подписей не было, и Анна отложила снимок, решив спросить у Матвея, не знает ли он эту девушку. Никакой особой цели у неё не было. Просто Анна знала свою привычку, подолгу мучительно вспоминать такие вот случайно «узнанные» лица, мелодии или цитаты. Не успокоится ведь, пока не вспомнит, где видела знакомую незнакомку или кого она ей напоминает.

Когда Матвей вышел из ванной, Анна уже снова сидела за столом. Поднявшись ему навстречу, она налила чаю, подвинула сахарницу.

— Спасибо, — поблагодарил Хранитель. И снова его лицо осветилось сдержанной улыбкой. — Мне никто не звонил?

— Нет.

— Значит, с отцом никаких изменений, — Матвей вздохнул.

— Но это ведь хорошо?

— Вы оптимистка? Из тех, у кого стакан наполовину полон?

— Наверное. Как-то никогда не задумывалась об этом, — пожала плечами Анна.

— Да, я тоже думаю, что отсутствие новостей — это уже хорошая новость.

— Конечно. Ваш друг наверняка делает всё, чтобы помочь Василию, и позвонил бы... если бы... не дай Бог...

— Это да. Но всё равно душа не на месте. А ведь я ещё маме не сообщал пока. Не хочу лишний раз тревожить. Она в Москве, гостит у подруги. Родители, конечно, не живут вместе, но дорожат друг другом, часто созваниваются, мама на Закат иногда приезжает.

— А они давно знакомы?

— Больше тридцати лет. Мама работала врачом в порту. Знаете, как в фильме «Коллеги». Там и познакомились. Вскоре поженились.

— Ваш отец тогда был моряком?

— Да. Военным.

— А как же он стал маячником?

— Его родители служили здесь. А потом и он, демобилизовавшись, решил осесть на острове. К тому времени бабушка и дедушка были уже очень немолоды и не могли справляться с делами самостоятельно.

— А ваша мама и вы? — Анна ловила мгновения откровенности, чтобы узнать как можно больше. Почему-то ей казалось, что это важно.

— Я тогда уже вырос, жил отдельно, учился. А мама сначала переехала с отцом. Но долго жить здесь не смогла. Она совершенно городской человек. Да даже не в этом дело. Она не смогла найти что-то внутри себя, что помогло бы ей жить почти без людей, без суеты, находя всё необходимое для души только в себе и в природе. Это непросто. И не каждому дано. Отцу дано, бабушке и дедушке — тоже было дано. Я пошёл в отца, как ни удивительно. А маме здесь сложно. Сюда можно приезжать только по зову сердца. А оставаться — тем более.

Хранитель рассказывал спокойно, в его голосе и словах не было осуждения или непонимания. И это очень нравилось Анне. Её всегда пугали люди, которые считали, что есть только одно мнение: их, и неправильное. И единственно допустимый образ жизни. И исключительно верное мировоззрение. В такой позиции ей чудились отзвуки нетерпимости. Но ещё больше напрягали её те, кто, на словах признавая права других, настойчиво требовал, тем не менее, согласия со своим мнением, и давил, и обвинял остальных в косности, консерватизме и прочих грехах. И позиция Матвея порадовала её. Да, он человек Заката. Но

понимает, что такая жизнь не для всех, и ни на чём не настаивает.

— А вы? — неожиданно спросил Хранитель.

— Что я?

— Почему вы оказались на Закате?

Анна на секунду растерялась. Ну, не рассказывать же, в самом деле, о Богдане и шести месяцах ожидания приговора. И она ответила уклончиво:

— Маяки — моя детская мечта. Вот сестра и сделала такой подарок. Договорилась, чтобы мне разрешили погостить здесь два дня.

— С кем договорилась? — поинтересовался Матвей.

— Не знаю, — растерялась Анна. — Я не спрашивала. А что? Это важно?

— Да нет, просто интересно стало. Не берите в голову. — Хранитель ответил легко и довольно равнодушно, светским тоном. Но Анне показалось, что его это на самом деле заинтересовало и даже взволновало. Решив про себя, что она непременно сегодня же узнает у Нелли, каким образом та организовала приглашение на Закат, Анна собралась уже уходить, но тут вспомнила о фотографии. Протянув её Матвею, она спросила:

— А вы случайно не знаете, кто эта девушка?

Глава 30. Предположения

Матвей посмотрел на фотографию:

— Это первая жена отца. Они развелись, когда были совсем молодыми.

— Она жива?

— Насколько я знаю, да.

— А как её зовут?

— Вспомнить бы. — Хранитель нахмурился. — У неё какое-то довольно редкое имя...

Клара! Да, точно. Клара Клементьевна.

— А фамилия?

— Вот чего не знаю, того не знаю. Отец никогда не упоминал. Когда Клара Клементьевна с отцом были женаты, она, по-моему, тоже Аяцковой была. А потом замуж вышла и, наверное, сменила фамилию.

Анна пошевелила губами, словно пробуя на вкус довольно необычные имя и отчество первой жены маячника, приставила к ним его фамилию. Но это ничего не дало. Никаких ассоциаций не возникло. Видимо, дело было именно во внешности. То ли она где-то видела женщину, то ли та ей кого-то напомнила.

— Матвей... — Обратившись к сыну зрителя по имени, Анна вдруг поняла, что впервые назвала его так не за глаза, а в разговоре, и на секунду замерла, смутившись. Но тут же взяла себя в руки. Стыдно вести себя, как девочка-подросток и обмирать от одного звука имени привлекательного мужчины. И Анна живо, пожалуй, даже излишне живо поинтересовалась: — А вам эта Клара никого не напоминает?

Матвей, который как раз отошёл к плите, чтобы ещё плеснуть себе в чашку кипятка, вернулся, оперся рукой о стол и всмотрелся в фотографию:

— Актрису какую-то напоминает. Советскую. Из семидесятых годов. Но фамилию не помню.

— Актрису? — удивилась Анна. Почему-то ей и в голову не приходило, что Хранитель может смотреть телевизор, интересоваться кино. Для неё он был неразрывно связан с Закатом, этим диким, оторванным от цивилизации местом.

— Да.

Анна никакую похожую актрису не помнила, хотя и любила старое советское кино. Но слова Матвея успокоили её. Может, и правда. Потом он вспомнит фотографию, или фильм, в котором снималась эта самая актриса, и Анне не придётся по своей дурацкой привычке долго перебирать в голове, где она могла видеть девушку. И правда, мало ли похожих людей? Сама Анна тоже имела отдалённое сходство с американской певицей, о котором ей не говорил только ленивый или уж совсем далёкий от музыки человек. Вот Хранитель, кстати, не говорил. Да и никто из островитян.

— Ладно. Нам пора идти, — прервал ход её мыслей хозяин.

— Куда?

— Да хочу я ненавязчиво со всеми побеседовать о том, что происходило на острове позавчера. Штормить ещё и завтра будет точно. Через день, конечно, начнёт утихать. Приедут прокурорские. Но я должен сам во всём разобраться.

— Зачем? — Анна и правда не понимала. — С Заката преступник всё равно никуда не денется. В крайнем случае, когда погода улучшится, мы можем следить за причалом, чтобы никто не взял лодку или катер и не уплыл. Лодки же вообще на берегу, вы же с Владленом Архиповичем сами их вытаскивали подальше от волн. Незаметно точно не взять. Пока до воды дотащишь, кто-нибудь да увидит. Моё окно как раз на пристань выходит. Я могу оттуда наблюдение вести...

— Да в том-то и дело, что можно уйти с Заката незаметно. Ночью. Да и днём тоже. Сегодня нашу инстаграмную барышню чуть не утопили как котёнка. Но никто ничего не видел.

— То есть вы верите Камилле? — ухватила за его слова Анна.

— Скорее верю. Нужно быть самоубийцей или очень глупым человеком, чтобы в такой шторм добровольно сигануть в залив.

— Или спортсменом. Надо узнать, вдруг Камилла окажется камээс по плаванию.

— Спортсменом с приветом, — не согласился Хранитель. Сомневаюсь, что это о нашей барышне. Она, конечно, юная и от этого плохо разбирается в жизни. Но дурочкой она мне не показалась.

— Мне тоже. Но я совсем не представляю, кому могла помешать Камилла. Она, кстати, довольно славная, когда не валяет дурака. И, похоже, влюблена в Дениса. Может, это он её и...

Хранитель подавил улыбку:

— С какой целью? Только не говорите мне, что она от него беременна или так достала его домогательствами, что он решил избавиться от неё и концы в воду.

— Нет, конечно. — Засмеялась Анна и самокритично добавила: — Вот для кого-для кого, а для Дениса мотивов я пока не придумала. Буду думать.

— А для Камиллы? — Хранитель смотрел на неё с интересом и без насмешки.

— С Камиллой странно. Я тут поговорила с Галиной Филипповной, она рассказала мне об их работе, об экспедициях. Так вот, Камилла, оказывается, очень хотела попасть на Закат. Сама напросилась и даже отпуск перенесла.

— Так, может, это потому, что сюда отправлялся Денис? Если она в него влюблена, а я такое вполне допускаю, то экспедиция — лучшая возможность попробовать выстроить отношения. Закат, на мой взгляд, вообще очень романтичное место. Уединение, красивая природа, маяк... — Хранитель замолчал на секунду. Анна вскинула на него глаза и увидела,

что он внимательно смотрит на неё. Ей стало неловко, и она преувеличенно бодро ответила:

— Я сначала тоже так подумала. Но потом выяснилось, что Денис вообще к экспедиции примкнул в последний момент. Заменял заболевшего коллегу. Или вы полагаете, что это в него Камилла как раз и влюблена?

— А что? Не вариант?

— Маловероятно. Коллега, по рассказам Галины Филипповны, не так чтобы молод, давно женат и к тому же отличается сложным характером.

— Чего в жизни не бывает? — философски заметил Хранитель.

— Соглашусь. Но та же Галина Филипповна убеждена, что Камилла и правда влюблена в Дениса. Вряд ли она ошибается. Она мне показалась женщиной наблюдательной и умной.

— То есть вы считаете, что следует хорошенько присмотреться к Камилле?

— Во всяком случае — узнать, что её привело на Закат.

Хранитель задумался. И тут Анна вспомнила:

— Кстати, а почему вы сами примчались на остров? Зачем вас вызвал Василий?

Глава 31. Догадка

По лицу Хранителя промелькнула тень.

— Отец позвонил мне и сказал, что я ему срочно нужен, что ему нужно посоветоваться со мной. Я удивился, потому что был на Закате за несколько дней до этого. Отец был совсем таким, как обычно. Ничего такого мне не говорил. И вдруг позвонил.

— А зачем вы ему были нужны?

— Не знаю. Меня в этот момент отвлекли. Отец услышал и тут же свернул разговор. Он с большим уважением относится к моей работе и всегда старается не мешать... — Хранитель с силой сжал челюсти, и Анна поняла, как ему больно думать о том, что произошло с Василием. Справившись с собой, Матвей продолжил: — Я хотел отправиться сюда ночью. Но отец попросил этого не делать. Он переживает, если я выхожу в море в темноте. И я выдвинулся на Закат только на рассвете... И очень зря...

Слышать жесточайшее раскаянье в его голосе было невыносимо, и Анна преувеличенно бодро спросила:

— Ну что? Идём в люди?

— Да, давайте.

— И с кого начнём?

— Я начну с того, что пойду на Северный пляж и понаблюдаю, не отправится ли кто туда.

— А вы уверены, что там никто не побывал, пока мы с вами здесь чай гоняли?

— Уверен. Я же сказал, чтобы все ждали нас у Полоцких. Чтобы никто не мог уйти незамеченным. Кроме того, мы отсутствовали не так и долго. Кто знает, может, ждали, пока лодку окончательно прибьёт. А сейчас заглянем к Полоцким, скажем, что только что вернулись, что нашли лодку. Потом я уйду якобы на маяк, а сам отправлюсь на Северный.

— А я?

— А вам придётся посидеть у себя в комнате. Закрывшись на замок.

— Вы что, не доверяете даже Марии Михайловне?

— Во-первых, я хочу создать преступнику все условия, чтобы он расслабился. Я сообщу, что буду на маяке. Вы сошлётесь на усталость и отправитесь отдохнуть. Все разбредутся по своим делам. Будет полное ощущение обычного спокойного дня. Лучшее время для того,

чтобы быстренько сбежать на Северный и проверить, нет ли в лодке каких улик.

— Понятно. А во-вторых?

— А во-вторых, да, я никому не доверяю.

— Ну, это вы всё же зря. Я же живу у Полоцких. Они запросто могли сегодня со мной что-нибудь сделать. Да и с глазу на глаз я уже общалась и с Марией Михайловной, и с Галиной Филипповной. И, как видите, жива и здорова.

— Не забывайте, что это было до того, как вы сообщили мне, что Камилла искупалась не по собственной неосторожности. Тогда я был уверен: дело только в отце. Что именно у него был с кем-то конфликт. Или что он помешал кому-то. А Камилла просто неловкая глупенькая девочка, погнавшаяся за красивым селфи и поскользнувшаяся. Иначе я бы так не рисковал вами.

За окнами ещё сильнее потемнело. Матвей подошёл к двери, распахнул её и, с видимым усилием удерживая и не давая разошедшемуся ветру, завладеть новой игрушкой, сказал:

— Пойдёмте-ка. Скоро будет дождь. На месте преступника я воспользовался бы этим.

Анна быстро накинула куртку и хотела уже выйти за порог, когда Матвей придержал её за локоть, повернул к себе, быстро и ловко застегнул молнию на куртке, надел на голову капюшон, осторожно убрав волосы под него, и завязал утягивающий шнур:

— Не нужно шутить с такой погодой. Вы продрогнете через минуту.

От неожиданности и удивления Анна даже не сопротивлялась и не пыталась перехватить инициативу и одеться сама. Богдан относился к тем мужчинам, которым нужно, чтобы женщина выглядела так, как будто сошла с картинки глянцевого журнала. Никакие аргументы в пользу удобства его не убеждали. А Матвей... Пожалуй, Матвей оказался первым мужчиной в её жизни, ну, кроме отца, конечно, который думал не о том, чтобы Анна выглядела красавицей, а о том, чтобы она не замёрзла. И это было удивительное ощущение — чувствовать заботу.

Она уже шагнула на ступени крыльца, когда вспомнила:

— Матвей, а ваш телефон далеко?

— Вот. — Хранитель вынул из кармана и протянул ей смартфон, не спрашивая, зачем он ей понадобился. В этом жесте были доверие и уважение.

Анна с благодарностью взяла, нашла камеру, подошла к столу и сфотографировала снимок, на котором рядом с Василием стояла его первая жена. Хранитель, на которого она кинула быстрый взгляд, понимающе промолчал.

Анна снова вспомнила Богдана. Вот кто точно не удержался бы от вроде как шутливого, но на деле язвительного комментария или множества бестолковых вопросов. Вспомнила и удивилась: почему она раньше не замечала этого? Вернее — нет. Замечала, конечно. Но оправдывала, считала это и многое другое незначительными недостатками. Надо же так заблуждаться. И какое счастье, что всё случилось так, как случилось. Теперь ей казалось, что шесть месяцев ожидания приговора не такая и большая плата за прозрение. Гораздо хуже было бы осознать всё, когда уже родились бы дети...

Подумав об этом, Анна внутренне содрогнулась и опять про себя порадовалась: «Какое счастье!»

До дома Полоцких они шли быстро, почти бежали, и успели до дождя. Матвей распахнул перед Анной дверь и вошёл следом. Головы всех тут же повернулись к ним.

— Лодку прибило, — сообщил Матвей, упреждая вопросы.

— Ну, и отлично! — обрадовался Полоцкий. — Никакого материального ущерба родному государству? Или она пострадала?

— Нет, цела и невредима.

— Видишь, а ты волновался. Молодец, что Машу послушал.

— Ну всё, раз дело сделано, я на маяк, — совершенно спокойно, будничным голосом известил собравшихся Матвей.

— Тогда и мы пойдём, поработаем, — поднялась из-за стола Галина Филипповна. — А то второй день толком делами не занимаемся, так и от графика отстать недолго. Владлен Архипович, вы нам обещали показать, где тут у вас птичий базар.

— Галина Филипповна, Господь с вами, какой птичий базар, когда такой ветер? — изумилась Мария Михайловна. — Вы уж подождите немного. Погода скоро изменится. Лето всё же, не осень. А там и за работу примитесь.

— Вот именно! — горячо поддержал Полоцкую Денис.

Старшая орнитологиня неласково посмотрела на него и покачала головой:

— В чьих руках будет наука через десяток-полтора лет? Где подвижники и энтузиасты? У нынешней молодёжи не наука на уме, а только развлечения.

— Да будет вам, Галина Филипповна, — миролюбиво заметил Анатолий Михайлович. — Молодёжь во все времена одинакова. Повзрослеют — дело и до науки дойдёт. Мы в их годы были точно такими же.

— Конечно! — поддержала в разговор Полоцкая. — Хотя, разумеется, встречаются и с юных лет по-настоящему увлечённые наукой люди.

Анна в этот момент смотрела как раз на орнитолога и хозяйку, поэтому и успела заметить понимающий взгляд, которым они обменялись, и лёгкую мудрую усмешку на губах Марии Михайловны.

— Ну, вы как хотите, а я пошла! — неодобрительно изрекла Галина Филипповна и направилась к двери. — Хотя бы с документацией поработаю.

— Делать нечего, Камелия, пойдём и мы, — двинулся следом Денис.

— Хватит издеваться над моим именем, — прошипела Камилла, и Анне стало её жалко. И правда, кому понравится, что его имя постоянно и не всегда приятно переименовывают? Видимо, пожалел девушку и Владлен Архипович, потому что он немного не к месту, но очень доброжелательно сказал:

— Какое у вас необыкновенное имя, Камилла.

Молодая орнитологиня благодарно посмотрела на него и улыбнулась:

— Да, у нас семейная традиция необычно называть девочек. Моя сестра — Каролина. А мама — Кристина.

— Надо же! Все на ка, — восхитилась Мария Михайловна, явно стараясь сгладить внезапно возникшую напряжённость.

И Анна замерла. Теперь она поняла, кого напомнила ей девушка с фотографии. Девушка с именем, тоже начинающимся на ка.

Глава 32. Новые сведения

Хранитель перехватил её взгляд и вопросительно кивнул снизу вверх. Анна покачала головой: мол, потом. Когда все орнитологи отправились на свою станцию, она вышла следом за Матвеем и увела его за дом.

— Камилла очень похожа на первую жену вашего отца!

— Разве? — усомнился Хранитель.

— Да! Посмотрите фотографию!

Матвей послушно достал телефон и уставился на экран. Анна, почти прижавшись к нему, зашептала:

— Ну что? Видите! Я сразу не поняла, потому что причёски совсем разные, одежда. И губы у Камиллы гораздо пухлее. Но когда она сказала про имена, я догадалась. Камилла, Каролина, Кристина, Клара! Они родственницы! Она не может быть дочерью Клары?

— Насколько я знаю, у неё только сын. Их с отцом сын.

— Сколько ему лет?

— Сорок два. Они с отцом были совсем молодыми, когда поженились.

— Сорок два... Так у него запросто может быть уже почти взрослая дочь. Надо узнать, сколько лет Камилле.

— Это легко сделать. Отец ведёт строгую документацию... Но подождите-ка... Не сходится.

— Почему?

— Фамилия! Отец знает нынешнюю фамилию своего сына. А Камилла, мне кажется, не замужем. То есть у неё должна быть девичья фамилия, которую не мог не узнать отец. Вкупе с отчеством это должно было привлечь его внимание.

Анна задумалась:

— А не может у неё быть фамилия матери, а не отца? Так иногда делают. Например, в семье не один ребёнок, и тогда кому-то дают отцовскую, а кому-то материнскую фамилию. Или её родители развелись, и девочка, когда подросла, выбрала фамилию мамы.

— Интересная версия. Я постараюсь узнать, но позже. Мне нельзя опоздать на Северный. А вы пока идите-ка к себе в комнату.

— Хорошо. — Анна послушно направилась к дому. Уже почти дойдя до крыльца, она обернулась и спросила:

— А не мог Василий как раз из-за этого вас вызвать?

Матвей, который ещё не ушёл и ждал, видимо, когда она скроется в доме, покачал головой:

— Вряд ли. Это семейные дела. Может быть, даже не слишком приятные. Но вряд ли приезд внучки, которую он даже никогда не видел, мог так взволновать отца.

Анна постояла в раздумье, потом тоже кивнула и поднялась по ступеням. Ясности в деле от того, что она поняла, кого напоминает ей первая жена маячника, не прибавилось.

В своей комнате Анна взяла телефон и набрала номер сестры. Та не ответила. Анна посмотрела на время и мысленно отругала себя: конечно, Нелли сейчас укладывает на дневной сон дочку. Она положила телефон на подоконник и посмотрела в окно. Хранитель не ошибался: отсюда почти не просматривались подходы к причалу. Значит, их с лодкой не должны были видеть. И это хорошо. Возможно, как раз сейчас преступник идёт к Северному пляжу, чтобы осмотреть лодку и убедиться, что ничто в ней не укажет на его злодеяние. Но он не знает, что туда же направляется Хранитель Заката.

Тут Анне стало страшно. А если преступник Денис? Крепкий сильный молодой парень? Или даже не Денис, но кто-то, у кого есть оружие? Сумеет ли Матвей противостоять этому? Руки задрожали, спина взмокла, и захотелось кинуться вслед за Хранителем, чтобы быть рядом с ним. Но нельзя. Она может помешать ему или спугнуть преступника.

В стекло ударили крупные капли. Сначала редкие, через минуту они превратились в сплошные потоки. Анна смотрела сквозь них на сразу изменившийся, потерявший чёткость и определённый мир. Казалось, что холодная дождевая вода бьёт в лицо, стекает по спине, мешает дышать. А каково там, на улице, Матвею? Когда же закончится этот день? Когда утихнет шторм и придут сотрудники военной прокуратуры?

Анне стало так одиноко, что она решила всё же спуститься вниз, к хозяевам. Может, хоть какое-то дело даст ей Мария Михайловна? Ждать возвращения Матвея в своей комнате, не зная, чем себя занять, теперь казалось Анне невыносимым испытанием.

Хозяйка сидела с телефоном в руках и что-то разглядывала на его экране. Увидев спускающуюся Анну, она радостно сообщила:

— Дети мои прислали фотографии с юга. Вот, любуюсь. Соскучилась я по ним. Хочешь посмотреть?

— С удовольствием.

Замелькали кадр за кадром. Милые детские мордашки, приятный молодой мужчина, славная миниатюрная девушка рядом с ним.

— Это мой сын и его жена, — с гордостью пояснила Мария Михайловна.

— Очень красивая пара.

— Да. Моему мальчику повезло. Ксюшенька у нас прекрасная девочка, добрая, скромная, умница такая. А как готовит. Хозяйка отличная. Живут, конечно, небогато: Ксюшенька пока не работает, детьми занимается, а сын на государственном предприятии трудится, там зарплаты невеликие. Но деньги за квартиру, которую я сдаю, заставляю их забирать. Мне здесь много ли надо? А им всё полегче.

Полоцкая с нежностью погладила экран недорогого и не нового смартфона.

— Молодцы вы все, — с чувством сказала Анна. — Как приятно видеть такие хорошие, крепкие семьи. Всё же нечасто бывает, чтобы свекровь со снохой так дружно жили.

— А что ж нам ссориться? Мне в своё время от свекрови доставалось. Так я поклялась, что никогда такой не буду. Потом, конечно, когда сын подрос, стала опасаться, вдруг не повезёт ему. Но когда он Ксюшеньку привёл, сразу отлегло от сердца. Не девочка — сокровище. И такая мудрая. Всё у меня спрашивала:

— А как вы это делаете? А как то готовите?.. А мне и приятно ей рассказать да показать. Готовлю-то я и правда хорошо. Не буду скромничать, — Мария Михайловна озорно улыбнулась. Анна с готовностью закивала. Ей нравилось буквально всё, чем потчевала гостей Заката бывшая повариха. — Смолоду я это дело люблю. Помню, первый мой начальник ох и хвалил меня всегда, говорил: — Полоцкая, повезло нам с тобой!.. А ты что спустилась-то, Анечка? — спохватилась тут она. — А то я тебя заболтала совсем!

— Да нет, ничего. Просто попить захотела.

— Ты бы полежала, отдохнула. Под дождь так хорошо спится.

— Да, пожалуй, — встала Анна. Теперь ей и правда захотелось побыть одной: после разговора с Марией Михайловной у неё возникло странное ощущение, что она услышала что-то важное, но не обратила на это внимания. Возможно, в тишине комнаты она сможет сосредоточиться и понять, что же её смутило. Но сначала она позвонит Нелли.

В этот раз сестра ответила почти сразу:

— Как вы там? Как наше сокровище? — весело поинтересовалась Анна.

— Наша любимая дочь и твоя не менее любимая племянница каждый день отчебучивает что-нибудь новенькое. Сегодня научилась колбаски из пластилина катать и тут же

попыталась их съесть. Еле я успела отнять.

— Ничего себе! — с восхищением и ужасом выдохнула Анна и попросила: — Ты там снимай побольше. Я приеду и буду смотреть. Или пришли мне. Я так соскучилась!

— Подожди, а ты разве не сегодня уезжаешь с этого своего острова? — изумилась Нелли.

— Нет, Нел. Не сегодня. Мне придётся здесь задержаться...

— Придётся? — сестра, конечно, сразу же уловила главное слово. — Что случилось? Когда ты вернёшься?

Анна коротко рассказала о том, что произошло, с трудом успокоила пришедшую в негодование Нелли, выслушала подробный взволнованный инструктаж о том, что она должна «сидеть в своей комнате и носа на улицу не казать», узнала о том, как было получено разрешение на поездку на Закат, попрощалась с сестрой и задумалась. Теперь она поняла, что смутило её в разговоре с Марией Михайловной.

Глава 33. Странности

Матвея Анна еле дождалась. Так и простояла у окна два часа к ряду, представляя, как ему сейчас холодно и одиноко на пустынном северном берегу. Мысли о том, что с ним может что-нибудь случиться, она старалась загонять как можно глубже и от этого страшно устала. С каждой минутой ждать было всё невыносимее. Да ещё и вопросы, которые возникли у неё после разговора с Марией Михайловной и сестрой, не давали покоя...

Когда дождь стих и из-за угла дома вынырнула вдруг высокая фигура в штормовке, Анна чуть не вскрикнула от радости и прижалась лицом к стеклу, давая себе время немного успокоиться. Матвей как раз подошёл к крыльцу Полоцких, на улице раздался топот и резкие хлопки мокрой ткани — Хранитель стряхивал с одежды дождевую воду.

И Анна не выдержала — выскочила из комнаты и слетела по лестнице. Мария Михайловна, которая уже занялась приготовлением ужина, подняла на неё глаза и понимающе улыбнулась. Анне стало неловко, она постаралась чуть притушить волнение в глазах, но сама чувствовала, что получается плохо. Она была рада, что, наконец, вернулся Хранитель. Так рада, что даже скрыть этого не могла. Да и не слишком хотела.

Наконец распахнулась дверь. Со штормовкой в руках вошёл Матвей, увидел Анну и улыбнулся ей.

— Дождь прошёл, — сообщил он, будто это можно было не заметить. — Анна, не хотите сходить на маяк?

— Хочу, — тут же откликнулась Анна, перехватив изумлённый взгляд хозяйки, которая, впрочем, ничего не сказала и только напонила:

— Ужин в семь. Не забудьте.

— Да, Мария Михайловна, спасибо, — поблагодарил Хранитель. — Анна, одевайтесь тогда. Я подожду.

Анна с готовностью кивнула и ушла к себе. Оделась она быстро, ощущая, как сильно бьётся не желающее успокаиваться сердце. Так сильно, что, казалось, это было видно даже через толстый свитер, который натянула Анна поверх рубашки.

Матвей снова натянул мокрую штормовку и стоял у двери. Они вместе вышли на улицу и Хранитель уже привычно взял её за руку, помогая устоять под ударами не стихающего ветра. До маяка они шли в полном молчании. В доме орнитологов было тихо. В двух комнатах горел свет, разгоняя унылую серость надвигающегося вечера. Кур во дворе

Родаковых не было видно, спрятались от ненастья. И Анна вскользь удивилась тому, какая всё-таки разная бывает погода и как она влияет на настроение всех, даже кур. Хотя, конечно, даже тёплый солнечный день не смог бы разогнать её тревогу за Василия. Но мрачный и холодный — определённо усугублял беспокойство.

Хранитель и правда направился к маяку. Анна удивилась и придержала его за руку.

— Может быть, вам стоит переодеться?

Матвей остановился, оглянулся, рассеянно кивнул:

— Да, пожалуй, — и повернул к дому.

В который раз за этот день Анна поднималась по каменным ступеням к крашенной коричневой краской двери. Даже на миг возникло что-то вроде дежавю, из которого её вывел удивлённый голос Хранителя:

— Странно...

— Что? — встрепелась Анна.

— Я был уверен, что закрывал дверь из коридора в комнату.

Анна напрягла память и согласилась:

— Да, закрывали. Мы же вместе были, я видела.

— А сейчас она открыта.

Анна почувствовала, как испуганно сжалось сердце, но она тут же взяла себя в руки. В конце концов, ничего странного в том, что в доме кто-то был, нет. Она уже знала, что на острове не запирали дверей. Никому это, похоже, даже в голову не приходило. Маяк да, по требованию инструкции держали на замке. Но дома — нет.

— Может, кто-то заходил в наше отсутствие? Вас искал, например. Вы же сказали, что будете на маяке.

— Видимо, да. Только непонятно кто и зачем, — пробормотал Матвей. — И вы правильно говорите: я сказал, что буду на маяке. Но не в доме.

— Ну, может, пришли к маяку, упёрлись в закрытую дверь и решили поискать вас здесь?

— Возможно, — кивнул Хранитель, но видно было, что он всё же удивлён и даже встревожен.

Они прошли в дом, Матвей быстро осмотрел всё, заглянул во все комнаты, не заметил никакого беспорядка и повеселел.

— Ладно, у меня, похоже, мнительность разыгралась. Подождите меня, пожалуйста. Я быстро переоденусь и пойдём на маяк.

— Зачем? — спросила Анна.

— Нам нужно поговорить. А там нас точно никто не подслушает.

Анна кивнула и уже привычно опустилась на облюбованный ею стул у большого стола. Да, им определённо нужно поговорить.

Матвей и правда вышел уже через пару минут. Снова с мокрой одеждой в руках. Анна помогла ему развесить и эту под навесом на улице, и они отправились к маяку.

Хранитель отпер дверь маяка, а Анна спросила:

— У вас свои ключи?

— Да. Отец свои носит при себе. У Полоцких и Родаковых тоже по комплекту. На всякий случай.

Они неспешно поднимались по ступеням вверх. Наконец Анна не выдержала и поинтересовалась:

— Кто-нибудь приходил на Северный?

— Нет.

— Может быть, позже придёт?

— Возможно. Но, скорее всего, мы где-то ошиблись. Или этот кто-то видел, как мы прятали лодку.

— Почему вы так думаете? Может, он просто отправится на Северный ночью?

— Не думаю. В такую погоду и днём нелегко ходить. А ночью вообще опасно.

— Ну, есть же фонари.

— А с фонарём он побоится. Свет фонаря здесь будет виден издали. Это большой риск. А днём... днём всегда можно чем-нибудь отговориться. Да даже честно признаться, что пошёл лодку посмотреть. Ну, поддался любопытству. Так это не преступление. А вот ночью этот номер не пройдёт. Так что, думаю, раз, пока было светло, на Северный никто не пришёл, всё же ошибся я, и кто-то увидел наши танцы с лодкой.

Анна вздохнула. Они как раз добрались почти до верха, туда, где несколькими часами ранее Хранитель в бинокль наблюдал за лодкой, и Матвей сел на широкий подоконник, снял очередную, сухую, штормовку, свернул в несколько раз, положил рядом с собой и похлопал по ней ладонью, приглашая Анну устроиться рядом. Эта ненавязчивая забота о её комфорте, тронула чуть ли не до слёз. И Анна, стараясь не показать этого, села и сказала:

— Пока вас не было, я разговаривала с Марией Михайловной.

— И, вижу, что-то узнали?

— Ну, не столько узнала, сколько поняла. — Анна замолчала, собираясь с мыслями.

— И что именно?

— А Владлен Архипович тоже Полоцкий? — вопросом на вопрос ответила Анна.

— Да, — удивлённо протянул Хранитель.

— Это очень странно.

— Почему?

— Потому что Мария Михайловна и в молодости была Полоцкой. То есть, это её фамилия, а не его.

— С чего вы взяли?

— Да она в разговоре упомянула, что в далёкой молодости её начальник хвалил: «Полоцкая, повезло нам с тобой!»

— Странно, — согласился Матвей. — Хотя, может, у него фамилия неблагозвучная, и, когда они поженились, он решил взять её?

— Ага. А ещё может быть, что они однофамильцы, — усмехнулась Анна.

— Это маловероятно, — поддержал её тон Хранитель. — Всё же Полоцкие — не Кузнецовы, не Петровы и не Ивановы.

— Да, а ещё, похоже, дети у них не общие.

— То есть как? Почему вы так думаете?

— А она всё время говорит: мои дети, мои внуки. Не наши.

— Ну, это же и правда её дети и внуки.

— Да, но люди, у которых дети общие, хотя бы иногда, но говорят «наши дети». А Мария Михайловна — нет. Я этого до сегодняшнего дня не замечала. Но сегодня так получилось, что после разговора с ней, позвонила сестре. А та рассказывала мне о моей племяннице. И сказала «наша дочь». Вот тут-то меня и осенило. Мария Михайловна не единожды упоминала о своих близких. Она любит рассказывать о них. Но при этом ни разу

не сказала про них «наши». Ни одного разочка. А ещё они с Владленом Архиповичем спят в разных комнатах и вообще ведут себя друг с другом тепло, но как-то... — Она задумалась. — Как-то уж слишком по-добрососедски, а не как супруги, прожившие вместе много лет. Не приобнимут друг друга, не поцелуют, не приласкают. Ровно, приветливо и без чувств.

Хранитель повернулся к Анне лицом, привалился спиной к оконной нише и задумался.

— То есть вы хотите сказать, что они поженились недавно? И что брак у них фиктивный?

Анна села так же и кивнула:

— Ну да. Думаю, именно так и есть. И мне это кажется странным. Зачем немолодым людям жениться фиктивно? Может, конечно, это мне глупость в голову пришла. Но я от этой мысли никак не могу избавиться. Пока вас не было, и так крутила, и этак. Не могу понять, для чего им это.

— Зато я могу, — задумчиво протянул Хранитель и взял руку Анны в свою. Она не отдернула, хотя сейчас они были не на улице и ветер не толкал её, норовя уронить.

Глава 34. Руки

Анна с трудом контролировала сразу же сбившееся дыхание и глупую улыбку, в которой так и норовили растянуться губы. Одно дело, когда Хранитель поддерживал её на улице, там всё-таки можно было предположить, что им двигали исключительно человеколюбие, желание помочь и хорошее воспитание. Но сейчас успокаивать себя этим было глупо.

Он взял её за руку, потому что хотел этого. А она не отняла её, потому что не хотела. Всё понятно и вполне объяснимо. Но почему так сильно бьётся сердце? Взрослые люди, а она теряется, будто впервые переживает подобное.

Чтобы немного прийти в себя, Анна в очередной раз воспользовалась уже испытанной уловкой, вспомнила о выведенной информации:

— Я узнала у сестры, как она достала разрешение для меня.

— И как же? — заинтересовался Хранитель, но руки Анны не отпустил, наоборот, взял и другую и накрыл обе второй ладонью, как будто пытался согреть. Ощущая тепло его больших рук и чувствуя, что все её мысли сейчас именно в этом соединении их тел, Анна внешне совершенно спокойно, а внутри вся дрожа, начала рассказывать:

— На какой-то конференции Нелли — это моя сестра — познакомилась с коллегой, они даже подружились, переписывались частенько. И, когда Нелли захотела сделать мне сюрприз, она бросила клич по всем знакомым, в том числе и этой женщине. И та сказала, что сможет договориться, чтобы меня пригласили на Закат. Ну, и договорилась.

— Надо же. А вы не спросили у сестры, как зовут эту женщину?

— Конечно, спросила, — даже чуть обиделась Анна и торжественно произнесла: — Булатова Агния Сергеевна. Это полезная информация?

— Полезная, — кивнул Матвей. Его голос показался Анне странным, она посмотрела на него встревоженно. Но Хранитель сосредоточенно изучал вид на залив и молчал. Наконец, он отмер:

— То есть лично в с этой Агнией Сергеевной не знакомы?

— Нет. И даже слышала о ней впервые. Моя сестра — гений общения. У неё какое-то невероятное количество знакомых, и со всеми она поддерживает очень добрые отношения. Мне кажется, если ей понадобится украсть алмаз «Шах», она найдёт исполнителя за пару часов.

— У вашей сестры такие криминальные наклонности? — усмехнулся Хранитель.

— Пока не замечала. Это шутка, конечно. Но факт остаётся фактом. Для моей сестры почти каждый готов на подвиги, причём, на голом энтузиазме, за спасибо. Она человек невероятного обаяния. Против неё невозможно устоять... — Анне было приятно рассказывать о сестре, и, увлётшись, она не замечала, как меняется взгляд Хранителя. И только в последний момент она успела увидеть, как Матвей встал с подоконника и потянул её за собой.

Анна вскинула удивлённые глаза. И тут же Хранитель стиснул её плечи руками, пару секунд подержал так, внимательно, испытующе вглядываясь в её лицо, и с силой прижал к себе, запустив пальцы в волосы Анны. Громко стучали сердца, завывал за толстыми стенами маяка злющий ветер, где-то по Закату ходил человек, чуть не убивший зрителя, далеко внизу бились о камни волны. И Анна дрогнула.

Она несколько месяцев жила с мыслью, что теперь обречена на одиночество. Искать другого плюса, чтобы не по любви, а просто из-за страха остаться одной быть вместе, она не хотела. Рисковать по-настоящему любимым человеком — тем более. Знала, что правильная терапия делает возможными и относительно безопасными отношения плюса и минуса, но всё равно боялась и считала невозможным брать на себя такую ответственность за дорогого человека. И день ото дня приучала себя к мысли, что проживёт всё, что ей отмерено, без любви. Во всяком случае, без взаимной. Наверное, для кого-то это не страшно. Для кого-то, но не для неё.

Анна всегда хотела любви, стремилась к ней, мечтала о семье. И даже в Богдана, как она сейчас понимала, влюбилась потому, что тот почти с первых дней их отношений заговорил о семье. Не случись этой истории с его предательством, она, наверное, всю жизнь была бы привязана к нему и даже счастлива. Во всяком случае, она была в этом уверена, пока не оказалась на Закате, не посмотрела в море с маяка и не встретила этого мужчину. Особенного мужчину, не похожего ни на кого. Теперь-то она была поняла, что до конца жизни не встретит никого, кто сможет сравниться с ним.

А ещё и приговор был отменён несколько дней назад. После полугода ожидания, надежд, сомнений и страха. Да, она, конечно, боялась. Как боятся все, кому довелось пережить такое. И вот теперь — свобода. И огромная, разумеется, конечная, но всё равно долгая жизнь впереди. И весь мир у её ног. Что-то подобное она чувствовала в юности, лет в шестнадцать-семнадцать. Подобное, но не сравнимое по силе. Теперь ей казалось, что она каждой клеточкой впитывает всю красоту этого мира. Или это потому, что она оказалась на Закате? Или оттого, что всего два дня назад, выходя из вод залива, увидела на камне этого мужчину, который сейчас прижимал её к себе так, словно в ней было всё его счастье?

Анна не знала этого, но не стала сопротивляться. Объятия Хранителя невозможно было сравнить с объятиями Дениса, из которых ей сразу же захотелось вырваться. И с объятиями Богдана, при мысли о которых она теперь внутренне передёргивалась. Сейчас она желала только одного — долго-долго стоять вот так, чувствуя, как держат её крепкие сильные руки Матвея. И она тоже не удержалась, обняла его и прижала к себе голову человека, в которого — прав, прав орнитолог Денис, и Мария Михайловна тоже права! — умудрилась влюбиться с первого взгляда. Ну, может, со второго, но определённо не позже.

Так они стояли довольно долго. Анна поймала себя на мысли о том, что ей не нужно привыкать к объятиям Хранителя, как было в начале отношений с Богданом. Как будто его руки были ей знакомы. И даже большего пока не хотелось. Она просто откуда-то знала, что

всё будет. В своё время. И наслаждалась тем немногим, что было пока у них. Хотя как же немногим, если ей хорошо, как не было ещё никогда в жизни?

Внизу хлопнула дверь.

— Эй! — негромко и чуть испуганно позвала Камилла. — Э-эй! Есть здесь кто-нибудь?

Хранитель чуть отстранился, с нежностью и, как показалось Анне, сдерживаемым смехом посмотрел на неё, быстро поправил ей растрепавшиеся волосы, одёрнул куртку и крикнул в лестничный колодец:

— Есть!

— Матвей, это вы-ы? — Голос и шаги звучали гулко.

— Мы-ы!

— Вас там зовут ужинать! И Анну-у! Только я её найти не могу-у!

Хранитель снова посмотрел на Анну. Теперь его глаза определённо смеялись.

— Я её уже нашё-о-ол!

Это прозвучало многозначительно. И от этой многозначительности Анне стало тепло на душе. Нашёл. И она, похоже, нашла.

Глава 35. Ссора

Шаги Камиллы внизу замерли. Пару секунд она молчала, потом неестественным голосом поприветствовала:

— Приве-е-е-ет, Анна-а!

— Привет! — ответила та. Матвей по-прежнему прижимал её к себе и не думал отпускать. Анне стало немного неловко. Но Камилла неожиданно проявила деликатность:

— Ну, тогда вы подгребайте к Полоцким. А я пока пойду искать АнМиха и Дениса.

— АнМиха? — еле слышно повторил Хранитель и снова со сдерживаемым смехом посмотрел на Анну.

— Анатолия Михайловича, — расшифровала она, хотя, конечно, Матвей и сам всё понял. Он ещё ближе притянул её к себе, снова запустил пальцы в волосы и вдруг быстро поцеловал. Анна задыхнулась от неожиданности, а Хранитель уже совершенно невозмутимо поинтересовался у всё того же лестничного колодца:

— А где они? Ну, АнМих и Денис?

— А я не знаю-у! — капризно сообщила Камилла и раздражённо добавила: — Я задание Галины Филипповны выполняла, а в это время эти двое куда-то свинтили.

— Вдвоём?

— Этого уж я точно знать не могу!

Анна посмотрела через перила. Камилла стояла в самом внизу, задирала голову и жаловалась:

— Можно подумать, они мне докладывают!

Анна встревоженно взглянула на Хранителя. Тот покачал головой и одними губами сказал:

— Рановато я ушёл с Северного.

— Ладно, я этих искать! — сердито сообщила Камилла. Хлопнула тяжёлая входная дверь.

— И что теперь делать? — сердце Анны снова стиснула тревога, о которой она почти забыла в объятьях Хранителя Заката.

— Буду думать, — пообещал тот. — Не волнуйтесь. Мы обязательно со всем

разберёмся. — Он подтянул Анну за руку к окну, встал позади неё, обнял, и негромко сказал:

— В пустой маяк, в лазурь оконных впадин,

Холодный ветер дует — и, звеня,

Гудит вверху. Он влажен и прохладен,

Он опьяняет свежестью меня.

Анна замерла, не веря своим ушам. А Хранитель Заката продолжил:

— Остановясь на лестнице отвесной,

Гляжу в окно. Внизу шумит прибой

И зыбь бежит. А выше — свод небесный

И океан туманно-голубой.

Внизу — шум волн, а наверху, как струны,

Звенит-поёт решётка маяка.

И всё плывёт: маяк, залив, буруны,

И мы, и небеса, и облака.

Помолчали. Наконец, Анна с улыбкой сказала:

— Вы заменили два слова. Во второй строчке «осенний» на «холодный». И в последней «я» на «мы». Я знаю это стихотворение Бунина. Учила в институте.

Матвей хмыкнул ей в волосы:

— Мне показалось, что так будет точнее. В соавторы Бунину я не мечу. Просто захотелось вдруг прочесть. На мой взгляд, «На маяке» — одно из лучших его стихотворений.

Анна кивнула:

— Я тоже люблю именно его поэзию. Проза для меня мрачновата. А вот стихи... стихи удивительные.

— Я не так чтобы много читал, — признался Хранитель. — У меня довольно узкая сфера интересов. Море и маяки.

— Даже в литературе?

— В том числе и в литературе.

— Это не узкая сфера, — не согласилась Анна, глядя, как всё темнее и темнее становятся море и небо за окном.

— Я рад, что вы так считаете... — сказал Хранитель. Анне показалось, что он собирался продолжить фразу, но почему-то не решился. Вместо этого он повернул Анну к себе, взял её лицо в жаркие ладони и прижался губами к губам. Теперь не на секунду, как совсем недавно, а надолго. Очень надолго, настолько, что Анна потеряла счёт времени.

К Полоцким они вошли, держась за руки. Анна, правда, на крыльце попыталась незаметно высвободиться, но Хранитель не дал, подождал, пока она поправит волосы и куртку и снова завладел её рукой. Мария Михайловна, разумеется, сразу же это заметила и разулыбалась. Галина Филипповна — тоже.

— Садитесь, ребятки, — указала на два свободных стула хозяйка дома. Конечно же, это были два стоящих рядом стула. Анна хотела малодушно дезертировать и сесть на пустующее место рядом со старшей орнитологиней, но та пророкотала:

— Нет уж, Анечка, здесь будет сидеть мой кавалер. А то кто же станет ухаживать за мной?

Матвей еле слышно фыркнул и отодвинул стул, помогая Анне сесть. И ей вдруг очень захотелось увидеть его не в штормовке, свитере и джинсах, а в морской форме. И чтобы она

сама в вечернем платье...

Раздались шаги, хлопнула дверь с улицы и в дом вошёл Анатолий Михайлович. Анна заметила, что Матвей напрягся и хотел было о чём-то спросить старшего орнитолога. Но его опередила Мария Михайловна:

— Ну что, как там мои дрова?

— Все сложены в сарае, как я и обещал, — браво отрапортовал Анатолий Михайлович.

— Не устали? Всё же вы человек городской, к сельскому труду непривычный. А я вас заставила битый час по хозяйству помогать.

Орнитолог только с улыбкой покачал головой и отправился мыть руки. Анна с Хранителем переглянулись. То есть Анатолий Михайлович всё это время складывал дрова по просьбе хозяйки? Значит, он совершенно точно на Северном не был. Но где же Денис?

Тот заявился, едва его старший коллега успел усестись рядом с Галиной Филипповной и со счастливой улыбкой приступить к ужину. Когда молодой орнитолог устроился напротив Хранителя, тот негромко спросил:

— Где вы были?

— А, собственно, почему я должен вам докладывать?! — неожиданно резко ответил Денис.

Анна похолодела. Камилла с выражением ужаса на лице уставилась на мужчин, а Мария Михайловна попыталась что-то сказать, но была остановлена предостерегающим жестом Матвея. Сам он по-прежнему тихо ответил:

— Потому что вы находитесь на режимном объекте.

Денис молчал, гневно сжимая и разжимая кулаки. Глаза его сузились.

— Слушайте вы, — резко выпалил он. — Насколько я могу судить, вы здесь никто! Занимайтесь своими делами! И не лезьте в мои! Я же не спрашиваю, зачем вы повсюду таскаете с собой Анну! Это личное дело каждого, кто как проводит своё свободное время. Кто-то нахрапом, едва успев познакомиться, устраивает свою судьбу, а кто-то гуляет в одиночестве. Вам вот есть, кого тискать по углам... — Он нехорошо усмехнулся, посмотрев на Анну. — А мне неко...

Денис не договорил. Хранитель резко выбросил вперёд правую руку, схватил орнитолога за воротник рубашки, подтянул к себе и ласково посоветовал:

— Извинись перед девушкой.

Орнитолог хватал воздух ртом, хрипел и вращал глазами. Старшие женщины, сурово поджав губы, молчали. Владлен Архипович попросил:

— Денис, вы бы и правда извинились. Нехорошо это...

— Да уж, — крикнул Анатолий Михайлович.

И тут со своего места вскочила Камилла и звенящим голосом потребовала у Матвея:

— Отпустите его немедленно!

Хранитель перевёл на неё взгляд. Анна с удивлением поняла, что ему, как и ей, почему-то симпатична эта дерзкая, своенравная, разговорчивая девчонка.

— Почему я должен его отпустить, Камилла? — спросил Хранитель. — Разве вы считаете, что мужчина имеет право безнаказанно оскорблять женщину?

— Нет... — растерялась девушка. — Я так не считаю. Он не прав, конечно. Но ему ведь больно!

— Ему не больно. Просто неудобно, — успокоил её Хранитель и снова посмотрел на орнитолога, слегка трянув его:

— Ну!

— Простите, Анна, — прохрипел тот.

Матвей вопросительно взглянул на Анну, та кивнула. Только после этого орнитолог был отпущен и мешком шлёпнулся на свой стул.

— Ты ешь, ешь, мальчик, — подвинула к нему блюдо с пирожками Мария Михайловна.

— Спасибо, я сыт, — сквозь зубы процедил Денис, резко отодвинул стул, встал и вышел, не простившись с собравшимися. Камилла выскочила следом.

Глава 36. После ссоры

Когда за Денисом и Камиллой закрылась дверь, на секунду повисла пауза, но Мария Михайловна тут же взяла себя в руки и, как ни в чём не бывало, принялась привычно хлопотать вокруг своих гостей.

— Маша, сядь, не мельтеши, — распорядился Владлен Архипович. Анна, впервые услышавшая в голосе Полоцкого жёсткие и даже неприязненные нотки, бросила быстрый взгляд на хозяйку. Та опустила глаза, видно было, что она сдерживает обиду.

— Мария Михайловна, сегодня ваши пирожки особенно вкусные, — пришёл на помощь Матвей. — Я всегда не могу остановиться, когда вы их печёте. Но сегодня вы превзошли сами себя. Если я умру от обжорства, виноваты в этом будете вы.

— Ты ешь, ешь, дорогой мой. Тебе сил много нужно, — благодарно улыбнулась ему Полоцкая. Но её муж не пожелал успокоиться:

— А по мне, так начинка пересолена.

— В самый раз, — басовито не согласилась Галина Филипповна, с удовольствием откусив добрую половину румяного пирожка. — Матвей прав. Это чистый восторг. Я отсюда не уеду, меня катер не выдержит. Затонет в водах залива. Я уже как минимум килограмм набрала. А мы здесь надолго. Боюсь представить, что будет в финале нашей экспедиции...

— И мне пирожки очень нравятся! — с энтузиазмом поддержал коллегу Анатолий Михайлович.

В этот момент в кармане штормовки Матвея заиграл телефон. Анна удивилась, узнав песню Челентано «Confessa». До этого, насколько она помнила, он звонил иначе. Хотя, может, это другой аппарат?

Матвей ответил, не взглянув на экран:

— Да!

В наступившей за столом настороженной тишине Анна услышала уже знакомый голос его друга-врача:

— Мэтью, пока всё так же. Не волнуйся.

— Не лучше?

— Нет. Но стабилен. И это хорошо в нашей ситуации. Из комы выведем через пару-тройку дней.

— Спасибо. Я приеду, как только смогу.

— Да, это было бы неплохо. Он тебя любит. Ему важно твоё присутствие.

Анна заметила, как Матвей с трудом сглотнул и на миг закрыл глаза.

— Я приеду.

— Только не рискуй. Утихнет шторм — тогда приезжай. А раньше на порог не пушу! Так что не вздумай! — предупредил друг, и Анна испытала к нему острую симпатию. Она всегда восхищалась настоящей дружбой.

— Василий в медикаментозной коме? — с тревогой поинтересовалась Галина Филипповна, когда Матвей положил телефон на стол.

— Да. Врачи посчитали, что так его организму будет легче.

— Это хорошо. Повезло, что успели довести Васю, — обрадовался Владлен Архипович а Мария Михайловна вытерла повлажневшие глаза уголком красивого яркого фартука, который она надевала, когда готовила. Анатолий Михайлович протянул руку и сочувственно погладил её по плечу.

Анна переводила взгляд с одного сидевшего за столом на другого и не могла поверить, что, вероятно, кто-то из этих людей мог попытаться убить зрителя. Пусть уж лучше Денис. Хотя что могло сподвигнуть на такой страшный шаг его, она и представить не могла. Но всё равно. Пусть лучше он, чем эти славные равнодушные люди.

Матвей под столом нащупал её руку и положил к себе на колено, обтянутое грубой тканью джинсов, осторожно расправил пальцы и сверху прижал своей большой ладонью. В этом движении было столько нежности, что Анна вздрогнула и украдкой посмотрела на него. Он в этот момент с улыбкой поинтересовался у Анатолия Михайловича:

— Непривычно вам здесь, у нас?

— Непривычно, — согласился орнитолог. — Но очень нравится. Изумительной красоты место. Я бы здесь, пожалуй, остался.

— К счастью, у нас не проходной двор, — проворчал Владлен Архипович.

Анне стало неловко за него. Неужели он заметил интерес орнитолога к Марии Михайловне и ревнует? Но это совершенно не вписывается в её теорию о фиктивном браке Полоцких. И как понять раздражение Полоцкого? Может, она всё-таки ошиблась?

Хранитель сжал её пальцы, словно привлекая внимание к тому, что происходило за столом. Анна в ответ слегка надавила ладонью: слышу. И заметила, что Матвей понял её. Невероятно, как быстро они научились тому, что некоторые не умеют и через годы совместной жизни — понимать друг друга без слов.

— Спасибо, Мария Михайловна, — поднялся Матвей и помог встать Анне. — Давайте мы вам сейчас поможем убрать со стола...

— Я помогу! — оживилась задумавшаяся Галина Филипповна. — А вы идите, идите по своим делам.

— Анечка, уже почти совсем темно. Я дом запираю не буду. И свет гасить не стану, чтобы ты в темноте не налетела на что-нибудь и не ударилась, когда вернёшься. — предупредила Мария Михайловна.

— Спасибо, я недолго...

— Благодарю вас, Мария Михайловна, — с чувством сказал Матвей, помог Анне одеться и направился к выходу, увлекая её за собой.

— Куда мы сейчас? — поинтересовалась Анна, когда они снова оказались во власти ветра и опять начинающегося дождя.

— Нам надо поговорить с Камиллой, — решил Хранитель. — Как-то придётся её выманить, чтобы Денис не увязался.

— Вряд ли он горит желанием встретиться с вами после сегодняшнего. Не нужно было. Понятно же, что он задирается и выплёскивал плохое настроение.

— Пусть разбирается со своим плохим настроением не за ваш счёт, — не согласился Матвей.

— Он вообще ведёт себя словно ребёнок. Избалованный переросток. Мне Галина

Филипповна говорила, что он единственный сын немолодых учёных. Свет в окошке. Вот никак вырасти не может. А ведь Камилла и правда в него влюблена. Бедная девочка.

— Главное, чтобы эта бедная девочка не наделала глупостей из-за предмета своей страстной любви.

— Вы что? Вы думаете, что это она?! Ради него?! — поразилась Анна. Сердце сжалось тревога. — Но ему-то зачем?! А её кто толкнул? Или они поссорились, и она сама? Нет. Не может быть.

— Сейчас мы с ней поговорим и, надеюсь, всё узнаем.

— А если она будет запирается?

— Может, — кивнул Матвей. — Нам придётся хорошенько постараться. Но мне кажется, что должно получиться... А вон, кстати, и она...

Камилла и правда была на улице, стояла на крыльце орнитологической станции, кутаясь в куртку. Завидев Хранителя и Анну, она попыталась юркнуть внутрь дома, но не успела:

— Камилла! — окликнул её Матвей. — Подождите! Нам нужно с вами поговорить!

Глава 37. Следы

Стужающиеся сумерки не смогли скрыть паники, появившейся на симпатичном личике Камиллы. Глаза её забегали, губы, как показалось Анне, задрожали. Но она быстро овладела собой и с вызовом поинтересовалась:

— Зачем это? Если вы насчёт Дениса, так он спать лёг. Будить его я вам не позволю...

Анна восхитилась этой задиристой смелостью. Ей всегда нравились люди, не тушующиеся даже перед более сильным противником. Хотя, конечно, они с Матвеем не были врагами этой девочке.

— Пусть Денис спит. С ним мы и завтра поговорим. А пока я хочу знать, Камилла, зачем вы приехали на Закат, — спокойно объяснил Матвей, помогая Анне подняться по крутым ступеням здания орнитологической станции и спрятаться под козырьком от усиливающегося дождя. Встал он так, чтобы закрыть её собой от резких порывов ветра. Анна заметила это и снова ощутила непривычную нежность.

— Работать я сюда приехала, — пробурчала Камилла, успокаиваясь. — Разве не понятно?

Хранитель кивнул, сунул руку в карман и достал оттуда фотографию, которую Анна обнаружила в альбоме зрителя.

— У вас очень красивая бабушка. Клара Клементьевна, если не ошибаюсь. В вашей семье интересная традиция — давать девочкам необычные имена на букву ка.

Матвей не спрашивал, а говорил уверенно, убеждённо. Анна не отводила глаз от Камиллы и заметила, когда та приняла решение. Испуг в глазах девушки сменился деланным равнодушием:

— Ну да, это моя бабушка. И да, она красавица.

— Вы очень похожи на неё, Камилла.

— Благодарю, — светским тоном, хотя и с некоторой долей насмешливости, ответила девушка.

— А мы ведь с вами что-то вроде родственников, — заметил Матвей. Камилла вскинула на него глаза и довольно долго молчала, потом толкнула дверь за своей спиной и пригласила:

— Входите. А то так и околеть недолго от холода.

Хранитель придержал створку и вошёл, только когда Камилла и Анна уже укрылись внутри. Они оказались в довольно длинном коридоре, по обе стороны которого располагались двери. Камилла распахнула ближайшую, дождалась, пока гости войдут, и плотно прикрыла её. В комнате горел свет. Анна увидела большой стол, газовую плиту, пятидесятилитровый баллон газа рядом с ней, несколько старомодных шкафчиков и холодильник «ЗИЛ», который мерно и успокоительно гудел.

— Садитесь, — предложила Камилла. Анна села, Матвей придвинул свободный стул поближе к ней и устроился совсем рядом.

Все молчали. Матвей не торопил Камиллу, давая ей решиться и собраться с мыслями. Наконец она тоже опустилась на стул напротив гостей.

— С чего вы взяли, что я вам родственница? — Камилла говорила грубовато, но Анне казалось, что так она скрывает смущение.

— Мой отец был женат на Кларе Клементьевне. Конечно, наше с вами родство весьма условно. Но вот ваш отец, Камилла, родной сын моего отца.

Анна ожидала возмущения, но Камилла после секундной паузы кивнула:

— Ну да. Я об этом узнала месяц назад.

— Откуда?

— Бабушка рассказала. Вернее, сначала случайно проговорилась о том, что была замужем до деда. Ну, я её и раскрутила. Она пыталась увильнуть, но меня очень сложно сбить с пути, если я чего-то хочу. — Это прозвучало с заметной долей самоиронии, и Анна снова ощутила симпатию к девушке.

— И вы решили приехать на Закат, чтобы познакомиться с родным дедом?

— Да ничего такого я сначала не хотела. А потом услышала об экспедиции, и меня будто что толкнуло. Думаю, почему не съездить? Фамилии у меня с бабушкой и отцом разные. Папа с мамой так договорились, что мальчику дадут отцовскую фамилию, а девочке — мамину. Поэтому я подумала, что просто посмотрю на деда. Понравится — признаюсь, кто я. Не понравится — не признаюсь.

— Ну и? — заинтересовался Матвей.

Камилла посмотрела на него с грустью:

— Да я и понять ничего не успела. Мы ж несколько часов всего знакомы были, когда его... — Она замаялась.

Анна с замиранием сердца ждала нового вопроса Хранителя. Но тот сформулировал его так, что она удивилась, ожидала-то немного другого.

— Как вы думаете, кто напал на отца?

Камилла, видимо, тоже не ждала такого вопроса и какое-то время молчала, сосредоточенно закусив нижнюю губу. Потом задумчиво протянула:

— Да кто ж его знает? Я могу миллион версий придумать. У меня фантазия буйная. Но это всё будет пустыми предположениями.

— И всё-таки?

— Ну, например, я, — ответила Камилла и твёрдо посмотрела на них. Анна снова восхитилась девушкой. Сама она сделала бы точно так же, начала бы с себя.

— Зачем? — коротко спросил Матвей.

— Ну, может, у деда квартира, которую он переписал на меня, к примеру. Или собирался переписать на вас... — Она запнулась и добавила: — Дядя.

Матвей усмехнулся:

— У отца есть квартира, племянница. И он хотел её оформить на меня. Но я отказался. Какое решение он принял в итоге, я не знаю. Может, и на тебя записал. Он знал, что у него есть внук и внучка, хотя его и вычеркнули из вашей жизни.

— А вы узнайте, какое в итоге решение он принял. Может, в этом и дело, — посоветовала упрямица, не пожелав испугаться.

— Хорошая версия, — похвалил Хранитель. Анна в словесную дуэль родственников не вступала, посчитав, что это будет неправильным.

— Тогда я вам сходу ещё десяток подкину. А когда подумаю, добавлю.

— Давай.

— Могли и вы расправиться с отцом, дядя. Из мести, что он обделил вас наследством. Это ж вы нам только что сообщили, что сами отказались. А ну как нет? В наше время квартира — дело нужное и недешёвое.

— Принимается, — кивнул Матвей. — Дальше. — Анна видела, что ему нравится поддразнивать новоявленную родственницу, и понимала, что так он надеется выведать что-нибудь важное.

— Дальше наш АнМих. Он ведь явно влюблён в Марию Михайловну. И, сдаётся мне они знакомы давно. Может, с юности.

— Откуда такая информация?

— Слышала кое-что. — Камилла многозначительно улыбнулась и замолчала, вынуждая задавать ей вопросы. Не на того напала. Хранитель тоже молчал, глядя на неё с улыбкой. Девушка не выдержала первой:

— Он в первый день, после ужина, подошёл к Марии и тихо спросил: «Ты ли это, Маша?» А я случайно рядом была, посуду в раковину ставила. Она ответила: «Я, Анатолий Михайлович».

Анна посмотрела на Матвея, напоминая взглядом, что пришла к такому же выводу, что и Камилла. Хранитель кивнул.

— И зачем Анатолию Михайловичу убивать отца? Я понимаю — устранить Полоцкого. Тот всё же муж.

— Ну, например, ваш отец видел АнМиха с Марией и пообещал рассказать обо всём Владлену. А АнМих испугался....

— М-да, — хмыкнул Матвей. — Эта версия послабее.

— Согласна, — не обиделась Камилла. — Держите следующую: убила Мария, из тех же соображений.

— Всё?

— Не надейтесь. У меня каждый пристроен. Ещё вариант: ударили вы, — Камилла с усмешкой посмотрела на Анну. Та выдержала взгляд и тоже усмехнулась в ответ:

— За что?

— Ну, например, он к вам приставал.

Анна поморщилась. Камилла согласно закивала:

— Да, это, пожалуй, самая слабая версия. Мне сначала и правда показалась, что дед на вас глаз положил. Всё на маяк вас звал. Только вас и никого больше. С чего бы это? А потом приехали вы, дядя. — Она снова усмехнулась, на этот раз менее ядовито. — И я поняла, что дед Анну для вас обхаживал. Не иначе, вас женить хотел.

Рука Матвея, которая уже привычно держала руку Анны, напряглась.

— То есть эту версию отмечаем?

— Да. Как ещё привязать Анну к нападению, я пока не придумала, — призналась Камилла.

— Остались Галина Филипповна, Владлен Архипович и Денис.

— Денис точно не виноват! — с жаром кинулась на защиту любимого Камилла. — Ему уж точно незачем!

Снова телефон запел голосом Челентано. Матвей помрачнел и быстро ответил:

— Да!

— Слушай, Маттео, — раздалось из трубки. — Тут прокурорские приезжали и ещё один мой знакомый спец. Они дядю Васю осторожно осмотрели и сказали, что отец твой то ли с кем-то подрался за несколько часов до того, как получить травму головы, то ли был избит. Судя по следам на теле дяди Васи, человек этот значительно выше него. Я не вдавался в подробности, но это можно определить по направлению ударов. В общем, они наносились сверху вниз, а не вперёд.

— Спасибо, друг, — поблагодарил Хранитель.

— Эта инфа тебе поможет?

— Думаю, да.

— Ну, тады пока, до завтра.

— До завтра.

Матвей положил телефон на стол и посмотрел на Камиллу. Она побледнела.

— Ни один мужчина на Закате не выше отца. И уж тем более — не значительно выше. Кроме Дениса.

— И кроме вас, — не пожелала смириться Камилла.

— И кроме меня, — согласился Хранитель. — Но за несколько часов до нападения на отца я был на Гогланде. И тому есть добрый десяток свидетелей.

Глава 38. Падение

Повисла пауза. Анне казалось, что она слышит мысли Камиллы. Бедная девочка. Угораздило же влюбиться в Дениса. Неужели именно он хотел убить Василия? Но за что? А даже если и не он, то драка была. Василию около шестидесяти. Денис вдвое моложе. И на две головы выше. М-да... Достойно...

Камилла медленно поднялась.

— Я пойду разбужу его.

Матвей встал, взял девушку за плечи и внимательно посмотрел на неё сверху вниз:

— Ты как?

— Хреново, — честно призналась Камилла. — Но есть вещи, которые прощать нельзя. Если это он Василия... деда... То он должен ответить за это.

— А ты? — В голосе Хранителя звучало сострадание.

— А что я? Переживу как-нибудь.

Анна молчала, не зная, что сказать. Не зря ей нравилась Камилла. Потрясающая девчонка ведь. Шелухи наносной много, конечно, но за ней — человек. Как же ей сложно сейчас. А она стоит, усмехается горько, но не жалко. И даже слёз нет в больших глазах.

— Так я пошла? — спросила Камилла у Матвея.

— Иди, — разрешил тот. Но Анна остановила, мягко взяв девушку за руку:

— А кто вас толкнул с причала, Камилла?

Хранитель одобрительно кивнул: правильно, молодец, что вспомнила. Анна невесело улыбнулась ему и снова перевела взгляд на орнитологиню.

Та махнула рукой:

— Это неважно!

Матвей покачал головой:

— Откуда ты знаешь? На маленьком острове подряд происходят несколько странных событий. Вполне вероятно, что они могут быть связаны между собой.

Камилла издала длинный, протяжный вздох, ещё немного помолчала — Анне показалось, что она собирала в кулак мужество, — и ответила:

— Да, собственно, меня не толкали.

— То есть ты сама упала? — не поверил Матвей.

— Ну-у, не совсем сама. Но и не толкали меня. Так, случайность.

— Интересно. — Матвей требовательно посмотрел на племянницу, понуждая говорить.

— Да я сама виновата...

— И в чём же? — не выдержала Анна. Про то, почему Камила солгала ей, сказав, что кто-то напал на неё, она решила спросить позже. Если понадобится.

— Глупая я. И язык за зубами держать не умею, — самокритично призналась Камила. — В этом всё дело.

— И чем же ты так разозлила Галину Филипповну, что она поучаствовала в твоём падении с причала? — Матвей смотрел на племянницу прямо, с лёгкой усмешкой на обветренных губах, но в его глазах по-прежнему светилась симпатия к неожиданно обрётённой родственнице.

— Что-о? — остолбенела Анна. — Галина Филипповна?!

— Но откуда?.. — Камила вспыхнула и виновато опустила голову. Было понятно, что ей стыдно и не хочется отвечать на вопрос Хранителя. Тот, видимо, давая девушке прийти в себя и собраться с мыслями, сначала ответил Анне:

— Да, Галина Филипповна.

— Но откуда вы знаете? — повторила она вопрос Камиллы.

— Я осторожно расспросил всех и понял, что, когда Камила упала в воду, первой на помощь стала звать именно Галина Филипповна.

— Но это ни о чём не говорит, — мягко, стараясь не обидеть Хранителя сомнениями в его правоте, но и не желая соглашаться с недостаточными для неё доказательствами, заметила Анна. — Она могла и правда первой заметить Камиллу в воде. И вряд ли преступник стал бы звать на помощь... — Тут она запнулась. — Хотя...

— Вот именно, — кивнул, догадавшись, какая мысль пришла ей в голову, Матвей. — Преступник мог заметить, что кто-то видел его и Камиллу, или допустить такую возможность. Чтобы отвести от себя подозрения он и решил подстраховаться и позвал на помощь. Даже в этом случае у Камиллы почти не было шансов. Просто повезло, что мы её смогли вытащить. Стечение обстоятельств. Будь Камила чуть менее хорошей пловчихой, не окажись мы поблизости — и всё. Преступник почти ничем не рисковал и мог рассчитывать на благополучный — для него! — исход дела.

Камилла, которая всё это время стояла, переводя растерянный взгляд с Хранителя на Анну, не выдержала:

— Да не преступница она! Я сама виновата!

— В чём?

— Я пристала к Галине Филипповне с глупостями. Она рассердилась и хотела дать мне пощёчину. Я отшатнулась, оступилась и... В общем, я полная дура. И стала дважды дурой, когда сказала вам, Анна, что меня толкнули.

— А зачем вы так сказали?

Камилла замялась, потом снова махнула рукой, мол, двум смертям не бывать, и честно призналась:

— Хотела, чтобы Денис за меня боялся. Чтобы не отходил от меня, охранял. Думала, вы сразу всем расскажете — он и испугается. А вы промолчали.

И опять — в который уже раз! — жалость к глупышке захлестнула Анну с новой силой. Славная всё же Камилла девушка, смелая, откровенная, решительная. И вот угораздило же её так влюбиться в... Анна удержалась, не обозвала Дениса, хотя очень хотела. Вместо этого она ободряюще погладила Камиллу по плечу:

— Я рассказала. Матвею.

— Как показывает жизнь, как раз ему и не стоило говорить, — невесело хмыкнула Анна. — Мой дядя оказался слишком наблюдательным и въедливым.

— Сомнительный комплимент. — Хранитель подбадривающе улыбнулся племяннице и потрепал её по волосам. Она не отшатнулась. — А я не так уж и наблюдателен. Просто предположил.

— То есть я зря раскололась? — Камилла старательно делала вид, что ей море по колено.

— Ты правильно сделала. Расскажешь, чем так рассердила Галину Филипповну? Мне она показалась дамой выдержанной, с чувством юмора да и симпатизирующей тебе.

— Она и правда такая. Просто в этот раз я зашла слишком далеко... В общем, я видела их с дедом у маяка. В первый вечер. Ну, и тупо пошутила. Настроение было хреновое. Просто Галина Филипповна в тот день потащила меня на причал якобы полюбоваться штормовым морем и начала мозги вправлять. «Нельзя так вести себя с мужчинами! Они по натуре охотники, а не объекты охоты!» — очень похоже на старшую орнитологиню прогудела Камилла. — Ну, я и не выдержала. Сказала: «Чья бы корова мычала!» Ну... и ещё много чего. Гадостей всяких про неё и деда. И она не выдержала...

— Весело у вас, у орнитологов. Живенько. С огоньком.

Камилла расстроено взглянула на Хранителя и развела руками:

— Ну да, как-то так.

— А что делали Василий и Галина Филипповна у маяка? — поинтересовалась Анна.

— Да ничего такого. Разговаривали. Но было заметно, что они друг другу... — Камилла замялась. — Ну... нравятся, что ли. Галина Филипповна вообще аж цвела. Да и Василий с удовольствием с ней общался. И даже пригласил наверх подняться. Это когда уже вы ушли, Анна. А я заметила в окно, что вы к Полоцким возвращаетесь. Ну, и решила сходить с дедом поговорить. А там уже Галина Филипповна была. Они сидели на скамейке у маяка. Смеялись.

— Подождите! — вспомнила Анна. — А ведь в тот вечер кто-то приходил к Василию. Я спускалась с маяка и слышала, как он кому-то сказал примерно так: «Не сегодня. Завтра. Всё завтра!»

— Обычные слова. Ничего подозрительного.

— Ну да. Но кто к нему приходил? Когда я вышла, никого не было. Может, именно с этим человеком Василий встретился потом, позже?.. Мне кажется, нужно узнать, кто

именно к нему приходил тогда. Даже, если и не он ударил Василия. То, может, видел или слышал что-то. Вон, Камилла видела Галину Филипповну. И это интересно и даёт почву для размышлений.

— Да, пожалуй, — согласился Матвей.

— Так я пойду будить Дениса? — вспомнила Камилла.

Хранитель посмотрел на неё долгим взглядом, думая о чём-то, потом кивнул:

— Иди. Нужно всё выяснить.

— Только вы его не бейте, пожалуйста... — Голос Камиллы прозвучал жалко.

— Не буду.

И тут Камилла добавила:

— Но если это он...деда, я ему сама вмажу. Мало не покажется!

Глава 39. Неожиданность

Денис вошёл с крайне недовольным видом. Сначала Анна с Матвеем услышали сердитое бурчание в другом конце коридора, потом — демонстративно медленную поступь, сопровождаемую бодрой дробью шагов Камиллы, и, наконец, молодой орнитолог соизволил войти в комнату, где его ждали.

Увидев Матвея и Анну, он театрально скривился:

— Что вам ещё? Я не достаточно униженно просил прощения, не слишком низко кланялся и не лобызал ноги прекрасной сеньоры?

Хранитель молчал и терпеливо ждал, пока Денису надоест куражиться. В этот момент Анна видела в нём именно Хранителя Заката, а не сына зрителя — настолько спокойным и при этом уверенным в себе и в собственном праве задавать вопросы и получать на них ответы выглядел Матвей. На фоне ёрничающего орнитолога он выглядел особенно достойно. Смотреть на Дениса было неприятно. Анна и не смотрела. Так, покосилась осуждающе — и тут же перевела взгляд на Хранителя. И залюбовалась. Он нравился ей так сильно, что даже не верилось; и стоило огромного труда хотя бы немного приглушать этот восторг, который — Анна была уверена — легко читался в её глазах.

Камилла, которая всего несколько часов назад примерно так же смотрела на Дениса, с несчастным видом мялась в стороне. И Анна снова пожалела её. Она знала, каково это — разочаровываться в том, кого ещё совсем недавно считала лучшим человеком на свете.

Матвей тем временем сел за стол и взглядом пригласил остальных присоединиться. Анна и Камилла приняли приглашение. Денис сунул руки в карманы джинсов и какое-то время с презрительным видом качался с носков на пятки, потом соизволил сесть. Вид у него при этом был такой, словно он облагодетельствовал присутствующих.

— Из-за чего вы подрались с отцом? — не стал ходить вокруг да около Матвей. Денис замер, пожевал губы, но всё же не выдержал, спросил:

— Откуда вы знаете?

— Врачи обнаружили следы побоев, нанесённые человеком, рост которого гораздо выше отцовского. На Закате вы такой один.

— Может, он с кем в Кронштадте подрался? — лениво огрызнулся Денис. Анна с трудом удержалась от едкого комментария, а вот Камилла не смогла, возмущённо воскликнула:

— Ну с кем и когда он там мог подраться?! Он же только за нами приплыл, забрал нас и тут же отправился обратно на Закат. Ну не выдумывай, а?!

Матвей развёл в стороны ладони, до этого спокойно лежавшие на столе, мол, сам видишь, приятель, твоя версия не выдерживает никакой критики, и повторил:

— Так из-за чего.

Анне показалось, что Денису стало неловко. Он глянул на Камиллу, потом на Матвея и попросил:

— Пусть она выйдет, и я скажу.

— Вот ещё! — возмутилась Камилла. — Никуда я не пойду!

— Камилла, пожалуйста, — попросил Матвей. Племянница сердито посмотрела на него, фыркнула, даже топнула, но всё же направилась к двери.

— И она тоже, — мотнул головой в сторону Анны Денис.

— Может, и мне погулять? — весело удивился Хранитель.

Камилла нервно прыснула. Денис поджал губы:

— Нет, только им.

Анна поднялась и пошла за Камиллой.

— Спасибо, — тепло произнёс им вслед Матвей.

Когда за девушками закрылась дверь, он поторопился:

— Ну?

— Ваш отец или кто он вам полез не в своё дело. А когда я огрызнулся, дал мне по шее, как мальчишке какому. Ну, я и не стерпел, махнул в его сторону пару раз.

Матвей, сжал зубы и посмотрел на руки Дениса. Костяшки не были сбиты. Значит, драка и правда не была жестокой.

— И в какое же дело он полез?

— Он услышал, как я по телефону разговаривал с... Неважно... В общем, с одной девушкой... Ну, и стал читать мне мораль, что нельзя Камилле мозги пудрить... Можно подумать, это я виноват в том, что она мне на шею вешается.

— Всё?

— Всё. — Денис попробовал выдержать взгляд Хранителя, но не смог, потупился.

— Девушки, вернитесь, пожалуйста! — позвал Матвей.

Камилла вошла с настороженным видом. Анна придерживала её за локоть — боялась, что горячая орнитологиня с разбегу залепит Денису оплеуху. Видимо, того же опасался и Матвей, потому что он подвинул к себе второй свободный стул и похлопал по нему рукой:

— Ками, садись сюда.

Едва девушка опустилась рядом, он приобнял её за плечи и спросил у Дениса:

— А сегодня перед ужином где ты был?

И тут Денис вдруг растерялся, как будто его за стали за каким-то глупым, недостойным взрослого человека делом. Он несколько раз похлопал глазами, потом смущённо хмыкнул:

— Да я это, по следу пошёл.

— По какому следу? — насторожился Хранитель.

— Ботинок. Я решил перед ужином пройтись по берегу. Влево от маяка. И вдруг увидел следы. А дождь только закончился. Значит, следы были свежими. А все были здесь, на станции или у Полоцких. Ну, кроме вас. Но вы к маяку направились, я видел. А следы я обнаружил дальше, гораздо дальше. И мне вдруг пришло в голову, что на Закате может быть ещё кто-то, кроме нас восьмерых. И, может, этот кто-то и хотел прихлопнуть Василия.

— Исключено, — отрезал Хранитель. — Сюда просто так не попадёшь. Закат находится в той части Залива, где свободное передвижение запрещено. Только с разрешения

соответствующих служб.

— Но ваши-то, аборигены-то, передвигаются. И, как я понял, безо всякого разрешения.

— Они — особая категория. На них общие правила не распространяются.

— На вас тоже, — напомнил Денис.

— Да, и на меня.

— Так, может, это кто из вас сюда привёз чужака! — Недобрая усмешка искривила губы Дениса. — Вас же не шмонают. Мало ли кто и что привезёт.

— Здесь все друг у друга на виду. Когда кто-то возвращается из Кронштадта, остальные помогают разгружать катер. Как в таких условиях спрячешь человека?

Анна нахмурилась и негромко поинтересовалась:

— А что, к Закату можно пристать только здесь, у причала?

Хранитель задумался и через полминуты покачал головой:

— Нет, есть ещё небольшая бухта с другой стороны. Но это опасно. Звук катера могут услышать остальные.

— А если заглушить мотор далеко и подойти на вёслах. Или это нереально?

— На катере — нереально. А вот если на моторной лодке... — Хранитель тоже помрачнел. — На чём встречал вас отец?

— На катере, — с готовностью отрапортовала Камилла.

— А после этого кто-то уплывал с Заката?

— Нет. Во всяком случае, я не слышала и не видела.

— И я тоже, — согласилась Анна.

— И я, — поддакнул Денис, довольный, что внимание собравшихся переключилось с него на возможного чужака.

— И как далеко ты по следам дошёл?

— Да метров сто-двести, не больше. Потом камни начались. Ну и...

— Значит, так. — Хранитель встал. — Сейчас мы с Анной уйдём за Галиной Филипповной и Анатолием Михайловичем и проводим их сюда. Вы проследите, чтобы на ночь дверь заперли, и закройте ставни. Они здесь есть на всех домах, в сильные ветра их закрывают. Скажете коллегам, что это моё распоряжение. До утра никому со станции не выходить и даже утром поодиночке никуда не отправляться. Ясно?

— Ясно! — тоненько отозвалась Камилла. Было заметно, что ей страшно.

— Всё понял, — буркнул Денис. И Анна с удивлением поняла: он перестал изображать из себя баловня судьбы и даже внешне подобрался, стал серьезнее. При этом не запаниковал, а вместо этого сказал:

— Ками, ты оставайся, я пойду ставни закрою. Не бойся, я рядом.

Матвей, пряча улыбку, посмотрел на Анну и пожелал:

— Спокойной ночи.

— И вам тоже! — по-прежнему встревоженно отозвалась Камилла.

На крыльце, когда за ними закрылась дверь орнитологической станции, Анна спросила:

— Вы специально их напугали, чтобы Денис вспомнил, что он мужчина, и позаботился о Камилле?

— И это тоже, — согласился Хранитель. — Но история пока непонятная, тёмная. Поэтому сегодня вы будете ночевать у меня.

— Как вы себе это представляете? — оторопела Анна. — Что я скажу Полоцким? Чтс

они обо мне подумают?!

— Это предоставьте решать мне. Пока нет отца, в экстренных ситуациях руковожу я. А сейчас именно такая ситуация.

Глава 40. Ночь

К облегчению Анны, в дом маячника она перебралась не в одиночестве, а вместе с Полоцкими. Хранитель просто сказал им, что появилась необходимость держаться всем вместе. Мария Михайловна встревоженно посмотрела на него, но ничего не спросила, видимо, считая, что Матвей вправе отдавать указания, а остальные обязаны слушаться его. Владлен Архипович попытался расспросить что к чему, услышал в ответ:

— Всё завтра, — и внешне безропотно отправился собирать необходимое для ночёвки в чужом доме.

К маяку шли под проливным дождём, освещаемые частыми молниями, пронзавшими небо до самого продолжавшего бушевать моря. Они были такими яркими, что даже сильный луч маяка время от времени терялся в их белом ослепляющем свете. Но Анну пугала не разошедшаяся стихия, а мысль о том, что по Закату бродит чужак, оказавшийся здесь неизвестно как и непонятно с какой целью. Страх не был всепоглощающим, но всё же беспокоил, мешал чувствовать себя в безопасности, как в первый день пребывания на острове.

Пригласив гостей в дом, Матвей прошёл вокруг и закрыл все ставни. Анна зажгла свет и помогла Марии Михайловне снять мокрый плащ. Владлен Архипович стянул куртку, повесил её на натянутую над ванной верёвку и спросил:

— А где мы будем спать? Комнат-то всего две.

— Вы с Марией Михайловне ляжете в комнате отца, — распорядился Матвей. — А Анна — во второй.

— Давай-ка лучше я с Анной лягу, — предложила Полоцкая. Анна тут же напряглась, ожидая, как женщина объяснит своё нежелание ночевать вместе с мужем, и посмотрела на Хранителя. Тот тоже насторожился. Но объяснение прозвучало вполне невинно:

— А то Владлен сильно храпит. А я спать не могу. Буду потом весь день разбитая.

Матвей кивнул:

— Если Анна не против, то пожалуйста.

— Нет, конечно.

— А ты? — всполошилась Полоцкая. — Ты-то сам где ляжешь?

— А я здесь раскладушку поставлю.

— Матвей-Матвей, снова ты обо всех заботишься, а себе трудности создаёшь.

— Ну, не такая уж это трудность — поспать пару ночей на раскладушке.

Он показал женщинам, где взять постельное бельё, а сам принёс из кладовки раскладушку и принялся стелить себе. Зайдя в выделенную им с Марией Михайловной комнату, Анна поняла, что будет спать через стену от него — раскладушка стояла точно так же, как её кровать, разделяла их только кирпичная перегородка.

Вскоре в доме маячника стало тихо. Владлен Архипович то ли не спал, то ли лежал не в том положении, но храпа пока не было слышно. Мерно дышала на своей кровати Мария Михайловна. А Анна всё мучилась без сна, представляя, как всего в нескольких сантиметрах от неё, за стеной лежит Хранитель Заката, мужчина, о котором она уже просто не могла

перестать думать.

Анна жила в мире, где всё было по-другому, где мужчины нередко забывали о том, какими их создал Господь, где женщинам приходилось быть сильными. Или наоборот — женщины забывали, какими их создал Господь, а мужчины подстраивались и переставали быть сильными. Анна не знала, что первично — заблуждение женщин, решивших, что они хотят быть подобными мужчинам, или ошибка мужчин, предоставивших им эту возможность и отошедших в сторону. Но возникший перекося уже давно беспокоил её, заставляя чувствовать: происходит что-то не то. Сестра Нелка на это говорила:

— Мудрая женщина всегда найдёт возможность показать своему мужчине, что без него не проживёт. Вот ты думаешь, я сама дырку в стене не просверлю, к примеру? Да легко. Сейчас такая техника, что даже сил особых не нужно. Перфоратор, конечно, штука тяжёлая, но не настолько, чтобы я его не удержала. Только для чего я буду это делать? Чтобы доказать мужу, что проживу и без него? Я-то проживу, конечно. Но зачем мне такая жизнь без него? Я его люблю и хочу прожить с ним до конца.

А сейчас некоторые женщины порываются всё делать наравне с мужчинами, а потом удивляются, что те на диванах лежат. Правильно мотивированный мужчина чувствует себя хозяином положения и готов на подвиги. Зато мужчина, рядом с которым живёт жена, которая и сама всё может, постепенно теряет желание делать хоть что-нибудь. А мужчины созданы охотниками и защитниками. Им нужен не свой парень, а женщина, о которой хочется заботиться.

Анна смотрела на сестру и её мужа и понимала, что Нелли, пожалуй, права. Решительная и самостоятельная от природы, рядом с Михаилом Нелли становилась мягче и спокойнее. Поначалу Анне казалось, что сестра ломает себя ради мужа, подстраиваясь под него, а потом поняла — нет, пожалуй, становится самой собой. Нелли подтвердила это впечатление:

— Да я вообще уже не представляю, как жила без него. Мне кажется, что настоящая я — только рядом с Мишкой. Будто мы дополняем друг друга.

Смотреть на них было приятно, и Анна частенько ездила в гости к сестре, в том числе и за тем, чтобы убедиться в том, что есть, есть счастливые семьи. Сама она рядом с Богданом не чувствовала себя на своём месте, ей хотелось что-то доказывать ему, спорить по мелочам и демонстрировать свою независимость. В очередной раз побывав в семье Нелли, она понимала, что происходит что-то не то, но утешалась тем, что они с Богданом ещё не привыкли друг к другу.

Теперь она понимала, как ошибалась. За стеной спал человек, которого она знала двое суток и рядом с которым ей не хотелось ничего доказывать и ничего демонстрировать. Зато хотелось слушать его, смотреть на него и просто быть вместе с ним. И это желание теперь казалось совершенно естественным. Как будто так и должно было быть.

Скрипнула за стеной раскладушка. Раздались тихие шаги. Анна напряглась, понимая, что больше всего хочет встать и пойти туда, к Хранителю. Ей казалось, что и она нужна ему так же, как он нужен ей. Мария Михайловна не двигалась и дышала ровно, мерно. Анна села — тишина. Полоцкая не пошевелилась. И Анна больше не смогла и не захотела бороться с собой. Накинув на рубашку кофту, она приоткрыла дверь.

В соседней комнате горел торшер. Хранитель сидел за столом и о чём-то думал. Увидев Анну, он улыбнулся и шепнул:

— Не спишься?

— Нет.

— Тогда присоединяйтесь к клубу полуночников, если хотите, конечно. Правда, пока он малочисленный.

— Это меня не смущает. — Анна села напротив него и тоже улыбнулась.

Закрытые ставни создавали странное ощущение оторванности от мира. Гремел за стенами гром, стучал по крыше дождь, неистовствовал ветер, но не было видно всполохов молний, потоков дождя по стеклу и сгибающихся чуть не до земли веток деревьев. И от этого казалось, что остальной мир где-то далеко. А здесь, в доме, только они вдвоём. Хранитель Заката и случайная гостя этого острова, застрявшая на нём из-за непогоды.

Хранитель протянул руку и накрыл ей ладонь Анны, прижал к тёплому дереву стола. Помолчали. Потом Анна спросила:

— Это плохо, что на острове чужак?

Матвей вздохнул:

— Это очень плохо. Это даже хуже того, что кто-то напал на отца. Потому что до появления следов я надеялся, что просто случилась ссора, состояние аффекта — и в результате пострадал отец. Ну, как между Галиной Филипповной и Камиллой. Глупо, опасно, но без злого умысла. Но если на острове чужак, значит, кто-то помог ему сюда добраться. И значит, среди нас предатель.

— Даже так? — Слово было непривычным, пришедшим из старых книг и фильмов про войну.

— Здесь другой мир, Анна. Здесь рядом граница. И любой, кто нарушает правила, скорее всего не дурак, а именно предатель. Человек, проникший сюда незаконно, не может иметь безобидных целей. Если это фотограф, который хотел поснимать Закат, или романтик, решивший отдохнуть на почти необитаемом острове, или исследователь, желающий узнать что-то новое, он мог оказаться здесь совершенно легально. Как вы или орнитологи, например.

Но этот человек предпочёл сделать всё тайно. И это не даёт мне права надеяться на его добрые намерения. Что-то ему нужно на Закате. И кто-то из островитян помог ему оказаться здесь.

— Вы что, хотите сказать, что это шпион?! — Анне казалось, что она выпала из реальности и попала в какой-то фильм.

— Ну, это маловероятно. Настоящие шпионы гораздо осторожнее. Скорее, здесь какой-то криминал. И это плохо.

Вот теперь Анна испугалась по-настоящему, так сильно, что даже сердце замерло. Дс этого, после признания Камиллы, что на неё никто не нападал, ей казалось, что Хранитель всё же немного преувеличивает опасность, может быть, даже использует ситуацию в своих целях, например, чтобы впечатлить саму Анну. Но сейчас она поняла, как ошибалась. На острове, который был сейчас отрезан от остального мира, появился чужак, намерения которого не ясны, но совершенно точно не безобидны.

— Так вы думаете, что это он ударил Василия?

— Он или тот, кто ему помогает.

— И что нам делать?

— Дождёмся рассвета и пойдём искать чужака.

— Вы знаете, где он может быть?

— Предполагаю.

— Вы возьмёте меня с собой?

— Вас — нет. Возьму Дениса. А вы останетесь на безопасном расстоянии и будете снимать всё на камеру. У нас должны быть доказательства. А сейчас идите спать, Анна.

— Вы меня разбудите?

— Обязательно.

Анна благодарно кивнула и поднялась. Хранитель тоже встал, подошёл к ней, крепко прижал к себе, обеими руками, обхватив её голову. Анне стало очень страшно за него. Она отстранилась, поднялась на цыпочки и неожиданно для себя перекрестила Хранителя. Он перехватил её руку и прижал к губам. Анна горько улыбнулась и призналась:

— Я боюсь за вас. Может, не будем ничего предпринимать, дождёмся улучшения погоды и приезда специалистов? Это же их работа.

Матвей покачал головой:

— Это и моя работа тоже, Анна. Я офицер. И вам придётся привыкнуть к этому.

— Привыкнуть?

— Ну, вы же пока не отказались стать моей женой. — Хранитель усмехнулся. — И я тешу себя надеждой и жду вашего решения.

Глава 41. Рассвет

Серенькое невзрачное утро началось с шагов за стеной. К своему удивлению, после ночного разговора с Матвеем Анна смогла уснуть, и из забытья её вырвали именно эти лёгкие шаги. Наверное, всё дело было в том, что совсем рядом ходил Хранитель, о котором она в последние дни думала почти не переставая.

Мария Михайловна по-прежнему то ли дремала, то ли тихо лежала. Анна поднялась, взяла одежду и выскользнула из комнаты, чтобы не потревожить её.

Хранитель как раз только вышел из ванной. Лицо его было чисто выбрито, мокрые волосы стояли коротким смешным ёжиком. Анна, которая не очень понимала повальную моду на бороды, в душе порадовалась тому, что Матвей не бородач. Наверное, на Закате это выглядело бы очень колоритно, но совершенно не в её вкусе.

— Завтрак готов, — сообщил Хранитель шёпотом.

— Да я могу вообще не есть.

— Нет уж, неизвестно, когда мы потом сможем подкрепиться. Поэтому соблаговолите позавтракать, сударыня.

— Тогда я сначала в ванную. Я быстро. Только не уходите без меня.

— Не уйду.

Анна вернулась через пару минут. Было совсем рано, чуть больше четырёх утра, но ей казалось, что Хранитель не хочет сообщать Полоцким о своих планах и намерен отправиться на поиски чужака как можно раньше.

В итоге, быстро выпив кофе с бутербродами, они вышли из дома, когда ни Владлен Архипович, ни его жена ещё не встали. На плече Хранителя висел какой-то длинный чехол. Было заметно, что его содержимое довольно весомо. Анна решила, что это оружие и испытала смешанные чувства: его наличие и успокаивало, и пугало одновременно. В коридоре Матвей посмотрел, хорошо ли одета Анна, уже привычно поправил ей капюшон и затянул завязки.

— Пойдём.

После тепла дома на улице показалось особенно промозгло и неудобно. Анна поёжилась

и спросила:

— Куда нам?

— Сначала за Денисом. А уже с ним — на поиски. Он сказал, что видел следы левее маяка. В той стороне есть одно место, где вполне может прятаться человек.

— В лесу?

— Нет. Здесь лес чистый, почти без подлеска. В таком не спрячешься, видно далеко. Зато у нас имеются сохранившиеся укрепления времён войны. Они заброшены, но не разорены. Маячники всегда приглядывали и за ними тоже. Это для островитян своего рода памятники.

— Здесь шли бои? — не поверила своим ушам Анна. В голове не укладывалось, что и в этом тихом, оторванном от цивилизации месте тоже была война. От мысли об этом она даже поёжилась. Хранитель посмотрел с сочувствием:

— Шли. Особенно на Гогланде. Но и здесь наши войска обустроили несколько укреплений. На всякий случай.

— Так, может, сюда пробрался кто-нибудь из чёрных копателей?

— Всё может быть, конечно. Но вряд ли. Они тоже не дураки. Знают, что на острове действующий маяк и, значит, живут люди. А маячники — особая каста. Среди них равнодушных не бывает. Так что надеяться остаться незамеченными глупо. Да и нет здесь ничего. Уже давно всё изучили и, что можно было, нашли. Сначала я. В детстве. А потом уже и специалистов сюда приглашали.

Подожли к станции орнитологов. Хранитель тихо обогнул её в стороне от крыльца и стукнул в деревянный щит, закрывавший одно из окон. Сначала было тихо, потом встревоженный голос спросил:

— Кто там?

— Это мы с Анной, — успокоил Матвей. — Одевайся удобнее и выходи. Можешь сунуть что-нибудь в рот, мы подождём.

Но Денис вышел совсем скоро и выглядел крайне обеспокоенным.

— Что случилось?

— Мы идём искать твоего чужака. Ты пойдёшь с нами.

Анне показалось, что Денис дрогнул и сейчас откажется от участия в опасной затее. Но он закивал с готовностью:

— Хорошо. Я пойду. Что нужно взять с собой?

— У тебя хорошая камера на телефоне?

— Да.

— Возьми его. Анна будет снимать задержание, если ты не ошибся и чужак на острове всё же есть.

— Я не ошибся. — Денис хотел обидеться, но передумал и спросил: — А что буду делать я?

— А ты будешь меня страховать.

Глаза Дениса полезли на лоб. И Хранитель человеколюбиво успокоил:

— Твоя помощь понадобится в крайнем случае. В самом крайнем. Только если я не справлюсь.

Денис глухо проворчал что-то нечленораздельное. Анне стало ещё страшнее, и она сунула свою руку в ладонь Хранителя, тот сжал её и погладил большим пальцем, ободряя.

— Но я справлюсь, — пообещал он не столько Денису, сколько Анне. И она сделала

вид, что успокоилась. Заставлять его волноваться ещё и за неё она не хотела.

— Может, всё же не пойдёте? — спросил Хранитель, когда они снова шли мимо дома зрителя, направляясь к тому месту, где Денис видел следы.

— Пойду, — помотала она головой и решительно зашагала в указанном Денисом направлении.

Они цепью шагали по берегу, внимательно вглядываясь в песок. Но дождь и прилив старательно вылизали его. до полной нечитабельности. Денис махнул рукой в сторону груды камней:

— Следы дошли до вот этого места.

— То есть он удалялся от моря? Шёл от линии прибоя вглубь?

— Да.

Хранитель кивнул.

— Это то место, о котором вы думали? — спросила Анна.

— Да. А теперь идите все сюда.

Они спрятались за камнями, и Матвей распорядился:

— Анна, через десять минут после того, как мы уйдём, вы встанете вон на тот валун. Только на него. Оттуда будет всё хорошо видно, но при этом вы будете защищены другими камнями от выстрелов.

Анна испугалась, но позволила себе только твёрдо кивнуть. Нельзя перетягивать внимание на себя. Хранителю сейчас не до её страхов. Он и так заботится о ней, как может.

- Стойте спиной к морю, смотрите во-о-он туда... — Хранитель подошёл к ней со спины, взял ладонями её лицо и чуть повернул, указывая направление. В этом движении было мало необходимости, можно ведь и рукой указать или за плечи повернуть, но зато было много нежности и ласки. Анна замерла, желая, чтобы мгновения эти тянулись как можно дольше. Но Хранитель уже отпустил её, хотя и стоял по-прежнему близко, и велел: — Денис, дай Анне свой телефон...

Орнитолог послушно вытащил из кармана новый смартфон и сунул Анне в руку.

— Там ничего сложного. Всё, как везде, — пояснил он. — Включите заранее. Памяти хватит.

— Денис, ты пойдёшь за мной. Ничего не говори, иди тихо. Спрячешься там, где я покажу. И смотри в оба. Если увидишь, что я не справляюсь, возьми вот это, — Хранитель сунул что-то в руку орнитологу. — И стреляй в воздух.

— Что это?

— Ракетница. Но грохочет так, что может испугать. Да и сигнальная ракета может ввести нашего чужака в заблуждение. Он решит, что у нас есть подмога. Так что будь готов.

— А если?... — Денис осёкся.

— Никаких если не будет. Вариантов больше нет. Шторм начинает стихать. Ещё немного — и можно будет рискнуть уйти с Заката. А я не могу допустить, чтобы этот человек, кто бы он ни был, смог сбежать... Всё поняли?

Денис с Анной кивнули. Хранитель подошёл к Анне и мягко, совсем другим тоном попросил:

— Повторите, пожалуйста, ещё раз то, что сделали дома.

Анна тут же поняла его, заметила, как округлились от любопытства глаза Дениса, но опять поднялась на цыпочки и медленно перекрестила Хранителя, с нежностью глядя на него. И он снова перехватил её руку и поднёс к губам:

— Спасибо. Всё будет хорошо, Аня.

— Всё будет хорошо, — отозвалась она и решительно забралась на указанный Хранителем валун, стараясь выглядеть уверенной, собранной и готовой к неожиданностям.

— Через десять минут, — напомнил Матвей.

Анна посмотрела на время:

— В четыре тридцать две.

Хранитель кивнул, весело, как будто отправлялся на какое-то лёгкое и приятное дело, улыбнулся и зашагал вглубь острова. Денис быстро подошёл к Анне и попросил:

— И меня перекрести.

Она удивилась, но перекрестила его и потрепала по голове, как непутёвого, но в сущности доброго родственника. Чувствовала она себя в этот момент, примерно как Мэри Грант, провожающая в путь, полный опасностей, отважного капитана Джона Манглса и младшего брата Роберта. Правда, ей до сих пор не верилось в то, что происходящее — реальность, а не странный и беспокойный предутренний сон.

Десять минут длились бесконечно. Анна вся уже извелась и в итоге включила камеру на пару минут раньше. Небо постепенно светлело, хотя и оставалось по-прежнему серым, но всё же серость эта была теперь менее интенсивной и густой. В указанном направлении ничего не происходило. Хранитель и Денис уже давно скрылись из виду. И оставалось только надеяться, что она не ошиблась и снимает именно тот квадрат, на который ей указал Матвей. Когда она уже стала в этом сомневаться, наконец, увидела, как Хранитель вынырнул из-за большого камня, выпрямился в полный рост, помахал ей успокаивающе и осторожно спрыгнул куда-то, снова исчезнув из виду. Анна одной рукой держала телефон, а левой фиксировала подрагивающую от страшного напряжения правую. Сердце рвалось из груди, мешая дышать. И она шептала жалко и беспомощно одно только слово:

— Пожалуйста... Пожалуйста. Пожалуйста!

Глава 42. Чужак

До Анны донеслись крики, грязная ругань, грохот. И, наконец, между камней показалась сначала голова Хранителя, потом его плечи. Он выбирался с видимым трудом, вытягивая за собой что-то или кого-то тяжелого. Показался из-за валунов Денис, подбежал к Хранителю и стал помогать. Вдвоём они вытянули какой-то тёмный куль, повалили его на камни. Анна снимала на максимальном приближении и только поэтому поняла, что куль — это человек. Матвей оглянулся и опять махнул Анне. Теперь уже не успокоительно, а радостно. Она вытянулась в струнку, помахала в ответ, выключила камеру и запрыгала с валуна на валун, торопясь к нему.

Заметив это, Хранитель что-то сказал Денису и пошёл навстречу Анне. Она добежала до него и прижалась лицом к прохладной ткани штормовки, шепча:

— Всё? Уже всё?

— Всё. Он крепко спал и не ожидал, — кивнул Матвей. — Всё позади. Получилось даже лучше, чем я рассчитывал.

Чужой страшный человек лежал на камнях и злым, ненавидящим голосом шипел проклятья. Руки его были связаны за спиной крепким шпагатом. Денис с видом победителя стоял рядом и при каждом витиеватом ругательстве возводил глаза к небу то ли возмущённо, то ли в восхищении.

— Хватит, — перебил поток брани Хранитель, наклонился, схватил чужака за шиворот и поставил на ноги. Тот снова ругнулся и с ненавистью в глазах сплюнул прямо под ноги Хранителю. Анна не сдержалась и отступила: грубый, обозлённый человек пугал её.

— Идите за мной, — распорядился Хранитель. И Анна с готовностью спряталась за его широкую спину, сразу почувствовав себя лучше.

— Держи телефон, спасибо, — поблагодарила она Дениса. Тот пообещал:

— Я видео скину, когда вернусь на станцию.

— Да уж, скинь, — велел Хранитель. — Анна, продиктуйте Денису ваш номер пожалуйста. А потом вы мне перешлёте. Свой номер я вам дам.

Денис снова закатил глаза с видом матроны, осуждающей нравы молодёжи.

— Дэн, ты там не изображай из себя святошу, — не то заметил, не то догадался Хранитель. — Лучше вспомни о воспитании и помоги Анне идти по камням.

Денис сердито фыркнул, но закатывать глаза перестал и руку Анне протянул. Она подавила улыбку и с благодарностью приняла помощь. Хотя, если на чистоту, предпочла бы, чтобы её поддерживал Хранитель, а не орнитолог.

До маяка добирались, разумеется, дольше, чем от него до укрытия чужака. Идти, подталкивая перед собой упирающегося человека да ещё и помогая ему не спотыкаться о камни, оказалось нелегко. Но всё же было чуть больше пяти часов утра, когда все они, возбуждённые и испытывающие огромное облегчение, ввалились в дом зрителя.

На шум почти сразу же выглянула Мария Михайловна, ахнула и нырнула обратно в комнату, чтобы через минуту выйти из неё уже полностью одетой и готовой к исполнению обязанностей временной хозяйки дома.

— Владлен! — постучалась она в соседнюю дверь. — Владлен! Выходи! Матвей пришёл!

Чужак, которого Хранитель посадил на стул, исподлобья смотрел на неё тяжёлым недобрый взглядом.

— Владлен! — снова звонко хлопнула ладонью по деревянной створке Мария Михайловна, но ей никто не ответил, и она распахнула дверь и заглянула в комнату. Там было пусто.

— А где Владлен? — изумилась Мария Михайловна. Анна пожала плечами.

— Да сбежал ваш Владлен! — сквозь зубы буркнул чужак и нехорошо усмехнулся. — Понял, что дело пахнет керосином, — и сбежал.

— Ну, сбежать он ещё не мог, — не согласился Хранитель, мотнул головой, веля Денису смотреть за чужаком, сам прошёл в угол, поднял крышку люка, которую только сейчас заметила Анна, и распорядился:

— Полезай-ка, любезный, туда, посиди немножко, пока мы с другими делами разберёмся.

Чужак возмутился:

— Да кто вы такие, чтобы человека — и в погреб!

— Этот человек совсем недавно обитал в гораздо менее комфортных условиях, — заметил Хранитель, не отвечая на вопрос, вернулся к чужаку, крепко взял его за локоть и повёл к погребу. Тот, хотя и бурчал что-то себе под нос, сопротивляться всё же не стал и покорно спустился в лаз.

Матвей закрыл крышку, поставил на неё стул и велел Денису:

— Сиди здесь и никуда не отлучайся.

— Я ему помогу, Матвей, если нужно будет, — пообещала Мария Михайловна. Хранитель коротко кивнул и направился к выходу. Анна поспешила за ним. Уже в дверях он обернулся и спросил у Полоцкой:

— Где он может быть?

— Я не знаю. В море вряд ли вышел. Он трусоват. А шторм только начал утихать. До штиля ещё далеко. Может, домой вернулся за чем?

— Вы не слышали, как он ушёл?

— Нет. — Мария Михайловна выглядела виноватой и расстроенной.

— Владлен Архипович в последнее время ходил в город на моторке?

Полоцкая задумалась на миг и кивнула:

— Да, за день до приезда гостей. Сказал, что у него дела в Кронштадте, вызвался продукты привезти, хотя Василий ему говорил, что скоро сам в город поедет, и предлагал не мотаться. Но он взял моторку и уехал.

— Один?

— Да.

— А кроме него кто в последнее время пользовался моторкой?

Мария Михайловна порылась в памяти и отрицательно покачала головой:

— Никто. Василий предпочитает катер. Родаковы в отпуске. Да и когда они здесь, Сергей реже всех в городе бывает. А если и бывает, то обычно с Василием. Так что только Владлен моторкой пользуется.

— В последний раз он привёз что-нибудь?

— Так, немного продуктов. Буквально пару-тройку сумок.

— Вы видели, как он вернулся?

— Да, ещё помогла ему сумки таскать.

— Кроме них, в лодке больше ничего не было?

— Нет.

— А вёсла?

Мария Михайловна озадаченно замолчала, потом кивнула:

— Да, вёсла были. Конечно. Мы их всегда в моторке держим. На всякий случай. И в тот раз тоже были, я помню.

— И последний вопрос: как долго вы женаты?

Полоцкая замерла, на её славном лице отразилась буря эмоций, и Анна испугалась, что она сейчас соврёт. Но Мария Михайловна уже взяла себя в руки и мужественно ответила:

— Чуть больше года.

Анна с Хранителем переглянулись.

— Подробности расскажете позже, — потребовал Матвей.

— Да... Конечно... — потерянно пообещала Мария Михайловна. Анне стало очень жаль её, но Хранитель уже распахнул дверь и шагнул за порог, и она поспешила следом за ним.

— Куда мы?

— Сначала проверим причал, потом в дом Полоцких. Нужно торопиться.

— Вы думаете, это Владлен Архипович привёз на Закат чужака?

— Почти уверен.

— Но зачем?

— Пока не знаю. Спросим у него.

Они шли быстро, Анна почти сразу запыхалась и замолчала, чтобы хотя бы немного выровнять дыхание. Хранитель оглянулся и взял её за руку, помогая идти.

Пустой причал они увидели издалека. Ни на нём, ни поблизости никого не было. Хранитель тут же сменил направление движения и стремительно зашагал к дому Полоцких. Когда подошли совсем близко, он прижал палец к губам Анны, призывая молчать, и, оставив её во дворе, за крепким сараем, шепнул:

— Войдёте в дом, только когда я позову. До этого стойте здесь.

— Но...

— Никаких но. Он может быть вооружён. Только когда я позову.

— Хорошо. — И Анна уже сама, без просьбы, снова перекрестила Хранителя. В третий раз за это непростое утро. Он благодарно улыбнулся и отступил от начавшей складываться традиции — сжал её плечи, притянул к себе и поцеловал в губы. Анна взяла в ладони его лицо и чуть отвела от себя, глядя в усталые глаза с болью и нежностью.

— Я буду ждать.

— Я скоро позову, — пообещал Хранитель и прижался лбом к её лбу, постоял так недолго, повернулся, легко и бесшумно взбежал по ступеням крыльца, тихо приотворил дверь и скрылся за ней.

Анна, не в силах бороться с охватившим её ужасом, прижалась спиной к стене сарая и вся обратилась в слух. Шумели волны, мешал прислушиваться к происходящему в доме ветер, и она не выдержала, подошла ближе, встала под одним из окон и слилась со стеной. Больше всего ей сейчас хотелось оказаться там, внутри дома, рядом с Хранителем. Но она понимала, что ничем не может помочь, а думать ещё и о её безопасности в такой момент ему ни к чему. Но как же тяжело ждать. Как невыносимо. Что же так долго?!

Внутри послышался шум, сдавленный крик, голоса. Анна закусила кожу на тыльной стороне ладони, но даже не почувствовала физической боли, так сильны были боль душевная и страх. И снова она шептала:

— Пожалуйста... — обращая свою просьбу к Тому, Кто, по её мнению, только и мог уберечь Хранителя от опасности.

Конечно, Полоцкий немолод и вряд ли силён. Но у него может быть оружие, и он совершенно точно напуган. А загнанный в угол человек способен на многое. И она беззвучно повторяла вновь:

— Пожалуйста... Пожалуйста...

Хранитель позвал Анну, когда сил у неё уже почти не осталось, когда, как ей казалось, прошло невозможно много времени, когда она уже почти потеряла надежду.

— Аня! — крикнул он. И она тут же ожила, кинулась на зов, вихрем взлетела по ступеням и дёрнула на себя дверь.

Хранитель стоял у стула, на котором серым дряблым мешком сидел Полоцкий. Глаза Анны судорожно ощупали Матвея. Тот казался невредимым, только появилась на скуле свежая ссадина.

— Матвей?

Он протянул руку и улыбнулся:

— Иди ко мне.

Дважды звать не пришлось. Анна стремительно преодолела пару метров, разделяющие их, и прильнула к нему, Хранитель притянул её к себе и прижался губами к волосам.

Полоцкий посмотрел на них и отвернулся.

Глава 43. Полоцкие

Полоцкий сидел на стуле, а у его ног лежала большая сумка, из которой выглядывали в спешке набросанные вещи. Выглядело это почему-то так, словно сумке вспороли брюхо. Анна отвела взгляд и поёжилась. Хранитель почувствовал это и крепче прижал её к себе.

— Вставайте, Владлен Архипович. Разговаривать будем в доме отца.

При этих словах Полоцкий ещё сильнее ссутулился, посидел так несколько секунд — Матвей не торопил его — и, наконец, поднялся.

— Возьмите с собой документы, — зачем-то велел Хранитель. Владлен Архипович повиновался, наклонился, порылся в сумке и достал небольшой пластиковый конверт.

До маяка шли в полном молчании. Анна держалась за руку Хранителя и пыталась понять, что происходит и зачем Полоцкий ввязался в такую авантюру. Но ничего мало-мальски правдоподобного в голову не приходило. Она перестала строить загадки и просто шла рядом, чувствуя, как крепко и при этом нежно держит её Матвей и удивляясь тому, что она, оказывается, ещё способна испытывать такие сильные ощущения от простых прикосновений. Чувствовать себя влюблённой и совсем молодой было удивительно.

Кроме шума волн и уже значительно более тихого голоса ветра, других звуков Анна не слышала. На орнитологической станции было тихо, видимо, все, кроме дежурившего у погреба Дениса, ещё спали. И даже куры Родаковых молчали, укрывшись от непогоды в своём домике.

Мария Михайловна ждала на крыльце, кутаясь в огромную шаль, больше похожую на вязаный плед, и тревожно вытягивая шею в сторону пришедших. Пропуская вперёд поникшего мужа, она с болью заглянула ему в лицо, но тот мрачно потупился и ничего не сказал. Матвей широко распахнул дверь, приглашая всех войти в дом. Когда Анна, следуя за Полоцкими, проскользнула мимо него, он придержал её за плечи и быстро поцеловал в висок. Анне показалось, что так он набирался сил и решимости для предстоящего непростого — в этом не было сомнений — разговора. И она задержалась на секунду дольше, чтобы ободряюще пожать ему руку и шепнуть:

— Я рядом.

Хранитель благодарно кивнул, снял штормовку и помог выпутаться из куртки продрогшей Анне. При их появлении Денис помахал рукой, но со стула не встал. В погребе было тихо, и Анна представила, как чужак там, внизу, прислушивается к шагам и голосам, не зная чего ожидать, но наверняка всё же надеясь на лучшее. Не хотела бы она быть на его месте.

В комнате уже было накрыто к чаю. Мария Михайловна успела даже сварить кофе и поставить в центр стола огромное блюдо с горячими гренками. Анна не знала, как оценить это: то ли как желание невиновного, но неравнодушного человека подбодрить всех и хотя бы немного разрядить обстановку, то ли как попытку провинившегося задобрить окружающих. Подозревать Полоцкую во всех смертных делах было для неё невыносимо: Мария Михайловна с первых же минут пребывания на Закате очень нравилась Анне и вызывала доверие. Каково же было Матвею, который знал женщину уже много месяцев? Сердце сжалось от сострадания, и она снова легко погладила пальцы Хранителя, которые по-прежнему удерживали её ладонь.

Матвей отодвинул один стул от стола и указал на него Полоцкому. Тот послушно сел.

Взгляд его не блуждал вокруг, а был будто устремлён внутрь. Как будто давая ему немного опомниться, Хранитель негромко обратился к его жене:

— Мария Михайловна, расскажите, пожалуйста, как получилось, что вы вышли замуж за Владлена Архиповича.

Неожиданно для Анны Полоцкая вспыхнула, нервно помяла в руках прихватку-варежку, медленно опустилась на стул и, покусав губы, начала рассказывать:

— Я уже очень давно разведена, муж ушёл к другой, когда сын был ещё школьником. И у меня даже мысли не было снова выходить замуж. Однако несколько лет назад сын женился, родились внуки, один из них не очень здоровый, ему нужен постоянных уход, поэтому невестка работать не может. А сын у меня трудится на государственном предприятии, зарплата не очень большая, денег всегда не хватает. Но он очень любит свою работу. И ни невестка, ни я не хотели бы, чтобы он бросил её ради ненавистного, но денежного места. Всё же это очень важно — любить своё дело.

Я помогала, конечно, как могла. Но тоже много заработать не получалось. И тогда я подумала, что можно было бы купить как можно дешевле какой-нибудь маленький домик в деревне, уехать туда, на лето забирать внуков к себе, а квартиру сдавать и деньги отдавать детям. У меня неплохая квартира, — объяснила она, глядя на Матвея. Тот кивнул, ободряя. Анна поняла: что-то подобное он и предполагал. Чуть повеселевшая после его кивка, Мария Михайловна продолжила:

— Я стала искать дом. Нашла один под Псковом, в очень красивом месте, позвонила. Мы с хозяином договорились о встрече. Это и был Владлен. Пока ехали туда, разговорились. Я поделилась своими трудностями. А на обратном пути Владлен сделал мне предложение.

Анна не сдержала короткого изумлённого вздоха, и Мария Михайловна с улыбкой посмотрела на неё:

— Нет-нет, Анечка, никакой любви с первого взгляда. Просто я поделилась с Владленом сомнениями в том, что сын с невесткой обрадуются моему переезду. У меня очень хорошие дети, которые не приняли бы с моей стороны ничего, хотя бы отдалённо похожего на жертву. Они бы себя поедом съели, догадайся, что я уехала, чтобы немного помочь им... — Она замолчала, собираясь с мыслями.

Матвей с пониманием посмотрел на неё и спросил:

— И вы решили сказать им, что полюбили и хотите устроить свою жизнь?

Мария Михайловна невесело улыбнулась:

— Да, сын уже давно хотел, чтобы я встретила хорошего человека и была счастлива. И невестка тоже мечтала устроить мою жизнь.

— И Владлен Архипович предложил вам выйти за него замуж...

— Предложил.

— А вас не смутило это предложение?

— Сначала смутило, конечно. Но потом он всё объяснил, и я подумала, что мне просто очень повезло.

— Я догадываюсь, что он вам сказал. — Хранитель был строг, но в голосе звучало сочувствие и даже сострадание. — Что он мечтает стать маячником, но охотнее берут семейные пары, а не одиноких. Так?

— Почти дословно, — изумилась Мария Михайловна. Полоцкий и вовсе посерел, будто собираясь лишиться чувств, как какая-нибудь уездная барышня, когда открылись непристойные подробности её личной жизни.

— И вы решили, что это отличный шанс. И даже домик покупать не нужно, а отложенные на него небольшие деньги можно отдать детям.

— Так и есть. А жизнь на маяке меня совершенно не испугала. Я люблю природу и умею довольствоваться малым. Мы поженились. Дети удивились, конечно, но обрадовались. Владлен им понравился. Он хороший человек, — попыталась вступить за фиктивного мужа Мария Михайловна.

Хранитель тому развивать не стал и вместо этого спросил:

— А фамилия? Обычно мужья берут фамилии жён, если их собственные неблагозвучны. Но, насколько мне стало известно, у Владлена Архиповича была вполне приятная для русского слуха фамилия Семёнов.

При этих словах Полоцкий дёрнулся, руки его суетливо зашарили по папке с документами, которую он до этого положил на стол перед собой.

— Владлен сказал, что ему очень понравилась моя фамилия, что он устал жить с обычной, распространённой, что из-за этого вечная путаница, — объяснила Мария Михайловна. — Ну, я и не возражала.

— А вас не смутило, что имя-отчество Владлен Архипович ну никак не тянут на рядовые? Путаница при таких анкетных данных маловероятна.

— Я спросила об этом, — кивнула, соглашаясь, Полоцкая. — Владлен мне объяснил, что чаще пишут инициалы. А В.А. — инициалы часто встречающиеся. Это не Э.Я. или У.Ф. какие-нибудь. И в сочетании с фамилией Семёнов вероятность путаницы увеличивается.

— Понятно, Мария Михайловна. Спасибо. — Хранитель был задумчив, но Анна видела, что, убедившись в невинности Полоцкой, он испытал облегчение. — И дальше у вас всё шло по плану?

— Да, Владлен договорился о том, что нас примут на работу на Закат. Мы переехали сюда. Мои дети, конечно, немного удивились, но были счастливы за меня. И мы жили здесь очень хорошо, подружились с Василием и Родаковыми. У нас сложился отличный коллектив. Да ты же знаешь, Матвей...

— Знал, — голосом выделил последний звук Хранитель. Мария Михайловна бросила расстроенный взгляд на Полоцкого и поникла. — А Владлен Архипович часто бывал в Кронштадте?

— Сначала почти нет. Потом освоил моторку, стал выбираться почаще. Но всё равно обычно Василий по делам ездил.

— А друзья, родные и знакомые вам звонили?

Анна посмотрела на Полоцкого. С каждым вопросом Хранителя он мрачнел всё сильнее, а его пальцы продолжали суетливо теребить замочек пластикового конверта с документами. Смотреть на это было неприятно и даже страшно, хотелось забрать у него конверт, чтобы только не видеть эти нервные дрожащие движения.

— Да-а, — не очень уверенно протянула тем временем Мария Михайловна.

— Да? — вскинул бровь Хранитель.

— Мне — да. А вот... — Она виновато посмотрела на фиктивного мужа. — Прости, Владлен. Но врать я не буду.

Тот обречённо махнул рукой, и она закончила:

— А вот Владлену никто не звонил.

— И вас это не удивило?

— Поначалу я не замечала. Потом спросила как-то, а он сказал, что по натуре нелюдим,

а родни нет. Мне его так жалко тогда стало. Мы уже привыкли к тому времени друг к другу. И хорошо жили, как добрые соседи. Благо, дом большой, можно и не мешать друг другу совсем.

— То есть, вас вообще ничего не смущало?

— До недавнего времени — нет, — твёрдо ответила Мария Михайловна.

— До недавнего времени? — вопросительно посмотрел на неё Хранитель.

— Да. А точнее — до прошлой недели.

— А что случилось на прошлой неделе? — спросил Матвей.

Мария Михайловна открыла рот, чтобы ответить. Но тут в крышку погреба яростно застучали.

Глава 44. Семёнов

От грохота Владлен Архипович вздрогнул. Стул, на котором по-прежнему с видом человека, выполняющего важную работу, сидел Денис, подпрыгнул, орнитолог от неожиданности чуть не упал, тут же испуганно-вопросительно посмотрел на Хранителя и проявил инициативу — топнул в ответ:

— А ну тихо!

Хранитель остановил его движением руки.

— Я так понимаю, наш арестант желает дать показания.

Он подошёл к погребу, сел на корточки и рывком открыл его.

— Вылезайте.

Чужак довольно ловко выбрался, поводит плечами, разминаясь, и хмуро заозирался. Увидев его, Полоцкий-Семёнов закрыл лицо рукой. «Да он же не знал, что мы его нашли», — вспомнила Анна.

— Садитесь, — велел Хранитель таким тоном, что Анна, будь она на месте чужака, спорить не решилась бы. Тот тоже возражать не стал, опустился на предложенный стул и откашлялся.

— Вы это, не трогайте его. — Чужак мотнул коротко стриженной головой в сторону Владлена Архиповича. — Лучше я сам всё расскажу.

— Сначала мы дослушаем Марию Михайловну, — не согласился Хранитель и посмотрел на Полоцкую. Та проглотила ком в горле и, чуть запинаясь, продолжила:

— А на прошлой неделе я увидела, как Владлен разговаривал с кем-то по телефону. Впервые за то время, что мы здесь. После этого он как-то погрузился, стал задумчивее гораздо. А потом и вовсе повадился уходить куда-то надолго. Я, наверное, на это и внимания бы не обратила, но через несколько дней заметила, что из холодильника начала пропадать еда. Про чужого я и не подумала, если честно. Вот даже в голову не пришло. Решила, что Владлен стал тяготиться моим обществом, что устал от меня, жалеет, что связался со мной. А, может, ему позвонила какая-нибудь женщина, которую он любил или даже продолжает любить. Вот и уходит, чтобы подумать, как быть, посидеть в тишине, и даже еду с собой берёт.

Анна увидела, что Владлен Архипович с благодарностью смотрит на Марию Михайловну, и сердце тут же сжалось от сочувствия к обоим Полоцким. Она ещё не знала, что натворил Владлен Архипович, но не жалеть его всё равно не могла. Мария Михайловна протянула руку, ободряюще пожала плечо своего фиктивного мужа и продолжила:

— И все эти дни я думала, как бы поговорить с Владленом, успокоить, объяснить, что я

всё понимаю. Я и к Василию ходила, в тот день, когда вы, — она посмотрела на Анну, — приехали. Хотела попросить его разрешить мне перебраться на орнитологическую станцию, чтобы не мешать Владлену. Там есть свободные комнаты. И одна даже с отдельным входом, я бы там никому не мешала. Но Василий был чем-то расстроен и сказал прийти на следующий день. Я не стала настаивать, видела, что он пытается подавить раздражение, и решила, что утро вечера мудренее. А утром он... — Мария Михайловна расстроено замолчала.

Анна перехватила взгляд Хранителя и мягко спросила у Полоцкой:

— А что именно вам сказал Василий?

— Что-то вроде «завтра, всё завтра». Ну, или как-то так.

— Это было после нашего званого ужина?

— Да.

— Вы же тогда остались, чтобы убрать со стола, — удивилась Анна.

— Мы и убрали. Мне же Галина Филипповна помогала. А она и молодёжь подключила, и Анатолия Михайловича. Вот мы и управились минут за двадцать всего.

Анна прикинула, сколько она в свой первый вечер на острове любовалась закатом, и поняла, что Мария Михайловна вполне могла за это время и посуду помыть, и до маяка дойти.

— Вы сказали, отец был чем-то расстроен? — перехватил инициативу Хранитель.

— Ну, может, не расстроен, но обеспокоен. В общем, каким-то не таким, как обычно он мне показался. — Было заметно, что Мария Михайловна изо всех сил старается быть полезной и вспомнить малейшие детали.

— А вам он ничего больше не сказал?

— Нет, только то, что на маяке Аня и что она ему кажется прекрасной девушкой, — грустно улыбнулась Полоцкая.

— Анна, а когда вы после ужина шли с отцом к маяку, он тоже показался вам расстроенным или задумчивым? — Хранитель посмотрел на неё так, что Анна не сразу смогла взять себя в руки и на пару секунд замялась, стараясь выровнять дыхание.

— Н-нет. Наоборот, он был даже весёлым. Мы с ним разговаривали об острове, о маяке, о жизни здесь. — Анна задумалась. — А вот когда я уже спустилась с маяка — да, мне он показался или очень уставшим или грустным. И я поторопилась уйти, чтобы не мешать.

— То есть что-то произошло за то время, пока вы поднялись на маяк, а Мария Михайловна ещё не пришла?

— Видимо, да, — предположила Анна, а Мария Михайловна, Владлен Архипович Денис и даже чужак, который заинтересованно прислушивался к разговору, кивнули, соглашаясь с её мнением.

Все какое-то время молчали, напряжённо думая. И тут голос подал чужак, негромко, задумчиво выдвинув версия:

— Мне кажется, он мог заметить дымок от моего костра. Я в тот день дурака сваял, решил картошки испечь. Подумал, что меня от причала и домов не заметить. Там деревья загораживают. А про маяк забыл. С маяка, может, и видно. Я не знаю, не был на нём.

— А откуда вы знаете, о каком дне идёт речь? — насторожился Денис. Хранитель не остановил его, а с напряжённым вниманием посмотрел на чужака.

— Да мне это, он сказал. — Чужак указал глазами на Полоцкого-Семёнова. — Что на остров гости приехали, а на следующий день, что ваш смотритель пропал. И ещё велел

сидеть тише мыши. С того дня я больше костёр не жёг, хотя и мёрз ужасно.

Матвей повернулся к Анне:

— Отец поднимался в тот вечер с тобой?

— Не до конца. Проводил немного, проверил, заперты ли окна на лестнице, и ушёл.

Хранитель кивнул.

— Нужно будет посмотреть, мог ли оттуда быть виден дым от костра нашего незваного гостя. Но это чуть позже. А пока хотелось бы услышать, что вы... — Он в упор посмотрел на чужака. — ...делаете на острове. Кстати, не пора ли познакомиться?

Чужак быстро взглянул на Владлена Архиповича, вздохнул и представился:

— Владимир. Семёнов.

Анна услышала, как ахнула Мария Михайловна, и сама с трудом удержала вздох изумления. Матвей же только спросил:

— Владленович?

— Нет, — покачал головой чужак, переставший быть безымянным. — Виленович. Я племянник. И дядя ни в чём не виноват. Он вашего зрителя не трогал. И я, кстати, тоже.

Глава 45. Племянник

— И что же вы здесь делаете, племянник? — спросил Хранитель, после короткой паузы, во время которой Анна успела обвести всех взглядом и увидеть, как огорчена и удивлена Мария Михайловна, как заинтригован Денис и понур Владлен Архипович.

— Пережидаю время, — невесело усмехнулся чужак. А его дядя жестом остановил его и, обращаясь к Хранителю и Марии Михайловне, сказал:

— Лучше я сам всё объясню. А ты, Володь... — Он в упор посмотрел на племянника. — Ты помолчи пока. Добавишь, если я что забуду.

— Ладно, — проворчал тот и уселся поудобнее.

Владлен Архипович недолго помял в руках конверт с документами и начал:

— Не так давно у меня в Петергофе был свой сувенирный магазинчик. Не так чтобы большой доход приносил, но я не бедствовал. Семьи у меня нет, а одному много ли надо. Да и нравилось мне это дело. А почти два года назад ко мне заявили люди, которые сообщили, что мой магазинчик теперь принадлежит им.

— Как это? — не поняла Мария Михайловна.

— А вот так, Маша! — Владлен Архипович вдруг ожил, в его глазах появился живой блеск, а голос зазвучал громче. — Мой племянник задолжал им большую сумму денег и не смог вернуть. Вроде как, хотел начать бизнес, кредит ему не дали, и он решил обратиться к знакомым. Но с делом ничего не вышло, а долг возвращать было необходимо. Что уж это за знакомые, я не знаю, но настроены они были решительно. Но в обмен на его жизнь согласились взять мой магазин, который Володька им щедро пообещал.

— И ты согласился?

— Пришлось. Володька — мой единственный родственник, сын умершего два года назад брата. Мы с ним детдомовские, у нас больше никого. Вообще никого. Я не мог его бросить. Хотя и дурак он, конечно. — Полоцкий-Семёнов с болью посмотрел на племянника. — В общем, магазин я им отдал, Володьку отпустили. А буквально через месяц меня нашли другие люди и потребовали ещё денег, оказывается, племянничек и им задолжал и пообещал, что я расплачусь. А у меня только квартира однокомнатная да домик под Псковом остался, где я мечтал поселиться на пенсии. Ну, и пришлось его выставить на

продажу

И в этот момент я понял, что мы с братом что-то упустили, что Володька вырос гнилью и что он от меня никогда не отстанет, так и будет клещом сидеть, тянуть из меня последнее. Наверное, он и из отца так раньше тянул, но тот мне не рассказывал, стеснялся, думаю. А как отец помер, племянничек ко мне прирос. Да так, что чуть по миру не пустил. Растерялся я, не знал, что делать. И тут в Интернете случайно увидел вакансию маячника. И мне показалось, что это мой шанс изменить всё.

Я позвонил по телефону, но мне сказали, что охотнее берут семейные пары. Что делать? Думал, не судьба. Но вскоре позвонила Маша. И всё получилось, как она рассказала. Мы дорогой разговорились, она мне очень понравилась, показалась таким хорошим добрым человеком. И я ей предложил стать маячниками. Ни на что не надеялся особо. А она возьми — и согласись. Договорились только встретиться несколько раз, пообщаться, чтобы убедиться, что не раздражаем друг друга и сможем ужиться. Да с Машей, мне кажется, кто угодно уживётся. С ней легко, как будто сто лет её знаешь. И мы расписались. Фамилию её я взял, чтобы Володька меня не нашёл. Очень я зол на него был. Я даже квартиру сдавать не стал, чтобы Володька квартирантам не досаждал. Закрыв её просто, поставил на охрану и уехал.

Там мы и оказались на Закате. И всё было очень хорошо, пока однажды я не поехал в Кронштадт и не столкнулся там нос к носу с Володькой. Он меня, конечно, узнал. Обрадовался. Говорит, потерял тебя, дядь! — Владлен Архипович с горечью хмыкнул. — Стал мне рассказывать, как он хорошо живёт, что нашёл нормальную работу, что всё у него наладилось, позвал в ресторан. Мы там посидели, выпили немного. Я расчувствовался и дал ему номер мобильного моего. Дур-р-рак, — Полоцкий-Семёнов скривился и покачал головой. — И он мне через несколько недель позвонил. Рыдал, говорил, что опять влез в долги и что его убьют.

Анна посмотрела на племянника и испытала сильнейшее отвращение к нему. Взрослый мужик, старше Хранителя, а как они непохожи. И как жаль его бедного дядю.

— И вы решили его спасти? — Матвей явно сопереживал Владлену Архиповичу.

— Решил. А ещё решил поговорить с Васей и с тобой, думал, может, мы этому обалдую вакансию какую выбьем здесь, на Закате. Пусть бы трудился под моим присмотром. Я бы его контролировал. Так-то он парень неплохой, трудолюбивый, умеет многое, просто слабохарактерный. А здесь искушений никаких. Маша бы его приняла, я уверен...

Мария Михайловна кивнула и еле слышно выдохнула:

— Конечно.

— Ну, я и сорвался в Кронштадт. Володька меня ждал там, прятался. Но я не мог его так привезти на Закат, без подготовки, без разрешения. Мне нужно было подумать. И я вспомнил о дотах, которые ещё сохранились здесь, у нас. Один вообще совсем крепкий, там не сложно перекантоваться несколько дней. За Володькой я пошёл на моторке, потому что на ней можно и на вёслах ходить...

Тут Анна с Хранителем переглянулись: их версия полностью подтверждалась.

Не замечая ничего и глядя как будто внутрь себя, Владлен Архипович продолжал:

— Мотор заглушили далеко, чтобы никто и не услышал, дальше Володька грёб. Поселил я его в том доте, а сам стал думать, как с Васей поговорить. Да так ничего и не успел надумать — беда стряслась. Я сначала испугался, что это Володька, но он клянётся, что не трогал Василия и даже не ходил никуда в ту ночь.

— Не ходил, — подал голос племянник. — Памятью матери с отцом клянусь — не ходил!

— Сиди уж, — бессильно махнул рукой его дядя.

— Если всё это правда, — вздохнул Хранитель, — то нам придётся снова думать, кто и зачем напал на моего отца. И это очень плохо. Время идёт...

— Вспомнила! — вскрикнула Анна. — Я ведь ещё и днём приходила сюда. Ну, в день приезда! — приносила Василию обед. Так вот тогда мне показалось, что он что-то спрятал в комод, когда услышал, что я пришла. Как будто не хотел, чтобы я это увидела.

Матвей поднялся и подошёл к комоду, стоявшему у стены.

— Сюда?

— Да. Ещё ящик был не до конца задвинут.

Хранитель осторожно выдвинул ящик и принялся изучать его содержимое. Анна присоединилась к нему. Остальные продолжали сидеть вокруг стола в задумчивости, и только Денис тянул шею, стараясь разглядеть, что там в комод.

— М-да... И что из этого мог прятать ваш отец? — не поняла Анна.

— Вот сейчас мы достанем всё — и будем думать, — решил Хранитель, вытащил ящик и понёс его в ту комнату, где ночевали Анна с Марией Михайловной. Больше никого с собой не позвал.

— А вас, Штирлиц, я попрошу остаться! — дурашливо протянул Денис.

— Тихо ты! — цыкнул на него племянник Полоцкого-Семёнова. — Не видишь, серьёзное дело.

— Кто бы говорил! — возмутился Денис. А Хранитель обернулся к ним и сказал:

— Будьте так любезны никуда не расходиться и вспоминать по минутам, по секундам тот день, когда пропал отец.

Глава 46. Расследование

Ничего подозрительного Анна в ящике комода не увидела. Его содержимое она назвала бы «мечтой рыболова»: в идеальном порядке там хранились коробочки с блёснами и крючками, мотки лески, поплавки, несколько катушек от удочек и ещё много всего, названия чему она не знала. В отдельном пластиковом контейнере лежали несколько зарядных устройств для телефона, планшет и смартфон.

Матвей в задумчивости взял его в руки и попытался включить.

— Сел. А надо бы проверить. Не хочется, но надо. Может, отец что-то сфотографировал или надиктовал. Потом извинюсь перед ним. Хотя он всегда требовал, чтобы я знал пароли от его устройств.

— А он с современными гаджетами на «ты»? — удивилась Анна, мама и отец которой технику не любили и старались держаться от неё подальше.

— Вполне. А мог он прятать от вас в комод именно телефон?

Анна задумалась, вспоминая день приезда, и кивнула:

— Мог. Я не видела, что он прячет. Просто услышала звук задвигаемого ящика, а когда вошла, Василий уже сидел за столом, но вид у него был такой, как будто он только что плюхнулся на стул, вот буквально за доли секунды до моего прихода. Может, и телефон убирал. Хотя что бы такое я в нём могла увидеть? У меня вообще нет привычки заглядывать в экраны чужих телефонов. Правда, Василий, конечно, об этом знать не мог... А в планшете нет ничего?

— Сейчас посмотрим.

Матвей поставил заряжаться смартфон и взял планшет.

Всё это время остальные собравшиеся в доме почти не разговаривали. Слышно было, как Мария Михайловна убеждает мужчин есть, как позвякивают о стенки чашек ложки и на нейтральные рабочие темы беседуют Полоцкие. Денис и племянник в их диалог не вмешивались.

Пока Хранитель изучал содержимое планшета, Анна задумчиво смотрела в окно и размышляла.

— Ничего нет, — вынес вердикт Матвей, и тут она негромко, оглядываясь на приоткрытую дверь, сказала:

— Меня кое-что смущает.

— Что именно?

— Вот смотрите. В тот вечер, когда в последний раз мы видели Василия в добром здравии, он был вполне весел. Я бы даже сказала, что настроение у него было приподнятое, как будто случилось что-то хорошее. Мы за столом пели, и он тоже, хотя до этого мне казался нелюдимым...

— У отца хороший голос, — грустно улыбнулся Хранитель.

— Да, я в этом тоже убедилась, — согласилась Анна. — Но сейчас речь не об этом. Значит, смотрите. Мы с ним идём к маяку — он весел. Потом к Василию, чтобы поговорить с ним, отправилась Камилла. По её словам, он беседовал с Галиной Филипповной и они оба даже смеялись. Правильно?

— Да, так она говорила.

— Следом пришла Мария Михайловна, и ваш отец был уже обеспокоен чем-то. Когда с маяка спустилась я, он мне тоже показался расстроенным.

— Вы хотите сказать, что-то встревожившее отца произошло за те несколько минут, которые прошли между визитами орнитологини и Марии Михайловны?

— Ну да. Или во время разговора с Галиной Филипповной. Мне кажется, версия о том что он увидел дым от костра, не очень убедительна. Потому что не успел бы он подняться так высоко, чтобы увидеть его. Да и я слышала бы шаги. День был тихим, а дверь на лестницу я оставила нараспашку. Но я ничего не слышала. Только невнятные голоса внизу.

— Значит, нужно поговорить с Галиной Филипповной и спросить, о чём они беседовали.

— Да, я тоже так считаю.

Хранитель посмотрел на часы.

— Семь утра.

— Галина Филипповна говорила мне, что она рано встаёт.

— Тогда пойдём-те ка нанесём ей визит. — Матвей проверил телефон, но тот не пожелал включиться. — Зарядка, что ли, барахлит? — Он достал другую и включил в розетку её.

— А что делаем с остальными?

— Полоцких и племянника отправим домой, Дениса — на станцию. Сами быстро поднимемся на маяк и посмотрим, как высоко нужно зайти, чтобы увидеть дым от костра. Мне кажется, вы правы, подняться пришлось бы почти до верха.

— И ещё! — вспомнила Анна.

— Что?

— Меня интересует, зачем племянник выходил на берег. Ведь именно там обнаружил его следы Денис. Кроме того, Владимир так и не объяснил нам, почему он уверен, что на Василия не нападал Владлен и чем он может доказать свою невиновность.

— Тоже собирался сейчас расспросить его об этом, — улыбнулся Хранитель. В его глазах Анна прочла уважение и даже восхищение.

— И ещё у меня появились вопросы к Камилле, Денису и Анатолию Михайловичу.

— Всех расспросим, — пообещал Матвей и поднялся.

Пока он вставлял на место ящик комода, собравшиеся молча следили за его движениями. Повернувшись к ним, Хранитель взглядом разрешил Анне начать расспросы. Ей как раз пришла в голову очередная мысль, и она поинтересовалась у Полоцкой:

— Мария Михайловна, а когда вы поняли, что с Василием произошёл не несчастный случай?

— Да мне Владлен сказал почти сразу, когда вы с Матвеем отправились на поиски лодки. Он заметил, что верёвка перерезана, а не перетёрта или оборвана. Ну, и засомневался. Анна поблагодарила и обратилась к Владлену Архиповичу и Хранителю:

— А что, верёвку так сложно развязать?

— Нет, — ответил второй из них. — Если она сухая и узел не затянут, то элементарно. Но отец любит привязывать лодки хитрыми узлами. Мы-то умеем развязывать, но... — Он запнулся. — То есть вы, Анна, думаете, что верёвку перерезал кто-то из тех гостей острова, а не местных?

Она кивнула. Он задумался на миг, но потом с сожалением покачал головой:

— Не факт. Было темно. И могли случайно затянуть узел вместо того, чтобы развязать. Вот и пришлось резать.

Анна, которой хотелось думать, что она нащупала правильный путь, немного расстроилась, но решила не сдаваться.

— Владимир, тогда вопрос к вам. А почему вы решили, что ваш дядя не мог ударить зрителя? И есть ли у вас какие-то доказательства, что вы ни при чём?

Племянник чуть расправил ссутуленные плечи и объяснил:

— Ну, во-первых я знаю дядю. Он добрый и... Ну, в общем, ему слабо ударить человека.

Анна вспомнила, что Мария Михайловна охарактеризовала своего фиктивного мужа как человека трусоватого. А вот и мнение другого близкого Полоцкому-Семёнову человека. Похоже, они не ошибаются.

— А во-вторых?

— А во-вторых, дядя в тот вечер приходил ко мне. Мы долго разговаривали... о жизни... обо всём... И потом я его провожал. Ночь была, темно. Мы решили, что риска никакого. Простились на каменной гряде, ближе к маяку.

Анна взглянула на Хранителя, тот, похоже, понимал, о чём говорит Владимир, а тот продолжал:

— Так вот, оттуда хорошо видно дом зрителя. В нём горел свет. И на фоне освещённых окон было видно, как на улице стояли два человека. Они разговаривали, а потом ушли куда-то. Я не понял, куда. Один из них точно был Василий. А второй, как мне показалось, немного повыше него, крепкий. Но, может, он просто стоял на каком-нибудь возвышении.

— Мужчина? Женщина? — быстро спросил Хранитель. Глаза его опасно сузились.

— Я не понял. Человек был в куртке, капюшоне, брюках. Пойди разбери. Но это точно

был не дядя, он к дому ушёл, я видел... — Племянник замолчал. — А потом раздался какой-то грохот, короткий, как будто упало что. И мимо окон снова прошёл человек. Один. И это был не ваш отец.

— Вы что были так близко, что могли услышать звук падения тела на землю? — не поверил Хранитель.

Племянник замотал головой:

— Да нет, это было не тело. Что-то другое. Громко довольно грохнуло. В тишине на приличное расстояние разнеслось.

— Я той ночью ничего не слышала, — вспомнила Анна. — Но я крепко сплю, а за тот день устала очень.

Хранитель вопросительно посмотрел на Полоцких и Дениса. Те тоже развели руками:

— Надо мной можно хоть из пушки палить, — хмыкнул орнитолог.

— А я вернулся от Володьки и в душ пошёл сразу. Вода лилась, ничего бы не услышал.

— А моя комната выходит окнами в сторону Северного пляжа, а не на маяк, — расстроилась Мария Михайловна.

— Понятно. — Хранитель был мрачен. От его утреннего, после поимки чужака, воодушевления не осталось и следа. — А как насчёт вашего алиби? — Он испытующе посмотрел на Владимира. Тот виновато пожал плечами:

— А у меня доказательств никаких нет, конечно. Я мог бы сказать, что мы с дядей до утра в доте сидели. Но это было бы неправдой.

Племянник сказал это как-то так, что Анна ему сразу поверила, хотя до этого сомневалась. Ведь и правда, скажи он такое, дядя, наверное, подтвердил бы, стараясь выгородить любимого родственника. Но Владимир снял подозрение с Полоцкого, а с себя не стал.

— А зачем вы вдоль моря ходили? — задала она последний вопрос. — Ваши следы видел Денис.

— Честно говоря, из любопытства. Думал, может, ещё что увижу. Дядя-то рассказал, что на зрителя напали. Я за камнями прятался, а про следы не подумал. Лило же чуть ли не целый день. Кто ж знал, что не успеет дождь следы смыть?

Хранитель вздохнул, поднялся и сообщил:

— Ладно, все можете расходиться.

Зашумели отодвигаемые стулья, Матвей с Анной оделись и вышли из дома. Было уже совсем светло. На маяк они поднимались, то и дело глядя в окна, выходящие в сторону дота. Вскоре стало понятно, что даже из самого верхнего из них дым от небольшого костерка вряд ли был бы заметен. А Владимир утверждал, что костёр был совсем маленьким.

— Значит, всё-таки расстроил отца не дым, — пришёл к выводу Хранитель.

— Значит, не дым, — согласилась с ним Анна. — Ой! А мы же телефон на зарядке забыли!

— Да, точно, — нахмурился Хранитель. Бегом они слетели по лестнице, преодолели несколько метров до входа в дом и ворвались внутрь. Там уже никого не было, а телефон лежал там, где они его оставили. Хранитель включил его и быстро стал листать содержимое. Через пару минут лукавая улыбка на миг разгладила напряжённые черты. Он хмыкнул и покачал головой.

— Что там? — изумилась Анна.

— Ну-у... — замялся Хранитель. — Скажем так, там то, что объясняет, почему отец

спрятал телефон при вашем появлении. Но, к сожалению, это никак не проливает свет на случившееся с ним.

Анна изнывала от любопытства, но дальше задавать вопросы не позволили гордость и хорошее воспитание.

— Понятно, — сказала она, надеясь, что Матвей всё же поделится полученной информацией. Но тот снова улыбнулся и закусил губы, как будто не хотел рассмеяться у неё на глазах. Анна сердито покосилась на него и решительно направилась к двери.

— Думаю, Галина Филипповна уже встала. Не пора ли поговорить с ней?

— Пора, — с готовностью поддержал её Хранитель. Но в его голосе Анна всё же услышала сдерживаемый смех.

Глава 47. Орнитологи

Когда Анна с Хранителем подошли к орнитологической станции, в дверь выглянул Денис и приложил палец к губам:

— Тщ-щ, я вас в окно увидел. Все ещё спят, оказывается. Или разбудить?

— Да нет, не нужно, — покачал головой Хранитель. — Лучше оденься и выйди, у меня к тебе ещё несколько вопросов возникло.

Денис покладисто кивнул и исчез за дверью, а Анна вопросительно посмотрела на Матвея.

— Я всё же склоняюсь к тому, что на отца напал кто-то из гостей, — пояснил он. — Нужно разобраться с этой их командировкой... Ты не замёрзла?

— Нет, мне кажется, сегодня значительно теплее, чем вчера.

— Да. И ветер стихает. Думаю, завтра до нас смогут добраться с большой земли.

Снова появился Денис. Он осторожно прикрыл за собой дверь и забрался на перила крыльца, став похожим на большую грустную птицу.

— Я готов.

— Денис, расскажи-ка мне про вашу командировку.

— Что именно?

— Начни с того, часто ли такие проводятся?

— Регулярно. В последнее время резко сократились популяции многих птиц этого региона. Недавно даже конференцию созывали в Финляндии. Потому что, по некоторым данным, потери составляют до семидесяти процентов. И это огромная проблема...

— А что, здесь много птиц? — заинтересовалась Анна. — Я только чаек видела, да и то до шторма.

— Много, — одновременно ответили Денис и Хранитель. А Матвей пояснил:

— Только они гнездятся с другой стороны острова. Там большой птичий базар.

Денис кивнул:

— Да, по моим данным через Закат и окрестности пролегают пути миграции крякв, морянок, турпанов, встречаются чомги, крохали и многие другие. Здесь очень подходящие для них места. Мелководье, почти нет хищников, кормовая база достаточная. Мы рассчитываем способствовать восстановлению некоторых видов... — Он говорил серьёзно, и Анна с удивлением заметила, что, похоже, молодому орнитологу и правда не всё равно, что происходит с пернатыми.

Денис заметил её изумлённый взгляд и усмехнулся:

— Что? Не такой уж я пропащий, да, Анна?

Она не стала отнекиваться и делать вид, что ничего такого не думала, и кивнула:

— Не предполагала, что вам по-настоящему интересна орнитология.

— Я вырос в этом. Мои родители большие учёные. И их друзья — тоже. Волей-неволей проникнешься... — Он перевёл взгляд на Хранителя: — Так что да, командировки — не редкость. Но конкретно к вам на моей памяти ни разу не ездили. Хотя отец рассказывал, что орнитологическую станцию здесь построили чуть ли не после войны. Правда, её регулярно предоставляли в пользование и другим учёным, не только орнитологам, которым было нужно какое-то время пожить на Закате. Это обычная практика.

— А как ты узнал об этой командировке?

— Да в этом никакого секрета не было. Я работаю в лаборатории АнМиха, а он приятельствует с Галиной Филипповной. Ну, она его и пригласила в экспедицию. И ещё Камиллу и второго коллегу. Но тот заболел. В итоге вместо него поехал я.

— То есть экспедицию возглавляет Галина Филипповна?

— Да.

— И она же была её организатором и вдохновителем?

— Скорее всего, но не стопроцентно. Я как-то не интересовался. Лучше у АнМиха уточнить.

— А вы сюда надолго приехали?

— На две недели. Потом АнМих улетает в другую экспедицию, в Мурманскую область. Он известный в нашей среде специалист и просто одержим орнитологией. Говорят, с юности. Потому и не женился. Хотя, насколько я могу судить, к нашей Марии Михайловне он неравнодушен.

— А Галина Филипповна? — вернул разговор в нужное ему русло Хранитель.

— А что Галина Филипповна?

— Она тоже одержима орнитологией?

Денис пожал плечами:

— Да я бы не сказал. Обычная тётка. У неё семья на первом плане. Я даже удивился, когда узнал, что она едет в экспедицию. На моей памяти она никогда никуда не ездила. У неё дети, муж богатенький. Для неё орнитология скорее хобби, так, чтобы дома не сидеть и от скуки не изнывать.

Анна удивилась:

— Разве? То-то она вас всё к труду призывает и за судьбы орнитологии переживает.

— Ну, я под её началом не работал никогда. Но родители мне именно так её характеризовали. Они с ней с юности знакомы. Говорят, она подавала большие надежды, но потом вышла замуж — и её как подменили. Сумасшедшая мамаша. Из тех, кто детей до пенсии опекает. Какая уж тут орнитология?

— И тем не менее, она поехала в экспедицию... — задумчиво протянул Хранитель. — Зачем?

— Да кто ж её знает? Может, детям захотелось отдохнуть от неё, вот она ради них сюда и отправилась... Моя мама говорит, что дети — главный двигатель её жизни. Она делает только то, что может принести им пользу...

Тут дверь на крыльцо распахнулась, и показалась заспанная Камилла. Юное личико её было нежно-розовым и таким трогательным, что Анна улыбнулась и покачала головой. Неужели Денис так никогда и не оценит эту славную девушку?

— Доброе утро, — сонно приветствовала всех Камилла. — Вы чего это тут собрались?

— А ты что так рано встала? Ты же сова из сов? — удивился Денис.

— Да меня Галина Филипповна разбудила. Ей кто-то позвонил ни свет ни заря. И она уже добрых пятнадцать минут бу-бу-бу, бу-бу-бу. Ах, он что, совсем плох? Ох, как же так? Вы же мне говорили, что ещё несколько месяцев есть точно! — очень похоже передразнила Камилла.

Денис повернулся к Анне и Хранителю:

— Не обращайтесь внимания, Ками у нас по утрам всегда злющая. Особенно, если её разбудить.

Но Матвей не слушал его, он серьёзно спросил у Камиллы:

— О ком это она?

Та пожала плечами:

— Да о муже, наверное. Он у неё вечно больной. Ипохондрик. А Галина Филипповна ему потакает вечно всем мозги канифолит: мой бедный Валик такой страдалец, такой мученик. Хотя мне кажется, что это у них развлечение такое. Он делает вид, что болеет, а она — что верит в это.

— Но, похоже, сейчас он и правда плох, раз она так разволновалась, — предположила Анна и посмотрела на Хранителя. Тот стоял рядом с таким видом, что она испугалась.

— Матвей, что случилось?

Тот мотнул головой и спросил у Камиллы:

— Как фамилия Галины Филипповны?

— Ахременко.

— А её мужа?

Денис пожал плечами:

— Наверное, тоже Ахремен...

— А вот и нет! — перебила Камилла. — Галина Филипповна как-то жаловалась, что неудобно мужу и жене жить с разными фамилиями. Говорила, хоть меняй на старости лет. Я тогда у неё спросила, почему же она не поменяла, когда замуж выходила. И она ответила, что тогда был жив её отец, а он был очень против, обещал чуть ли не проклясть, если она фамилию сменит. Мол, у них древний казацкий род, а она мало того, что за русского замуж собралась, так ещё и хочет фамилию его взять. Так и пришлось ей оставить отцовскую.

— А ты фамилию её мужа не знаешь? — Хранитель опять был мрачен и сосредоточен.

— Не знаю, но могу узнать, если нужно.

— Как?

— Да я помогала оформлять доки для экспедиции. И она мне как-то фотки своих документов пересылала. Я их не удалила ещё. Мне кажется, там все страницы паспорта были. Я тогда ещё смеялась, что птицам по барабану, за кем она замужем и сколько у неё детей.

Камилла сунула руку в карман джинсов и вытянула смартфон. Пока она листала ленту сообщений, Хранитель молчал, думая о чём-то. Анна и Денис не решались нарушить эту мрачную сосредоточенность.

— Вот, — Камилла увеличила снимок и сунула смартфон Хранителю. Тот посмотрел и помрачнел ещё сильнее.

— Что? — наконец нарушила тишину Анна.

Хранитель резко выдохнул и распорядился:

— Давайте-ка завтракайте, господа орнитологи. А потом берите своих старших

товарищей под белы ручки и приходите к Полоцким. Нужно серьёзно поговорить.

Глава 48. Родня

Орнитологи пришли к Полоцким примерно через полчаса. За это время Матвей с Анной успели сходить к дому маячника. Там Хранитель долго осматривал большую поленницу, землю вокруг неё, вместительную садовую тачку и инструмент, хранящийся в небольшом крепком сарайчике безо всякого намёка на запоры. Анна примерно понимала, что он ищет, и поэтому стояла в стороне, чтобы случайно не уничтожить те немногие следы, которые могли сохраниться после почти двух суток непогоды.

— Ну что? — спросила она, когда Хранитель, наконец, подошёл к ней. Он притянул её к себе, прижал одной рукой, уткнувшись лицом в волосы, с которых она наконец-то сняла капюшон. Ветер совсем утих, становилось всё теплее и над заливом появились чайки. Анна смотрела на них, и ей казалось, что от их криков её немного отпускает напряжение последних дней. Она шевельнулась и попросила:

— Давайте позвоним вашему другу, узнаем, как там Василий.

— Да, теперь можно, — согласился Хранитель. — Не слишком рано.

Анне казалось, что утро было уже очень давно, чуть ли не сутки назад. Поэтому она удивилась, но тут же поняла, что времени ещё и правда совсем немного, не больше девяти часов. Хранитель свободной рукой порылся в кармане, по-прежнему не отпуская Анну, зазвучали гудки вызова. Наконец его друг, голос которого Анна стала уже узнавать, отозвался. Безо всякого приветствия он радостно гаркнул:

— Мэтью, амиго, дяде Васе гораздо лучше! Если так пойдёт, завтра утречком будем выводить из комы. Сильна старая гвардия. Без боя не сдаётся.

— Спасибо... — Голос Хранителя чуть заметно дрогнул. Он с усилием сглотнул и вдруг спросил: — Слушай, а у отца в волосах не было щепок или чего-то вроде того?

— И в волосах были, и на одежде. Я ещё подумал, что он дрова колот. Помнишь, как в нашем детстве? Он их так рубит, что я на это могу часами смотреть. Virtuoz! Вот поставим его на ноги, я специально на этот ваш Закат приеду, чтобы полюбоваться и — была не была! — даже, может, поучиться...

— Спасибо, — снова повторил Хранитель. Его друг, имени которого Анна так до сих пор и не знала, но которого уже почти любила за это равнодушие, за умение говорить как-то так, что верилось — беда отступит и (самое главное!) за его привязанность к Хранителю и его отцу, которой он не скрывал, осёкся и через секунду спросил:

— Это важно, да, Маттео?

— Важно.

— Мэт, — тихо и уже безо всякой шутливости в голосе попросил его друг, — я тебя умоляю, ты там без самостоятельности. Подожди, когда шторм уляжется. Говорят, сегодня уже спокойнее намного. Я сам не видел, но наш зам главного живёт у залива. Он-то и сказал, что уже затихает понемногу. Вот когда ещё чуть потише будет, приедут специально обученные люди и всё...

— Я тоже специально обученный. Почти, — не согласился с ним Хранитель. — Ты там береги отца.

— Мэтью! Мэт, раздери тебя нелёгкая! — заорал в трубку его друг, но Хранитель уже не слушал его. Он выключил телефон и сунул в карман.

— Но... — начала было Анна.

— Иначе он бы звонил, не переставая, — улыбнулся Хранитель. Стало понятно, как он любит своего друга.

— Но, может, он прав?

— Он, безусловно, прав. Но это дело семейное. И сначала я должен разобраться во всём сам, а уж потом приглашать специально обученных людей.

— Как — семейное? — Анна вообще ничего не понимала.

— А вот так. Я пока тоже не всё понимаю, но, кажется, догадываюсь. Пойдёмте-ка к Полоцким.

Мария Михайловна, обнаружив на пороге гостей, по своей неизменной привычке тут же начала накрывать на стол. Но не успела: вошли Матвей и Анна.

— Не нужно, — остановил её Хранитель. — Садитесь, пожалуйста, Мария Михайловна.

Она посмотрела на него с тревогой и изумлением, но послушно села, только вазочку с орехами, стоявшую на столе, подвинула так, чтобы всем было удобно брать её содержимое.

— Вот и я нашей хозяйке сказала, что не нужно нас кормить, — прогудела Галина Филипповна. — Столько есть просто нельзя. Залив из берегов выйдет, когда я домой отправлюсь и в катер заберусь.

Камилла непривычно робко и коротко засмеялась. Анатолий Михайлович улыбнулся. Денис промолчал, а Хранитель сел напротив Галины Филипповны и спросил:

— А зачем вы вообще сюда приезжали? И как я должен вас называть? Мама? Или всё-таки лучше по имени-отчеству?

Рты раскрылись абсолютно у всех, в том числе у старшей орнитологини. Но она справилась с собой быстро и добродушно удивилась:

— Матвей, голубчик, вы о чём? И почему вспомнили вашу матушку?

— Да нет, речь не о моей матери, конечно. Но я и правда не знаю, как мне вас называть. Ну, не мачехой же, в самом деле! — в голосе Хранителя звучали пугающая холодность и при этом жалящая насмешка. — Вы ведь жена моего отца.

— Как?! — не сдержала изумлённого возгласа Мария Михайловна. — Но ведь...

— Нет-нет, я не о том, кого считаю родным отцом и одним из самых близких мне людей, — успокоил её Хранитель. — Я о том человеке, который поучаствовал в моём появлении на свет и больше никоим образом не присутствовал в моей жизни.

— То есть?... — поняла Анна.

— Да, — развёл руками Хранитель, словно и сам удивляясь тому, что происходило. — Булатов Валентин Сергеевич — это тот человек, имя которого записано в моём свидетельстве о рождении в графе «отец». И оно же написано в паспорте Галины Филипповны на той странице, где указывается семейное положение. Вот так совпало. Хотя я склонен думать, что никакого совпадения нет. А есть человек, которому зачем-то понадобился я и который сумел устроить так, что оказался на Закате. Да, Галина Филипповна?

Хранитель строго посмотрел на орнитологиню. Она отвела взгляд и долго молчала. Так долго, что Анна совсем уж было подумала, что женщина решила не отвечать на вопрос. Но она ошиблась. После продолжительной паузы Галина Филипповна кивнула и, к изумлению Анны, легко ответила:

— Да, Матвей, именно так. Я жена вашего родного отца, и на Закат я приехала, потому что хотела познакомиться с вами, рассказать вам о Валентине, помирить вас.

Анна слушала и с ужасом понимала, что версия орнитологини выглядит очень правдоподобной. Неужели они всё-таки ошиблись? В очередной раз.

Но Хранитель приложил палец к губам и покачал головой, словно призывая Галину Филипповну не лгать.

— Ну, зачем вы так? Ведь ваш мотив был совсем другим. Давайте уж не будем увиливать, ходить вокруг да около и выдумывать версии разной степени убедительности. Вы сюда приехали совсем с другой целью. И будет лучше, если вы расскажете всё, как есть. Во всяком случае, так мы точно сэкономим время и к приезду представителей прокуратуры будем готовы рассказать им всё, как было. Они, кстати, в худшем случае доберутся до Заката уже завтра утром.

— А в лучшем? — поинтересовалась Камилла, следящая за происходящим с напряжённым вниманием.

— А в лучшем — сегодня вечером. — И я склоняюсь именно к этому варианту развития событий.

— Матвей у нас точнее любого гидромицентра, он море чувствует! И всегда оказывается прав. Мы уже даже перестали удивляться! — радостно заметила Мария Михайловна. Сыном смотрителя она гордилась так явно, будто он был и её ребёнком тоже.

Галина Филипповна посмотрела на неё с неприязнью, а Хранитель поторопил:

— Рассказывайте.

Глава 49. Версии

— Мне нечего рассказывать! — заупрямилась Галина Филипповна. — Ну, почти нечего. Да, вы, Матвей, старший сын моего мужа. Да, нас можно даже родственниками считать...

— Ничего себе! — невежливо присвистнула Камилла. — У вас просто нашествие родни, дядя! То я, то теперь мачеха. Так мы с вами, Галина Филипповна, выходит, тоже родня?

— Я не понимаю тебя, Камилла, — поморщилась орнитологиня и повернулась к Матвею. — Так вот ваш отец в последнее время себя плохо чувствует, и я хотела убедить вас помириться с ним.

— Мы с ним не ссорились. Он ушёл от моей мамы, когда мне было меньше года. Я его не знаю. И даже не представляю, как он сейчас выглядит. На фотографиях, которые сохранились у мамы, он молодой. Но с тех пор прошло больше тридцати лет. Меня растил совсем другой человек. Поэтому будьте любезны не употреблять слово «отец» в отношении вашего мужа. Моего отца зовут Василий Аяцков, а не Валентин Булатов. И на этом в разговоре можно было бы поставить точку, если бы вы не покушались на убийство моего настоящего отца.

Мария Михайловна ахнула, её фиктивный муж нахмурился, Денис буркнул что-то, племянник Полоцкого-Семёнова хлопнул себя по колену, Анна смотрела на Галину Филипповну во все глаза, а Камилла не сдержалась и громко протянула:

— О-фи-геть!

— Не говорите ерунды, молодой человек! — возмутилась, стараясь перекрыть возникший шум, Галина Филипповна.

— Отчего же ерунду? — казалось, недоумевал Хранитель. — Вас видели в ту ночь, когда пострадал мой отец, рядом с ним.

Анна бросила вопросительный взгляд на племянника Полоцкого, тот изучающе смотрел на орнитологиню, а потом попросил Матвея:

— Пусть она встанет.

— В этом нет необходимости. Вы, Владимир, видели рядом с отцом человека крепкого телосложения, который был чуть повыше отца. Под это описание подходит только Галина Филипповна. Анатолий Михайлович и Мария Михайловна ниже отца, Камилла ростом примерно, как мой отец, к тому же она очень стройная, какую одежду ни надень — всё равно это будет заметно. Остаётся Денис, но он намного выше отца...

— Не слишком убедительно, — дёрнула плечом Галина Филипповна. — Мало ли кого видели рядом с маячком? Может, и меня? Я ходила к нему, хотела попросить разрешения подняться на маяк.

— В темноте? — изогнул бровь Хранитель.

— В какой темноте? Я была у маяка на закате.

— Вы же говорили мне, что вам это не слишком интересно, — напомнила Анна.

— Ну, сказать можно что угодно...

— В том числе и сейчас, — с нехорошей усмешкой согласился Хранитель. — В вечер, когда мой отец ещё был в полном здравии, вы приходили к маяку. Камилла видела вас с отцом, вы о чём-то разговаривали и смеялись. А буквально через несколько минут, когда вы ушли, отец был уже расстроен и задумчив. И тому тоже есть свидетели. Значит, вы сказали ему что-то такое, что повлияло на его настроение.

— Это бред.

— Ладно, пусть бред, — не стал настаивать Хранитель. — Но поздно вечером, уже в темноте вы зачем-то вернулись к маяку.

— Не было этого.

— Хорошо. Пусть так, — Матвей кивнул. — Мария Михайловна, будьте добры, дайте лист бумаги и что-нибудь пишущее.

Хозяйка, не сходя с места, открыла один из ящичков стола и достала тетрадь и ручку. Хранитель быстро накидал какую-то схему и подвинул её к Галине Филипповне.

— Вот, смотрите. Это маяк, это дом отца, это залив. Где вы были, когда приходили к отцу? Только точно вспомните, это важно. — Хранитель, очевидно, решил сменить тактику и теперь говорил ровно и даже доброжелательно. Судя по всему, это сработало и немного успокоило орнитологиню. Она недовольно поджала губы, но в схему всё же всмотрелась.

— Вот здесь я была. Пришла отсюда, мы с Василием посидели на скамейке, поговорили на отвлечённые темы. И я ушла.

— А почему же вы не стали подниматься на маяк? — снова не выдержала Анна. Ей было очень неприятно разочаровываться в Галине Филипповне, и она ощущала даже что-то вроде обиды. Женщина так нравилась ей. Почти как Мария Михайловна. И вдруг такое. Наверняка ведь из-за наследства приехала...

— Потому что Василий сказал мне, что наверху ты, Анечка. — Голос Галины Филипповны звучал привычно басовито и мирно, и Анна снова засомневалась в том, что женщина виновата. — Ну, я и не захотела тебе мешать. Решила, что потом заберусь. Мы же сюда на две недели приехали. Хватило бы времени.

— А так же хватило бы времени уговорить моего отца, чтобы он повлиял на меня, — снова вступил Хранитель. — Только вот повлиял в чём? Чтобы я отказался от наследства?

Галина Филипповна посмотрела на него, как до этого смотрела только на Камиллу и Дениса, со смесью снисходительности и превосходства и закатила глаза:

— Ну, нет, конечно. Я же сказала, хотела, чтобы вы с отцом наладили отношения.

— Ага, и исходя из этой цели, вы ударили отца по голове поленом, а потом оттащили к лодке, сбросили в неё и отправили умирать в море? Видимо, чтобы он меня не отговорил общаться с вашим мужем? Да, Галина Филипповна? Такая у вас версия?

Мария Михайловна коротко глотнула воздуха и закрыла рот рукой. Остальные напряжённо молчали. И орнитологиня тоже. Ей понадобилось несколько секунд, чтобы взять себя в руки и снова заговорить:

— Я его не ударяла никаким поленом.

— А что же тогда вы делали у поленницы?

— Я там не была.

— Были. Я ещё в первый день на Закате, когда мы с Анной отправлялись на поиски лодки, заметил, что на вашей обуви есть мелкие деревянные щепки. Вы стояли на причале, а мы с Анной сидели в катере, и ваши ноги были почти напротив наших лиц. А у вас замшевые мокасины, к ним всё липнет. Я тогда заметил, но не придал этому значения. Но сегодня всё понял.

В ночь, когда кто-то напал на отца, Владимир... — Хранитель бросил быстрый взгляд на племянника Полоцкого. — ...видел отца с вами. Потом раздался грохот. А утром мы обнаружили отца в лодке далеко от берега. Сегодня я осмотрел место, откуда примерно раздавался шум, услышанный Владимиром. И понял, что вы были у поленницы. Оттуда и щепки. Но я допускал, что вы там могли быть раньше. Поэтому и попросил вас показать на схеме, где вы проходили накануне. И вы однозначно сказали, что не были не только у поленницы, но даже хотя бы в относительной близости от неё.

— Да мало ли где на мою обувь могли попасть щепки! — возмутилась Галина Филипповна, но в её голосе Анне почудился страх.

— Да больше нигде, — не согласился Хранитель. — Лес на Закате не валят, используют привозной. Прошлогодние дрова уже закончились. Новые привезли две недели назад. Отец как раз нарубил и сложил в поленницу. Но у неё вы, по вашим же словам, не были. Она, кстати, не на проходе, в стороне от дома, за сараем, случайно там не бывают, только если по делу. Но я допускал, что отец мог показывать вам свои владения и завести в том числе и туда. Однако вы сами опровергли это моё допущение. У Полоцких и Родаковых дрова хранятся не на улице, а в дровяных сараях. Там вы тоже случайно побывать не могли. А на орнитологической станции дров нет. На ней зимой никто не живёт. А весной, летом и ранней осенью, если вдруг станет холодно, проще электрическими обогревателями пользоваться. Они и стоят в кладовке. Так что нет, больше щепок нигде вы найти не могли.

В комнате повисла тишина. Первой не выдержала Мария Михайловна:

— Господи, да неужели ради какого-то наследства?!

Старшая орнитологиня посмотрела на неё безо всякого выражения и бесцветно ответила:

— Да приём здесь наследство? Дело совсем в другом.

— А в чём? — тихо спросила Анна, которой в голову пришла неожиданная мысль. — Вашему мужу нужен донор, а дети не подходят? Или донор нужен как раз детям? И вы решили попросить Матвея?

— Да ну нет, конечно, — ответила Галина Филипповна и вдруг нервно, почти истерично засмеялась:

— Ещё версии есть, господа ищейки?! Или больше ни до чего додуматься не смогли?!

Глава 50. Фамилия

Анна судорожно думала. Почему-то перед такой Галиной Филипповной ей пасовать не хотелось. Перед той, кем она считала орнитологиню ещё накануне, — запросто. И даже стыдно не было бы уступить спокойной рассудительной женщине. Но сейчас перед ней сидел совсем другой человек.

Как назло, больше ничего не придумывалось. Может, Матвей не прав, и дело вовсе не семейное? Но чем другим мог насолить орнитологине смотритель маяка? Не фактом же женитьбы на бывшей жене её мужа? Даже звучит путанно и бредово, а уж если допустить, что мотивом для нападения на Василия послужило что-нибудь вроде этого, то первый порыв — срочно вызывать психиатрическую скорую помощь. Ну, какой человек в здравом уме способен на подобное?

Анна даже еле заметно тряхнула головой, чтобы прогнать бредовую мысль. Всё это заняло пару-тройку секунд, не больше. Но всё равно повисшая пауза уже казалась слишком долгой. Анна обеспокоенно посмотрела на Хранителя. Тот был задумчив и, казалось, чего-то ждал. Галина Филипповна тоже взглянула на него и надтреснуто рассмеялась:

— Что? Нет больше вариантов?

Матвей не смутился и спокойно покачал головой:

— Нет.

— Тогда ответьте мне на один вопрос: что вам известно о вашем дедушке?

— Я так понимаю, вы не об отце моей матери?

— Нет, конечно, — фыркнула орнитологиня. — О той линии ваших родственников я ничего не знаю, да, признаться, мне и неинтересно это. Так как?

В комнате, где и до этого было тихо, повисла уж совсем мёртвая тишина. Только море сердилось где-то далеко. Хранитель обречённо вздохнул, помедлил, но всё же ответил:

— Мама рассказывала, что родители её первого мужа были хорошими людьми и по-доброму относились к ней. Но свекровь умерла ещё до моего рождения, а свёкор — вскоре после того, как моя мама подала на развод.

— Ну, да. Примерно так и было, — с видом экзаменатора, услышавшего правильный ответ, кивнула Галина Филипповна. — С той лишь разницей, что отец моего мужа, Альберт Валентинович, не умер, а попал в автомобильную аварию и стал тяжёлым инвалидом.

— Это какая-то ошибка, — не поверил Хранитель Заката. — Мама всегда мне рассказывала иначе. Она прекрасно относилась к свёкрам и не стала бы обманывать меня. Более того — она наверняка бы поддерживала связь с ними, помогала, чем могла.

Орнитологиня недобро усмехнулась:

— Никакой ошибки. Просто мой свёкор все эти годы жил в... — Она запнулась, но всё же закончила: — В специализированном медицинском центре, где за ним ухаживали и поддерживали его организм...

— Да в дом инвалидов они деда сдали! — догадался Владимир и возмущённо поморщился. — Красавцы! А вашей матери, небось, напели, что он умер, чтобы она не ездила к нему и дед, растрогавшись, не отписал бы ей и вам чего стоящего.

— Да что ему отписывать?! — окрысилась Галина Филипповна, и Анна не узнала её, таким жёстким и неприятным стало в один миг располагающее ранее лицо. — Он гол как сокол! Мой муж вгροхал в содержание отца миллионы!

— То есть дело не в наследстве? — не выдержал Полоцкий-Семёнов.

— Да при чём тут наследство? Нет у деда ничего. Ни гроша.

— Конечно! Вы, небось, давным-давно всё на его сыночка оформили. Долго ли, умеючи-то? — снова встрял Владимир. — Раз дед недееспособный.

— С головой у него всё в порядке до недавнего времени было. Он даже работал. Валентин заказал ему специальное кресло, стол и кульман! — обиделась орнитологиня.

— А кем был ваш дед? — еле слышно спросила Анна у Хранителя.

— Авиаконструктором, — на ухо шепнул ей тот. Дыхание обожгло щёку и коснулось волос. — Занимался морской авиацией.

Уже громче Хранитель спросил:

— Так при чём здесь уважаемый Альберт Валентинович? Даже если он до сих пор жив?

— А при том, что дед все эти годы работал и, как недавно выяснилось, сделал несколько потрясающих открытий. Муж понял это и связался с бывшими коллегами отца, те объяснили, что сейчас этим разработкам реально дать ход. И что идеи деда откроют для морской авиации новую эру...

— То есть дело всё-таки в наследстве? В интеллектуальной собственности? — снова заинтересовался Владлен Архипович.

— Да не в наследстве! Сколько можно говорить? — Галина Филипповна гневно взглянула на него и вдруг сникла, окончание фразы произнесла гораздо тише: — Дело... в фамилии.

— В каком смысле — в фамилии? — не поняла Анна.

— В фамилии Альберта Валентиновича. Ему через месяц девяносто лет. Юбилей. А когда его изобретениями и разработками заинтересовались бывшие коллеги, вспомнили все его прошлые заслуги. И сейчас нам сообщили, что его будут награждать в Кремле, телевизионщики готовят о нём цикл передач. И о его семье тоже. Фамилия Булатовых скоро зазвучит, как фамилии Калашникова, Ильюшина, Туполева... — При этих словах глаза Галины Филипповны загорелись огнём, который показался Анне фанатичным и испугал её. — Булатовы прославятся. А мои дети — Булатовы. И только они! Я даже невестке не разрешила взять фамилию моего сына. С какой это стати какая-то пришлая девица станет Булатовой?! Не по крови, а только потому, что смогла захомутать моего сына!

От отвратительности разыгрывающейся сцены Анна замерла, остальные — тоже. Мария Михайловна прижала к щеке ладонь и покачала головой. Первой обрела дар речи Камилла:

— Так вы же тоже не Булатова!

— Я скоро стану ей, — свысока сообщила Галина Филипповна.

— А чем вы лучше вашей невестки? Как и она, вы Булатова не по крови. А вот Матвей как раз самый настоящий Булатов. Да ещё какой! Он, наверное, в деда пошёл, а не в биопапочку!

Хранитель остановил новообретённую родственницу жестом — та тут же послушно замолкла — и спросил у орнитологини:

— То есть вы приехали сюда, чтобы уговорить отца убедить меня сменить фамилию?

— Да. Вы никакого отношения к Булатовым не имеете. И у вас нет морального права носить эту прославленную фамилию.

— Ну, предположим, пока ещё не так чтобы очень прославленную, — снова насмешливо вставила не желающая успокаиваться Камилла.

Галина Филипповна бросила на неё уничтожающий взгляд:

— Это дело пары недель. Не больше.

— Так почему же вы сразу ко мне не обратились? Я бы с радостью отказался от вашей

прославленной фамилии ещё много лет назад. Только мама просила оставить её в память о деде. Она же думала, что он уже умер. А к нему она относилась с большим теплом, говорила, что он был прекрасным человеком. Вот я и согласился, хотя всегда хотел носить фамилию отца.

— Я вас не смогла найти. В соцсетях вас нет. А про Василия и Закат мне муж как-то рассказал. И про то, что Василий хотел вас усыновить, а Валентин отказался, боялся, вдруг у нас сына не будет, а только дочь и фамилия канет в Лету. И я решила действовать через Василия. К моей удаче, он по-прежнему жил здесь, на острове...

— И вы так хотели поскорее лишиться меня фамилии, что в первый же вечер прибежали к отцу? — Голос Хранителя заледенел. Анне стало не по себе, под столом она сжала его руку и немного успокоилась, только почувствовав ответное пожатие.

— Он не захотел со мной разговаривать. Как только понял, кто я, прогнал и пообещал на следующий же день выдворить с Заката. Сказал, что не позволит отнять у вас фамилию ваших предков. И я решила поговорить с ним ещё раз, когда все легли спать и не могли нам помешать...

Она замолчала, как будто прислушиваясь к чему-то.

— Что было дальше?

— Дальше я пришла к нему. Он рассердился и сообщил, что, оказывается, ваша мать тоже Булатова.

— Да, это так. Я спрашивал её, почему она не сменила фамилию, когда вышла замуж за отца. А она сказала, что опасалась, что меня могут дразнить в школе из-за того, что у нас с мамой разные фамилии, что мне придётся отвечать на вопросы... В общем, она хотела обезопасить меня.

— Какая чужь! Это она специально, чтобы не лишиться такой красивой, звучной и знаменитой фамилии! — возмутилась Галина Филипповна, и Анне стало очень обидно за маму Матвея. Её объяснение она почему-то сразу поняла и приняла. У неё самой в классе был мальчик, которого и правда дразнили из-за того, что мама вышла замуж во второй раз и взяла фамилию мужа. Ему кричали: «Ты не нужен своей мамаше! Она даже не хочет быть с тобой под одной фамилией!» Десятилетняя Аня жалела одноклассника и убеждала его, что всё это глупости, а мама, конечно, любит своего сына, но тот всё равно переживал.

Хранитель ещё холоднее потребовал:

— Рассказывайте, что было дальше.

— А дальше ничего не было, — неожиданно заявила орнитологиня. — Мы поругались и разошлись.

— Это не так, — покачал головой Хранитель. — Если вы решили поиграть в молчанку, я сам расскажу, что произошло потом.

Когда мой отец повернулся к вам спиной, вы ударили его поленом. Думаю, он пригрозил вам чем-то. Например, оглаской ваших происков. И вы испугались. Наверное, ваш муж не в курсе того, как далеко может завести инициативность его жены, и вы не хотите, чтобы он узнал об этом. Или, возможно, вы просто пришли в бешенство из-за упрямства отца, не совладали с собой и ударили его в сердцах. Но это дела не меняет.

Потом вы решили избавиться от тела. Ну, или от раненого. Это уж пусть следствие разбирается, знали вы или нет, что мой отец жив. Сначала вы хотели отвезти его к причалу на тачке и даже смогли положить в неё отца... — Хранитель посмотрел на собравшихся и объяснил: — В тачке я нашёл следы крови... — Он опять перевёл взгляд на Галину

Филипповну и продолжил: — Но, едва сдвинув груз, вы поняли, что это неудачная идея. По песку тяжёлую тачку тащить сложно, да и следы останутся. А если отправиться к причалу по тропинке, то тачка будет издавать громкий шум на каждом камне, а от тропинки до домов — рукой подать. А вдруг кто проснётся и выглянет? Поэтому вы взяли в доме кусок брезента. Видимо, отец приглашал вас к себе, и вы видели, что в шкафу лежит брезент. Либо, возможно, вы просто обшарили шкафы в поисках того, что вам может пригодиться. Вот на этом-то брезенте вы и дотянули тело отца до причала. Тянули грамотно, по утрамбованной тропинке, где следы волочения или вовсе не будут заметны или видны совсем слабо.

Сбросив в отца с причала, вы попытались отвязать верёвку, которая удерживала лодку, но не смогли. Однако в кармане у вас было что-то, чем вы всё же сумели перерезать верёвку. Я пока не знаю, что это, но специалисты найдут. И докажут, что именно этим предметом вы и пользовались. Думаю, вы хотели заплыть подальше и сбросить отца в воду. Но обнаружили, что вёсел ни в лодке, ни на причале нет.

Пока вы их искали, либо отец очнулся и попытался спастись, оттолкнувшись от причала, либо лодка отплыла сама. Такое возможно, если волны шли от берега. Я проверил данные метеосводки: в ту ночь дул южный ветер, вот он-то, вероятно, и спас отца. Другой лодки у причала не было, управлять катером вы не умеете, да и звук двигателя мог бы разбудить островитян. И вы не смогли довести свой план до конца.

Лодку за несколько часов утянуло далеко от острова. Вы надеялись, что все решат, что отец сам вышел в море, а там ему стало плохо, он упал и ударился. Только о вёслах вы не подумали. Не мог отец уйти без вёсел.

— Не подумала, — эхом отозвалась орнитологиня. — Не подумала.

Глава 51. Тюльпаны

Анна не видела Хранителя Заката уже больше месяца. И всё это время ей казалось, что ещё немного, и она успокоится, придёт в себя, перестанет ждать неизвестно чего. Она ложилась спать с мыслью, что завтра-то уж совершенно точно станет легче. Но наступало новое утро, и ничего не менялось. И даже во сне было всё то же: дикий прекрасный остров и его Хранитель.

Месяц назад он оказался прав даже в мелочах. К вечеру, как он и обещал, море успокоилось настолько, что на остров, наконец, смогли добраться представители военной прокуратуры. Хранитель увёл их в дом отца, и долго никто из них не показывался. Анна с присоединившейся к ней Камиллой сидели на скамейке у дома и ждали, ждали, ждали. Анатолия Михайловича и Дениса увёл на птичий базар Владлен Архипович. Владимир остался в доме у Полоцких «караулить», как он сам выразился.

Его не отговаривали, хотя в этом не было особой необходимости: после признания Галина Филипповна впала в глухую мрачную апатию. Её отвели в комнату, где она вскоре крепко уснула и не пробудилась ни к обеду, ни к ужину. Дверь на всякий случай закрыли на засов, а Владимир устроился под окном и даже есть отказывался, пока Мария Михайловна не принесла ему еду прямо «на пост», как обозначил место своего пребывания сам "караульный".

— Анечка, а ведь она же больна, — негромко делилась своими мыслями Мария Михайловна, пока накрывали к ужину. — Ведь это как нужно неправильно жизнь понимать, чтобы до такого додуматься?! Фамилию попытаться присвоить! И ради этого на человека

руку поднять!

— Мне кажется, Матвей прав, и она испугалась огласки, — так же тихо отвечала Анна. — Скандал вокруг фамилии ей уж точно не был нужен. Да ещё и неизвестно, как к её инициативе отнёсся бы муж. Я так поняла, он человек непростой. А что касается фамилии, так у них в семье пунктик на этот счёт. Камилла рассказывала, что в своё время отец Галины Филипповны запретил ей взять фамилию мужа. Он принадлежал к какому-то древнему казачьему роду и хотел, чтобы дочь даже чисто номинально продолжала к нему относиться. А у Галины Филипповны, видимо, это приняло и вовсе пугающие формы.

— Да уж, на почве чего только люди с ума ни сходят, но чтобы из-за фамилии — впервые слышу.

— А у меня была коллега, которая в похожей ситуации оказалась, — решил поучаствовать в беседе Денис. — Когда она замуж собралась, родители жениха её в целом приняли неплохо, но запретили ей брать их фамилию. И аргумент был дичайший, из той же серии, что и у Галины Филипповны: нечего не пойми кому фамилию раздавать... И, главное, были бы Трубецкие, Волконские или, как в нашем случае, представители современной интеллектуальной или творческой элиты. Нет, самая обычная семья Усиковых. И с чего им подобное в голову втемяшилось — не понять. Моей коллеге было очень обидно.

— И что? Вышла она замуж в итоге? — заинтересовалась Камилла.

— Вышла. Сейчас в декрете. Поэтому ты её не знаешь. Ты позже пришла.

— А вот я бы за такого замуж отказалась выходить.

— Да ты не дослушала. Жених моей коллеги так возмутился поведением родителей, что в знак протеста взял фамилию жены.

— И теперь они Бородатиковы или Волосатовы?

— Не поверишь! Чёлкины! — фыркнул Денис.

— Чего только ни бывает в жизни, — покачала головой Мария Михайловна, а Анатолий Михайлович, сидевший до этого в задумчивости, поднялся и скомандовал: — Давай-ка, Денис, за дела приниматься. Погода налаживается, вполне можем дойти до птичьего базара. Владлен Архипович, вы нас проводите?

— Обязательно! — с готовностью подскочил Полоцкий-Семёнов. — Только оденусь.

— Анатолий Михайлович, родненький, а можно я ещё немного поленюсь? Последний вечер? А завтра с утра пораньше приступлю к работе. Честно-честно! — Камилла сделала такие умоляющие глаза, что не выдержал даже Денис. Он осторожно уцепил её двумя пальцами за хорошенький носик и пару раз поводит из стороны в сторону.

— Анатолий Михайлович, и правда. Пусть уж отдохнёт от потрясений. А завтра как навалим на неё дел, как навесим!

— Да гуляй, гулёна, — согласился старший орнитолог. — Но чтобы завтра уже без капризов.

— Всенепременно! — Камилла преданно закивала головой и захлопала длинными ресницами.

Анна убедительную сцену не досмотрела, тихо вышла, собираясь отправиться к маяку. Камилла нагнала её у дома Родаковых.

— Ань, можно я с вами? Нам с вами надо дружить. Вы ведь мне тоже уже почти родня.

Анна нервно выдохнула:

— Ками, ну хватит фантазировать.

— Ой, да ладно! А то я не вижу, какими глазами на вас дядя смотрит!

— Не выдумывайте.

— Ничего я не выдумываю. Вот бы на меня так Денис смотрел... — Она запрокинула голову и мечтательно посмотрела на вновь появившихся, когда стал утихать ветер, чаек и ещё каких-то птиц, названия которых Анна не знала. Над Закатом было по-прежнему серо, но севернее и восточнее уже обещал назавтра хорошую погоду золотистый полукруг ясного вечернего неба. Да и море теперь не плевалось пеной, не бросалось с ненавистью на берег, а хотя ещё и накатывало на него тяжёлые валы, но уже гораздо спокойнее и миролюбивее.

Вдвоём с Камиллой они дошли до маяка. В доме Василия были слышны мужские голоса, и Анна старалась среди них уловить единственный, ставший таким важным и нужным. Рядом Камилла болтала ногами, щурясь на заходящее солнце и грустно улыбаясь чему-то. От её близости Анне было легче. Она думала о том, как, оказывается, плохо разбирается в людях и как страшно разочаровываться в тех, кто так нравился ещё совсем недавно. А она-то, глупая, была уверена, что после Богдана такого больше не будет в её жизни. И вот теперь снова...

Распахнулась дверь, на крыльце появились приехавшие из Кронштадта специалисты. Анне все они показались очень городскими, чуждыми Закату и местным жителям, к которым она неожиданно причислила и себя с Камиллой. Последним вышел Хранитель. Он заметил ожидающих его девушек и улыбнулся им.

Дальше были долгие разговоры с приехавшими. Опрашивали их и по-одному, и группами. Анна старательно отвечала на вопросы, но думала только об одном: как бы поскорее оказаться наедине с Хранителем. Однако дожидаться этого она не смогла. Когда увезли Галину Филипповну, накормили и разместили на ночёвку оставшихся гостей острова, перемыли посуду и обессиленные разбрелись по комнатам, Матвей всё ещё не освободился.

Анна ушла к себе, чувствуя себя несчастной и разбитой. За дни на Закате она отвыкла быть одна, без Хранителя, и теперь ей было нестерпимо одиноко. Но сон, тем не менее, поборол её, едва она легла.

Ночь прошла, как один миг, а утро началось с яркого солнца за окном и криков чаек. Как в первое утро на Закате. Словно и не было нескольких мрачных во всех смыслах дней. Анна с удивлением поняла, что проспала почти до одиннадцати, чего с ней не случалось никогда, и тут же вскочила, чувствуя себя соней и лентяйкой.

Внизу Анну ждала улыбающаяся Мария Михайловна.

— Встала? — обрадовалась она. — Тогда у меня к тебе первое задание.

— Конечно! — с готовностью отозвалась Анна. — Кур покормить или на стол накрыть?

— Это позже. А пока отнеси-ка вот это к себе в комнату. — Мария Михайловна подвинулась, и Анна увидела на столе стеклянную вазу с тюльпанами.

— Откуда такая красота? — изумилась она. — Только не говорите мне, что на Закате есть ещё и тюльпановые поля.

— Не скажу. Это Матвей уже успел побывать в Кронштадте. И вот привёз тебе.

Анна не поверила своим ушам. За ней, конечно, ухаживали. Но чтобы вот так, с цветами, привезёнными на катере с большой земли и ожидающими, когда она проснётся — такого с ней ещё не случалось и вряд ли случится впредь. Слезы подступили к глазам, зацепало в носу, и она хрипло спросила:

— Он не сказал, как там Василий?

— Пришёл в себя и уже даже шутит. Матвей разговаривал с ним по телефону. Вечером собирается навестить. Ты поедешь с ним?

— Я не знаю, мне же теперь нужно уезжать с Заката, наверное. Я и так здесь задержалась и сейчас на птичьих правах.

— Что-то мне подсказывает, что продлить для тебя разрешение на пребывание на острове не будет проблемой, — тихо засмеялась Мария Михайловна, и Анне стало неловко. Она взяла вазу с тюльпанами и прижала её к себе.

— Так я пойду?

— Иди. А потом спускайся к завтраку. Сегодня все вразнобой питаются.

Анна поднялась к себе, распахнула окно и поставила вазу на подоконник. В этот миг снизу раздался голос, который она так старательно пыталась расслышать за окнами дома смотрителя накануне:

— Доброе утро!

Анна хотела было кинуться к окну, но сама остановила себя, постояла недолго, успокаивая заколотившееся сердце, и лишь после этого посмотрела вниз.

Хранитель стоял, сунув руки в карман светлых джинсов, и, задрав голову, улыбался ей такой улыбкой, которой она у него ещё не видела: спокойной и радостной, светлой и безмятежной.

«Вот теперь я точно пропала», — подумала Анна и сама поняла, что ошибается. Пропала она гораздо раньше. Уже очень давно. Целых несколько дней назад.

Глава 52. Сердце

Они снова шли по берегу, слушая говор успокаивающегося моря. Анна сняла обувь, и небольшие волны, набегая, щекотали ступни и щиколотки, заигрывая и веселя.

Оба долго молчали. Краем глаза Анна видела, что Хранитель улыбается чему-то. Наконец, она не выдержала этого многозначительного для неё молчания и спросила первое пришедшее в голову:

— Как вы догадались о брезенте?

Хранитель если и удивился, то не показал этого:

— Помните, меня смутило, что дверь из коридора в комнату в доме отца была открыта, когда я был уверен, что закрывал её?

— Помню.

— Мысль об этом не отпускала меня целый день, и ночью я решил всё же поискать причину этому. И в шкафу нашёл брезент. Это я в последний свой приезд привёз его по просьбе отца. Ему нужен был для чего-то. Тогда брезент был новым и лежал в пакете. И я лично клал его в шкаф. А когда приехал, не обнаружил на этом месте и удивился, но не придумал значения. Мало ли куда отец переложил его. Но потом он снова оказался в шкафу, на той же полке, где лежал раньше. Видимо, человек, заходивший в дом отца в наше с вами отсутствие, как раз возвращал брезент.

— Но ведь он лежал в шкафу в коридоре? Зачем же было открывать дверь в комнату?

— Возможно, чтобы убедиться, что в доме никого нет... — Хранитель пожал плечами. — Естественно, обнаружив пропажу на прежнем месте, я заинтересовался, развернул и увидел потёртости, песчинки и несколько прилипших травинок. Конечно, тот, кто брал его и потом вернул обратно, постарался придать ему первоначальный вид, но это удалось не вполне.

— И вы сразу подумали на Галину Филипповну?

— Нет. Я осторожно порасспрашивал о брезенте Полоцких. Те не видели, чтобы отец или кто-то другой доставал его и что-то делал с ним. Я не знал на кого думать. Это очень неприятно — подозревать всех и каждого.

— Да уж, — подтвердила Анна. — Мне тоже это очень не понравилось. Смотришь на людей и примеряешь на них роль преступника. Бр-р-р! А меня вы и правда подозревали?

Хранитель хмыкнул:

— Ну, сначала было немного. Но недолго.

— А когда вы стали подозревать Галину Филипповну?

— Да уже в самом конце. Когда Владимир упомянул о грохоте. Отец большой аккуратист. Ни в доме, ни вокруг него всё всегда на своих местах. Обо что-то случайно споткнуться можно только у сарая. Там стоит тачка, хранятся дрова. И я вспомнил, что видел щепки и деревянную труху на её обуви. А когда Камилла показала фотографию паспорта Галины Филипповны, всё стало ясно. Булатовы — не самая распространённая фамилия. Потом мы с вами осмотрели всё у поленницы, я обнаружил в тачке несколько капель крови (она стояла под навесом и дождь не смыл их), а мой друг подтвердил, что в волосах и на одежде отца тоже были щепки.

— Но ведь он мог рубить дрова, оттуда и щепки...

— Мог, — согласился Хранитель. — Но я точно знал, что с дровами он разобрался за несколько дней до этого. Он рассказывал мне по телефону. Мы с ним часто созваниваемся...

— Вы его очень любите? — спросила Анна, не слишком, впрочем, рассчитывая на ответ. Матвей не был похож на человека, склонного к сентиментальности. Но тот кивнул:

— Очень. Я рано себя помню. И сколько помню — со мной всегда был отец. Я знал, что мы не родные по крови, но ближе него и мамы у меня раньше никого не было. Он потрясающий отец. Почти всё, что я знаю и умею — это от него. Ни разу в жизни он не сказал мне, что занят, что не может уделить мне внимания, что я ему мешаю. Когда я болел, он часами сидел со мной, разговаривал, рассказывал обо всём на свете, читал книги. Мне кажется, я любил его всегда. И он меня. И я всегда знал это и никогда в этом не сомневался. А это важно. Особенно, когда становишься подростком. — Хранитель усмехнулся и негромко признался: — В детстве я иногда торчал у зеркала и надеялся разглядеть сходство с ним, так мне хотелось походить на отца. Мне он казался очень красивым и мужественным человеком.

— А вы ведь и правда похожи на него, — заметила Анна. — Взгляд, усмешка, интонации... Да и вообще. Я сначала этого не видела, а теперь вижу.

— Ну, я так этого хотел, что было бы странно, если бы и правда не перенял многое. Это вы ещё нас рядом не видели. Мама говорит — одно лицо. Преувеличивает, конечно, но сходство даже я замечаю... Но ничего, увидите — убедитесь. Я сегодня поеду к отцу и буду рад, если вы согласитесь составить мне компанию.

Анна от мысли о том, что они вместе, как близкие люди, приедут навещать Василия, смутилась:

— Он же в реанимации. Туда не пустят, наверное.

— Нас — пустят, — заверил Хранитель. Они уже дошли до Северного пляжа, где встретились впервые. И это воспоминание добавило Анне смущения. Хороша же она была в то утро: мокрая, в рубашке Марии Михайловны с кокетливым разрезом.

Матвей, видимо, тоже вспомнил об этом, потому что рассмеялся тихо, взял Анну за плечи и повернул к себе.

— Я то утро никогда не забуду. Не каждому удаётся увидеть настоящую морскую русалку живьём. Я сначала глазам своим не поверил. Хорошо, отец предупредил меня, что на остров приехала красавица по имени Анна. А то я бы решил, что с ума схожу. Иду себе по Закату, ищу отца, а тут дивное виденье в заливе плещется и что-то напевает.

При этих словах Анне стало совсем неловко, и она попыталась отвести взгляд, но Хранитель не дал, взял её лицо в ладони, всмотрелся в глаза и покачал головой:

— Я знал, что Закат моя судьба, но не знал, что настолько. Всегда думал, где же я найду женщину с закатной душой? Не на большой земле же. И вот нашёл. В водах залива.

Когда Матвей и Анна добрались до госпиталя, Василия уже перевели из отделения интенсивной терапии в палату. Он был ещё бледен и слаб, но друг Хранителя, который оказался весёлым плотным здоровяком, заверил:

— Дядя Вася молодцом. Ему уже гораздо лучше. Мы сегодня даже разрешили товарищам из прокуратуры с ним побеседовать. Недолго, конечно, но всё же. Но вас я попрошу пока никаких лишних вопросов не задавать. Хватит с человека на один день.

— Не будем, — с энтузиазмом пообещал Матвей, и его друг засмеялся громким раскатистым смехом и подмигнул Анне.

Увидев её вместе с Матвеем, он вообще сразу пришёл в весьма приподнятое настроение, тут же «облобызал», как сам выразился, обе «ручки» гости, сообщил, что рад знакомству и стал многозначительно поглядывать на своего друга, не тая, впрочем, этих взглядов и от Анны. Матвей усмехался, закатывал глаза и требовал прекратить вести себя, как бестолковый пятиклассник. Но это не помогало. И в палату к Василию Анна вошла, чувствуя себя так, словно ей устроили многоэтапные смотрины. Утешало только то, что, похоже, первый этап она прошла с блеском.

Второй прошёл даже ещё лучше. Василий, увидев на пороге сына, обрадовался, разулыбался бодро и поднял руку, сжатую в кулак. Тут Матвей посторонился и вытянул из-за своей спины Анну.

— Здравствуйте, Василий! — поприветствовала она, с трудом подавив желание изобразить что-нибудь вроде книксена.

Василий как будто и не удивился. Улыбнувшись ещё шире, он довольно сказал:

— Приехали, дети. Вот спасибо. — И тут же поинтересовался: — Как там у нас на Закате? Как наш маяк?

Матвей осторожно обнял отца, подвинул к его кровати стул, усадил на него Анну, а сам встал за её спиной, положил ладони на плечи и стал рассказывать о новостях. Василий слушал, кивал, потом сам рассказал, как всё было той ночью, когда он чуть не погиб. Но Анна почти не вникала в рассказ, ощущая только большие сильные руки на своих плечах. Иногда Матвей забывался и начинал тыльной стороной ладони гладить её шею под волосами. И тогда Анна каменела, опасаясь, что это заметит Василий и не зная, как он отреагирует. Но тот неспешно, спокойно продолжал делиться воспоминаниями о недавних событиях, время от времени ласково поглядывая на неё, будто всё происходящее было вполне привычным и естественным для них: и спокойная беседа, и забота Матвея об Анне, и его ласка. Словно они и правда семья, любящая и дружная.

Когда они с Хранителем вышли из госпиталя и сели в его машину, Анна укоризненно сказала:

— Ну разве стоило так волновать Василия? Он меньше суток, как пришёл в себя.

— Такое волнение для него очень полезно. Он из тех родителей, кто мечтает видеть детей счастливыми. Тем более, что он этого долго ждал. И мама тоже. А ещё он очень опасался, что я не смогу найти девушку с закатной душой. А вы ему страшно понравились.

— Откуда вы знаете?

Хранитель сел вполоборота к Анне, посмотрел на неё долгим взглядом, словно решаясь на что-то, и ответил:

— Отец написал об этом маме. Поэтому и прятал телефон от вас. Смутился. Он деликатный и очень скромный человек. А тут вы его почти застали за тем, как они с мамой обсуждали вас. Ему и стало неудобно. Наверное, решил, что таким образом он опустился до уровня сплетен.

Он мягко тронул машину и влился в вечерний поток, который даже в тихом Кронштадте был довольно плотным.

Анна почувствовала, что неудержимо краснеет. Нет, этот день определённо решил побить все рекорды по неловким ситуациям. Родители Матвея, оказывается, уже успели обсудить её и вынести решение, а сам Хранитель прочёл их переписку. Вот уж стыд, так стыд.

Накатило раздражение. Чтобы сменить тему, она спросила:

— А помните, вы спрашивали, кто договорился о том, чтобы мне разрешили приехать на Закат? Мне тогда показалось, что вы уже слышали имя, которое назвала мне сестра. Я права?

Хранитель снова недолго помолчал, и за этот миг Анна успела вспомнить упомянутое Нелкой имя и похолодеть. Матвей покаянно кивнул:

— Ну да, вы всё правильно поняли, Анна.

— Как же я могла не сообразить, когда начались все эти разговоры про фамилию? — растерянно пролепетала она, чувствуя, как подступают слёзы, и кусая губы. — Значит, разрешение для меня Нелка добыла через вашу маму?

— Да. Булатова Агния Сергеевна — это моя мама. Видимо, ваша сестра попросила её, а она попросила отца. Я даже подозревал, что это они специально провернули. Чтобы нас с вами познакомить. Очень уж лестно отзывался о вас отец, когда звонил мне. Я от него вообще никогда таких слов о девушках не слышал. Не склонен он петь дифирамбы. Тем более, что он был встревожен, просил, чтобы я срочно приехал, но при этом не забыл повосторгаться вами. Я уже тогда подумал, что дело нечисто.

Честно говоря, я был на них страшно зол и даже сначала думал, что отец меня на остров позвал, чтобы познакомить с вами. Плыл с утра на Закат и представлял, как серьёзно с ним поговорю и потребую оставить меня в покое. Потом, конечно, когда отец пропал, понял, что ошибался. Но всё равно предполагал, что вы тоже, так сказать, в теме и приехали на Закат с целью романтического знакомства. Поэтому поначалу немного сердился на вас ещё и за это.

— Сердились, но предложение сделали, — не зная, куда деваться от смущения и злясь на сестру, родителей Матвея, самого Хранителя и себя, зачем-то напомнила Анна.

И тут вдруг смутился Хранитель. Да так явно, что не заметить этого было нельзя. И Анна заметила, конечно. И всё поняла:

— Вы что? Вы сказали это специально?! Вы хотели меня проверить?! Убедиться, что я знала о планах ваших родителей?! Вы думали, я сразу вцеплюсь в вас мёртвой хваткой и потащу в загс?! — Анну трясло от омерзения.

— Нет, что вы! — попытался взять её за руку Хранитель. Но перед этим он на миг растерялся. И Анна обострившимся чутьём уловила эту растерянность. Она отшатнулась от него, схватила сумочку, которую зачем-то по привычке горожанки везде носить с собой телефон, документы и косметику, взяла с собой с Заката, и выскочила из машины.

К счастью, они в это время стояли на светофоре, поэтому она успела добежать до тротуара, но тут же зажёгся зелёный свет, машины тронулись, кто-то раздражённо засигналил. Анна краем глаза видела, как Хранитель проехал перекрёсток, приткнул машину почти сразу за ним, выскочил из неё и стал озираться. Она услышала, как он зовёт её, стараясь перекрыть шум улицы, юркнула в подворотню, потом долго плутала по дворам, наконец, нашла зелёный, тихий и безлюдный, села на лавочку и расплакалась.

Какой же душой она была! Поверила в предложение! Ещё и переживала, что Хранителя обидела своим ответом! А он, оказывается, её проверял! Какая мерзость! А она думала, что он и правда хотел жениться на ней!..

Анна ещё несколько минут поплакала, потом порылась в сумочке, достала телефон и набрала номер таксиста, который несколько дней назад вёз её в Кронштадт. Он оказался свободен и с готовностью согласился приехать за ней. Анна продиктовала ему адрес, обнаруженный на ближайшем доме, и стала ждать. За это время она успела купить билет на «Сапсан» и немного прийти в себя.

Приехавший таксист, конечно, что-то заподозрил, всё же забирать её пришлось не с набережной, да и вещей при ней не было, но расспрашивать не стал и даже почти всю дорогу сочувственно молчал.

— Вы знаете, а я ведь не договорилась о том, чтобы вам с женой и детьми разрешили побывать на Закате, — вспомнила Анна уже на подъезде к Московскому вокзалу. — Вы простите меня, пожалуйста.

— Да ну что вы! — всплеснул обеими руками таксист, на миг отпустив руль. — Да ничего страшного! Не хватало ещё из-за ерунды расстраиваться. Вы не переживайте!

— Спасибо, — поблагодарила Анна и вышла из машины, едва только она замерла у вокзала.

— Вы звоните, если ещё будете у нас в Питере или соберётесь на Закат! — попросил таксист.

— Непременно, — пообещала Анна, про себя решив, что уж на Закат-то больше она точно не соберётся. Никогда. Даже за вещами. В конце концов, на острове не осталось ничего жизненно необходимого или хотя бы важного. Не считать же, в самом деле, жизненно необходимым или хотя бы важным сердце...

Глава 53. Решение

Но Анна не угадала. На Закат она всё же вернулась. В тот же вечер.

Когда она прошла к кассам, Матвей уже ждал её там. Она настолько не ожидала увидеть его, что, когда он мягко взял её за руку, испуганно ахнула и вздрогнула всем телом. Хранитель схватил её в охапку и почти навесу оттащил в тихий угол.

— Ты что? — Он впервые за время их знакомства обратился к ней на «ты». — Ты что выдумала-то, Анна?! Я, конечно, дураком был, что принял тебя за потенциальную невесту, что сомневался в тебе. И ещё большим дураком, что так неудачно, без подготовки рассказал об этом и позволил усомниться в моём желании быть с тобой. Но, когда мы с тобой целовались на маяке, я уже совершенно точно хотел на тебе жениться. Так хотел, что таскал

тебя за собой по всюду, хотя в этом не было такой уж необходимости. Просто я понял, что ты мне нужна, и не хотел расставаться ни на миг, понимаешь?

Матвей обеими руками прижимал Анну к себе и жарко говорил ей всё это, глядя в глаза и не давая отвернуться:

— Аня, ну, скажи мне что-нибудь, а? Ну, скажи, что я гад и бестолочь, что ли? Что я беспринципный идиот и самовлюблённый индюк. Но только не молчи. Я и правда виноват. Но я и подумать не мог, что вот так, за несколько дней обрету человека, который станет мне настолько близким...

А родители мои ни при чём. Просто они, наверное, хорошо меня знают, вот и нашли девушку, мимо которой я уж совершенно точно не смог бы пройти. Я, оказывается, ужасно предсказуемый тип, ну, во всяком случае, для них. Они меня просчитали на раз-два. Никогда сводничеством не занимались, решили в первый раз — и сразу в цель.

Хранитель говорил негромко, но на них всё равно оглядывались. И Анне вдруг стало смешно. Ну, натуральная мелодрама. Она замотала головой так сильно, что волосы полетели в лицо, а Матвей испугался:

— Что? Что ты?

— Ничего они не просчитывали, — сказала Анна сквозь смех. — Я, пока ехала сюда, позвонила сестре. А она рассказала мне, что твоя мама даже не спросила, сколько мне лет и как я выгляжу. Просто моя сестра попросила устроить мне поездку на Закат, а твоя мама устроила, даже не зная, что я из себя представляю. Я могла быть хромой и косой матроной восьмидесяти лет, но она всё равно бы помогла. Из хорошего отношения к моей сестре. Так что ты ничего такого не думай. У тебя очень хорошие родители.

— Я знаю, — тоже улыбнулся Хранитель. — Поехали к нам, на остров, а? Или, если хочешь, ко мне в Кронштадт. Мне завтра обязательно нужно на службу. Я и так слишком долго манкировал своими обязанностями.

— Ого! Какие ты знаешь слова! — весело удивилась Анна.

— Ну-у... Иногда, на досуге, я читаю. Не слишком часто...

— А как же «я интересуюсь только тем, что касается маяков и моря»? — приподняла брови Анна.

— В книгах про них тоже попадают умные слова. Изредка... — Хранитель взглядывался в её лицо, глаза его смеялись. — Ну, так как? Едем на Закат? Там нас уже заждались. Мария Михайловна даже звонила, волновалась. И я клятвенно пообещал ей, что мы непременно будем к ужину. Нехорошо обманывать доверие близких людей.

— Едем, — решила Анна. — Только нужно отказаться от билета.

Вечер был чудесным. И раннее утро тоже. Анна сидела напротив Хранителя за столом в доме маячника, смотрела, как он ест, и чувствовала себя счастливой.

А потом он уехал, сказав, что постарается вернуться к вечеру. Но после обеда позвонил и виновато предупредил:

— Сегодня я не вернусь. Дел накопилось за эти дни столько, что я тут до глубокой ночи. И завтра, боюсь, тоже. Нужно было всё-таки остановиться у меня, в Кронштадте. Туда я хотя бы на несколько часов в сутки буду успевать заглянуть. А до Заката путь не близкий. Прости меня.

— Ничего. Я понимаю, — Анна старалась говорить легко и весело, но, конечно, расстроилась.

Весь следующий день она гуляла по острову, помогала Марии Михайловне и даже наблюдала с орнитологами за птицами. Камилла, которая очень обрадовалась возвращению Анны на Закат, постоянно теребила её, болтала о всякой ерунде, а потом, улучив минуту, когда мужчин рядом не было, спросила:

— Вы что? Так скучаете по Матвею?

— А что? Заметно? — ответила вопросом на вопрос Анна.

— Ну, вы какая-то не такая. Так скучаете, да?

— Я думаю, — честно призналась Анна.

— О чём? — Камилла серьёзно посмотрела на неё.

Но Анна уже передумала откровенничать и отшутилась цитатой из книг о муми-троллях:

— Да так, «о тщете всего сущего».

— Мама дорогая! — вытаращила глаза Камилла. — И часто с вами такое случается?

— Бывает, — засмеялась Анна и сменила тему разговора.

Через два дня, когда Хранитель всё же добрался до Заката, она, накормив его ужином, грустно сказала ему:

— Ты знаешь, твой отец ошибся.

— В чём? — не понял Матвей.

— У меня не закатная душа. Я не смогу здесь жить.

— Ну, и я пока здесь не живу, — напомнил Хранитель. — Мне до пенсии ещё далеко.

— Я и на пенсии не смогу, — невесело покачала головой Анна. — Как твоя мама.

Матвей отложил вилку и долго молчал, внимательно и грустно глядя на неё. Потом кивнул:

— Ну, что ж. Значит, будем жить в городе, а сюда изредка выбираться. Такой вариант подойдёт?

— Нет. — Анне было больно говорить это, но и скрывать то, о чём думала долгие два дня без него, она тоже не могла. — Я не только не закатный, я ещё и не морской человек. Я обычная женщина, которая хочет, чтобы муж приходил домой каждый вечер и спал рядом, а не уходил в море, не пропадал на островах, не знал, куда его отправят служить завтра. Мне слабо, Матвей. Понимаешь? Кто-то может, но не я.

Я с трудом пережила эти два дня. А ведь мы ещё только в самом начале. Что же будет потом, когда я ещё сильнее привяжусь к тебе?

Если я соглашусь на эту жизнь из-за любви, то потом начну ненавидеть тебя, твою работу, себя за то, что согласилась быть с тобой, Нелку, за то, что отправила меня на Закат, подруг, за то, что их мужья рядом с ними, а мой невесть где, весь мир...

А я так не хочу. Не смогу. Для меня это будет невыносимо. Я ещё никогда и ни к кому не испытывала такого, как к тебе. И я не хочу, чтобы вот это, что сейчас живёт во мне, разбилось о... — Она осеклась, с тоской посмотрела в окно, на маяк и закончила: — Да даже не о быт, а о разлуку. О камни этого или любого другого острова, о стены маяков, о набережную Кронштадта... Не гожусь я на роль жены морского офицера. Видимо, это не каждой дано... Я не справлюсь.

В этот раз Хранитель молчал ещё дольше. Потом почти спокойно (если бы Анна знала его чуть меньше, то, возможно, и не услышала бы боли в голосе) спросил:

— Когда ты планируешь уехать?

— Завтра утром, если можно.

— Я отвезу тебя.

— Может, лучше попросить Владлена Архиповича?

— Я всё равно еду в город. Мне опять на работу.

— Тогда ладно. Спасибо.

— Поблагодаришь завтра. Пойдём, я провожу тебя к Полоцким. Здесь ты наверняка не захочешь остаться.

Полоцкие ещё не спали. Мария Михайловна их приходу обрадовалась, но когда поняла, что Анна остаётся у них, а Матвей уходит в дом отца, заметно огорчилась. Анна поскорее поднялась в комнату, которую привыкла считать своей. На столе в ней по-прежнему стояли ещё не до конца увядшие тюльпаны. Она убрала вазу в шкаф, плотно прикрыла дверцу, чтобы не видеть их и принялась собирать вещи.

Всё правильно. Ей уже не двадцать лет, чтобы не думать о последствиях своих решений.

Глава 54. Вдали

Месяц она ничего не слышала ни о Хранителе, ни о Закате. Нелка, которая, разумеется, вытрясла из сестры все подробности произошедшего на острове, вопреки ожиданиям Анны ругать её не стала.

— Да уж. И не знаю, что сказать. Не всем дано быть декабристками, в этом я с тобой соглашусь.

— Я каждый день об этом думаю. Но как вспомню о родителях, о тебе, о всех вас, как подумаю, что, если бы я решила перебраться в Кронштадт, то видела бы вас совсем редко, мне волком выть хочется. А ты бы что решила на моём месте?

— Я бы? Ты знаешь, я вот ни минуты не декабристка была, когда мы с Мишкой женились. Я даже опасалась, что через год-другой разлюблю его. Но нет, оказалось, что любовь никуда не делась и даже сильнее стала. Вот сейчас я за ним готова куда угодно. Но мне к этому нужно было прийти. Возможно, ты у нас тоже из породы тех, кому необходимо время.

Анна вздохнула тоскливо и потерянно:

— А если бы Миша с первых дней не с тобой был, а пропадал в море? А если бы тебя в роддом вёз и забирал не он? Если бы с племянницей моей ненаглядной не помогал, потому что времени у него на это не было бы? Что тогда было бы с твоей любовью, а, Нел? Вот только честно.

Сестра с болью посмотрела на неё:

— Честно? Не знаю. Может, уже и семьи нашей не было бы. То, что ты описала, это сложно.

Анна благодарно пожала ей руку:

— Вот и я о том же. Я понимаю, что многие пальцем у виска покрутят. Мол, зажралась. Офицер, красавец, сплошные достоинства. Мечта, а не муж! Но я не вижу в себе сил жить порознь. Я, наверное, слабый человек. Но мне редких встреч мало. Понимаешь?

— Понимаю... — пригорюнилась Нелли. — Правда, понимаю.

После этого разговора они больше не вспоминали о Матвее. Вернее, Анна о нём и не

забывала, но вслух не говорила. Нелли по-прежнему звонила каждый день и, видя в каком состоянии пребывает её младшая сестра, часто приезжала вместе с дочкой. И только в эти минуты Анна ненадолго отвлекалась от своих горьких дум.

Ни Закат, ни его Хранитель не хотели отпускать её.

Через месяц в соцсетях Анну неожиданно нашла Камилла. Оказалось, она едет в отпуск к родне в Москву и хочет повидаться с Анной. Та неожиданно для себя обрадовалась и даже не сразу поняла, что надеется услышать от Камиллы что-нибудь о Хранителе, а поняв, рассердилась и пообещала себе никаких вопросов о нём не задавать.

Но у Камиллы были другие планы. Недолго поболтав на отвлечённые темы, она вдруг задала неожиданный вопрос:

— Ань, так о чём вы тогда думали? Ну, на Закате? Ведь не о тщете всего сущего в самом-то деле? Я даже книгу про муми-троллей нашла и прочла, чтобы понять, что вы тогда мне хотели сказать. И не поняла. Вы же не Ондатр. Вот ни капельки не похожи.

Анна фыркнула, чувствуя себя рядом с Камиллой немолодой и умудрённой жизненным опытом, но всё же честно призналась:

— О том, как сложно менять жизнь, когда тебе не двадцать, а несколько больше.

— Ой! Ну и не сорок ведь! — возмутилась Камилла. — Хотя некоторые и в сорок меняют. Тоже, кстати, ещё не приговор.

— А во сколько приговор? — улыбнулась в ответ Анна.

— Да ни во сколько! Вон, посмотрите на нашего АнМиха. Он ведь Марии Михайловне предложение сделал. И она согласилась. Когда вы уехали, а мы ещё на Закате остались, она рассказала мне, что они с АнМихом, оказывается, когда-то работали вместе. Ну, в смысле, в одном НИИ. Она там поваром была. А АнМих аспирантом. Ну, и влюбилась она в него не на шутку. А он в неё. Но что-то у них не сложилось. Расстались. Мария Михайловна говорит, всю жизнь жалела. А он даже не женился ни разу. И теперь вот от неё не отходит. Сейчас уехал, конечно, ему в командировку надо. Но пообещал уйти на пенсию, как только она за него замуж выйдет.

— И что? Будет жить на Закате? — не поверила Анна.

— Собирается.

— Надо же. А как у вас с Денисом?

— А никак. Посмотрела я на вас с Матвеем и поняла, что до такого мне далеко, а по-другому я уже и не хочу.

— Ну, как показала жизнь, мы не пример для подражания, — горько усмехнулась Анна.

— Да ну! — не поверила Камилла. — Скажете тоже! Я же не слепая, видела, как вы друг на друга смотрите.

Анна остановила её, приложив палец к губам:

— Мы же расстались, Ками.

— Ой, не могу. Расстались они! Да вы даже сейчас, вот только что, палец к губам прижимали точно так же, как он делает. Один в один жест...

— Это ничего не значит. Совсем ничего, — начала раздражаться Анна.

Камилла печально и мудро посмотрела на неё:

— Вы ошибаетесь, Анна. Это значит очень многое, и мне казалось, что уж вы-то совершенно точно должны это понимать.

Девушка легко поднялась.

— Вы простите меня за то, что я лезу. Но даже у меня перед глазами стоят те дни, когда вы были вдвоём. Неужели у вас не стоят? Я бы, наверное, умерла от тоски на вашем месте.

Она положила на столик деньги за кофе и пирожное, которые заказывала, и повернулась, чтобы уйти.

— Я и умерла, — сказала ей вслед Анна.

Камилла резко оглянулась и кинулась к ней:

— Ну, так бросайте всё и поехали к нему! Вот правда! Вы же молодая, всего на несколько лет старше меня! Почему же вы вот так готовы отказаться от самого главного?! Вы что?! Так ведь нельзя! Это же неправильно. Вы же не хотите, как АнМих, очухаться только перед пенсией? Хорошо, конечно, что до него хоть сейчас дошло, какое Мария Михайловна сокровище. Но ведь это каким тормозом надо быть!

В последних словах было столько уже привычной Анне камиллиной прямолинейной и при этом трогательной беспардонности, что она не удержалась — прыснула, а потом засмеялась вслух. Впервые за последний месяц.

Отсмеявшись, она признала:

— Нет, так я не хочу.

— Ну вот! Тогда вставайте — и отправляйтесь к нему. Я его видела не так давно. И — поверьте эксперту — ему там реально хреново без вас. Он даже на Закате не бывает. Торчит в своём Управлении с утра до ночи. А это что-нибудь да значит. Я не поленилась — съездила, посмотрела. И, скажу я вам, он в форме такой красавчик, что — помяните моё слово! — долго один не останется.

Веселье, ненадолго овладевшее Анной, тут же улетучилось, и она сухо ответила:

— Значит, не слишком-то и страдает.

— Да что ж такое-то! — чуть ли не в полный голос возмутилась Камила и нависла над Анной. — Вы ж меня знаете, мои слова нужно фильтровать. Пошутила я! Разве непонятно? Но я был на вашем месте всё же поторопилась. И не потому, что мой родственник может устать ждать, а потому, что вам потом будет очень жалко эти дни, которые вы так бездарно провели вдаль от него.

— Вот это да! — восхитилась Анна. — Вот это пафос!

— Я работаю над собой и своим словарным запасом, — скромно потупившись, сообщила Камила и протянула Анне листок в клеточку, сложенный в несколько раз.

— Что это? — заинтересовалась Анна.

— Адрес Управления и примерное расписание Матвея.

С этими словами она снова повернулась и, ловко лавируя между столиков, выскочила из кафе. Анна осталась в глубокой задумчивости, из которого её вывел звонок.

— Да, Нел, — рассеянно ответила Анна. Сейчас ей не хотелось разговаривать даже с сестрой. Но та, обычно чуткая к интонациям, в этот раз ничего не заметила и энергично и даже резко выпалила:

— Слушай, сестра моя любимая! Я всё думаю, думаю... И вот не даёт мне покоя один вопрос.

— Какой? — обречённо спросила Анна.

— А вот такой. Я в твоём отношении к Богдану не видела и малой толики того, что вижу в твоём же чувстве к Матвею. Может, я, конечно, полная дура и ничего не понимаю и тебя совсем не знаю, но вот не могу никак понять: почему же тогда ты была готова свою жизнь, своё здоровье отдать за совместное будущее с Богданом, а теперь не хочешь хотя бы

дать шанс вам с Матвеем? Ты что у меня, с ума сошла совсем?

Анна, в ушах которой до сих пор звучали слова Камиллы, несмело засмеялась.

— Ты что это? — насторожилась сестра. — Ты там в порядке?

— Да вот тоже думаю, что ж ты так долго этот вопрос формулировала, Нел?

— Видимо, некоторая приторможенность — это у нас семейное, — самокритично предположила Нелли и с нажимом поинтересовалась:

— Так как? До тебя тоже дошло, наконец? Или пока только до меня?

— Дошло, — призналась Анна.

— Так что? Я билет заказываю?

— Да я сама...

— Нет уж. Сама ты опять передумаешь, — отрезала старшая сестра. — Телефон держи при себе. Сейчас я закажу и перезвоню.

Глава 55. Слово Хранителя

Выйдя из кафе, Анна с удивлением заметила, что ещё в разгаре лето. А ей казалось, что уже осень. Из какого-то магазинчика зазвучала песня Челентано «Конфесса», которую в последний раз она слышала на Закате, когда звонил телефон Хранителя. И сейчас Анна, как замороженная, пошла на знакомые звуки.

Дослушав до конца, она вытянула из сумочки смартфон, забила в поисковик запрос "перевод песни «Конфесса» и впилась глазами в чередующиеся итальянские и русские строчки:

Ma perche non l'hai detto prima

От чего не сказать сначала,

Chi non ama non sara amato mai

Что любовь твоя — не для меня!

Che ne hai fatto del nostro bene?

Что ты сделала с нашей жизнью?

E' diventato un freddo brivido

В мире холодно без тебя...

Дочитать до конца она не смогла. Но не потому, что глаза застилала слёзы, а из-за того, что снова зазвонил телефон.

— Да, Нел, — стараясь, чтобы сестра не услышала, как дрожит её голос, ответила Анна. — Ты заказала билет?

В телефоне повисла секундная пауза, потом смутно знакомый голос сказал:

— Ань, привет. Это Денис. Ну, с Заката.

— Здравствуй, Денис, — ответила она и чуть не разрыдалась в голос. На миг, пока в трубке повисла тишина, Анне показалось, что это звонит Матвей.

— Ань, — заметно смущаясь сказал Денис. — У меня к тебе серьёзный разговор. Ты только не сердись, ладно?.. — Он помялся и решительно выпалил: — Ань, ты бы вернулась сюда, что ли. Ты не подумай, я не о себе думаю. Совсем не о себе. Возвращайся, а?

— Спасибо, Денис, — искренне поблагодарила его Анна. — Вот правда, спасибо.

— Так ты вернёшься?

— Вернусь.

— И правильно, Ань. Тогда пока. Вы мне потом позвоните, что ли? Может, сходим куда вместе. Твой Матвей не так плох, как мне казалось.

— Хорошо, спасибо. — Анне стало смешно.

— Я сейчас с другого телефона звоню, но мой номер у тебя должен быть. Помнишь, я тебе видео пересылал. Ну, того что ты снимала, когда мы Владимира ловили. Ты его сохрани, Ань. Я про телефон.

— Я уже сохранила.

— Вот и молодец. И приезжай, Ань. Чем скорее, тем лучше.

Когда телефон зазвонил вновь, едва Анна успела положить его в сумочку, она с опаской посмотрела на экран и пробормотала:

— Кто на этот раз? Мария Михайловна? Владлен Архипович? АнМих или, может Володя?

Но теперь всё же звонила Нелли. В своей обычной манере она выпалила:

— Поезд завтра утром, электронный билет я тебе отправила. Дуй собираться.

— И что? Вы тут по мне совсем не будете скучать?

— Будем, конечно, — легко откликнулась сестра. — Но по платной трассе до Питера можно доехать за шесть-семь часов. Мы иногда на дачу почти столько же добираемся. А муж, между прочим, обещал мне новую машину. Так что ты не надейся от нас избавиться. Будем с Мишкой закидывать к вам детей, а сами гулять по Питеру. Хорошо я придумала?

— Детей? — проигнорировала последний вопрос не верящая в происходящее Анна.

— Ну-у... да. Кажется, я запалилась?

— Ага.

— Только ты Мишке не говори. У него день рождения через две недели. Я хотела сюрприз сделать.

— Не скажу. Но тогда, чур, будем гулять в порядке очереди. Сначала вы с Мишей, а потом мы с Матвеем.

— Вот эти планы мне очень нравятся! — одобрила Нелли и потребовала: — Сядешь в поезд — позвони.

Ехать было страшно. Выйдя из «Сапсана», Анна отправилась в кафе и долго уговаривала саму себя не поддаваться панике. На маленьком изящном столике перед ней лежал измятый лист в клеточку, на котором Камилла старательно вывела адрес и время работы Матвея. Отдельной строкой было написано: «Рабочий день у него ненормированный, раньше 19.00 не выходит».

Анна посмотрела на время. До 19.00 было ещё далеко. Но она всё же решила отправиться к Управлению и позвонила своему знакомому таксисту. Через час они уже были на месте.

— Вас подождать? — спросил таксист.

— Нет. Если всё пройдет нормально, то я останусь здесь.

— Тогда я не буду ждать вашего звонка, — таксист лукаво улыбнулся. — И пожелаю удачи.

— Спасибо. — Анна помахала ему рукой и поняла, что ей уже не так одиноко в чужом городе. Оказывается, она успела обзавестись знакомствами. Мысль об этом придала ей

уверенности и убеждённости в том, что она всё делает правильно.

Оказавшись перед красивым серым зданием, Анна растерялась. Ни скамеек, ни какого-нибудь сквера, где бы она смогла дожидаться Матвея, не слишком привлекая к себе внимание, поблизости не было. Только неширокий тротуар. Если придётся ждать несколько часов, то она со своим чемоданом здесь успеет всем глаза намозолить, да и сама измучается. Можно было, конечно, позвонить Матвею, номер у неё имелся, ведь ещё на Закате она пересылала ему видеозапись, которую сделала, когда ловили Владимира. Но почему-то этот вариант ей совсем не нравился. Нет, всё же лучше не звонить, а встретить у входа, чтобы увидеть его лицо, уловить реакцию на то, что она снова появилась в его жизни. А то вдруг Камилла и Денис ошибаются?

При мысли об этом Анне стало тошно. Она с трудом удержалась, чтобы не застонать вслух, и решила пройтись по окрестностям. Всё лучше, чем просто ждать, изводя себя мыслями. И она уже почти ушла в сторону Большой Невы, когда позади приглушённо хлопнула тяжёлая дверь. Анна оглянулась. Из Управления вышел высокий офицер в чёрной морской форме и направился в её сторону. Анна испугалась, что так может пропустить, когда выйдет Матвей, и решила вернуться. Мало ли, может, у него короткий день, или ему нужно на совещание, или...

Перебирая в голове разные варианты и в этом находя некоторое успокоение, она уже почти дошла до офицера, когда вдруг он остановился, как вкопанный, прямо у неё на пути. Анна, погружённая в свои мысли, заметила это, но не обратила внимания и чуть изменила направление движения, чтобы благополучно разминуться с возникшим препятствием. Офицер сделал шаг в ту же сторону. Анна шагнула в другую, уступая дорогу, и миролюбиво улыбнулась. Надо же, не смогли разойтись на почти пустом тротуаре.

— Простите, пожалуйста, — пробормотала она и подумала, не спросить ли у офицера о Матвее, но не решилась и снова вильнула в сторону, чтобы разминуться уже окончательно. Неожиданно офицер протянул к ней руки и взял за предплечья. Анна от неожиданности отшатнулась, запнулась за свой же чемодан и упала бы, не держи её крепкие руки.

— Ну, что ж ты так неосторожно? — спросил голос, который не давал ей спокойно спать вот уже месяц, еженощно звуча в снах. — А если бы меня не было рядом?

Не веря в то, что всё происходящее не сон, Анна вскинула глаза на офицера, узнавая и не узнавая в нём Хранителя Заката. А тот вынул из её руки ручку чемодана, отставил его в сторону и знакомым движением прижал Анну к себе. Ей сразу стало неудобно. Щёку царапали какие-то нашивки и раздражала довольно грубая ткань кителя, но Анна не пошевелилась бы, даже если ей пришлось прижиматься к чему-нибудь гораздо менее приятному. Потому что за этой грубой тканью тяжело бухало сердце человека, без которого она пробовала, но не сумела жить.

— Ты приехала, — прошептал он ей в волосы. — Ты приехала. — И тут же предложил: — Хочешь, я уволюсь?

Анна счастливо засмеялась, откинулась в его руках и покачала головой:

— Нет, конечно! Ты что? Кто же тогда будет хранить Закат, его маяк и все остальные маяки тоже?

— Но как же ты?

— А я буду женой Хранителя Заката. Если, конечно, сам Хранитель ещё не передумал. — Она счастливо и немного кокетливо смотрела на него.

— Не дождёшься, — ответил он. И добавил: — Хранители своими словами не

разбрасываются.

Конец

Больше книг на сайте - Knigoed.net